

Основа и источник

Вот дух, который, как мне кажется, находит удовольствие не в том, чтобы делать зло, и не в том, чтобы искать отмщения за причиненное зло, а, наоборот, в том, чтобы претерпеть все в надежде, в конце концов, добиться своего и насладиться этим. И надеется он пережить весь гнев и раздоры, и, истомившись, изжить экзальтацию и жестокость, и все прочее, противоречащее сути его. И провидит он все искушения до самого конца. И поскольку не несет он зла в себе, то и не зачинает он зла ни к кому даже в мыслях. И если предать его, то стерпит он это, так как почвой его и источником его являются милосердие и прощение Господни. Венец его в кротости, жизнь его – любовь вечная и непритворная; завоевывает он царствие свое мольбой, а не борьбой, и сохраняет его смирением души. Только в Боге находит он веселие, хотя никто не может сказать, что имеет к нему отношение или владеет жизнью его. Зачат он в горести, и когда родился он, некому было пожалеть его, и не ропщет он при виде горя и угнетения. И нет для него радости, а только страдание, потому как мирское веселье убивает его. И нашел я его одиноким, всеми покинутым. И с тех пор собратьев я нахожу среди тех, кто обитает в хибарах и на пустошах, кто через смерть получил воскресение и вечную святую жизнь.

Джеймс Нейлер, 1660
Квакерская вера и практика 19.12

Посвящается Питеру – еще одному плоду нашего партнерства

Автор

Бет Аллен выросла в семье квакеров в северном Лондоне, изучала теологию в Ноттингемском университете и вышла замуж за англиканского священника. В течение 20 лет, до 2005 года она работала в Доме Друзей и занималась в основном деятельностью по поддержке квакерских собраний в отделе Квакерской Национальной Службы, который позже был реорганизован в новый центральный комитет под названием Квакерская Жизнь, а затем она стала генеральным секретарем Отдела по квакерским связям. Ее работа в квакерских организациях включала в себя обширные контакты с представителями других церквей и верований, а также поиски подходов к решению сложных вопросов, таких как защита детей. Многие квакеры, встречавшиеся с Бет, отмечали то душевное оживление, которое она обретала, помогая поддерживать и развивать квакерство.

Основа и источник

Основные принципы квакерского следования за Христом

Бет Аллен

Свортморская лекция 2007 года

Свортморская лекция

На заседании Вудбрукского комитета повышения квалификации, состоявшемся 9 декабря 1907 года было принято решение об учреждении фонда на чтение Свортморских лекций: в

протоколе Комитета было записано о выделении средств на «ежегодную лекцию на какую-нибудь тему, связанную с целями и работой Общества Друзей». Имя Свортмор было выбрано в память о доме Маргарет Фокс, который всегда был открыт для искренних искателей Истины, и откуда исходили слова, исполненные любви и симпатии, а также и значительная материальная помощь для собратьев по деятельности.

Организация и проведение лекций и по сей день остаются ответственностью попечителей Вудброкского квакерского исследовательского центра, и являются значительной частью образовательной работы, которая ведется как в самом Вудброке, так и из Вудбрука.

Организация Свортморских лекций имеет двоякую цель: во-первых, эти лекции дают возможность членам Общества Друзей лучше понять и интерпретировать для себя цели и задачи своей миссии, и, во-вторых, они представляют дух, цели и фундаментальные принципы Друзей широкой публике. Ответственность за высказываемые мнения целиком и полностью лежит на лекторах.

Фонд на чтение лекций предоставляет средства как на подготовку и чтение самой лекции, так и на последующую публикацию книги. Чтение лекции обычно приурочено к Годовому Британскому собранию Общества Друзей. Лекция, представленная в данной книге, была прочитана в Доме Друзей, на Годовом Собрании в Лондоне вечером 5 мая 2007 года.

С Комитетом по организации и проведению Свортморских лекций можно связаться через Офис: c/o Woodbrooke Quaker Study Center. 1046 Bristol Road, Selly Oak, Birmingham B29 6LJ.

Содержание

Предисловие
Введение

1. *Вначале...*

2. *Совместное творение*
Сотворцы с Богом
Невидимый Бог

3. *Основы нашего молчания*
Почему молчание?
Быть настоящим
Внутри тишины

4. *Бог за работой?*
Научаясь пронизательности
Быть доступным
Какого Бога мы находим?
И где этот Бог?

5. *Сумятица Творения*
Конечность, свобода и зло
Возрождение жизни

Вынося тьму на свет

6. *Выражая нашу Веру*

Не существует никакого твердого кристалла
Что кроется за этим?
За пределами опыта: Квакеры и теология
Дорожные документы

7. *Жизнь с различиями*

Какова ваша практика?
Знакомство с нашими «типажами»
Убежденность без догматизма

8. *Духовный компост*

Знакомство с «дурными материями»
Приобретение опыта извне

9. *Квакеры, Крест и Воскрешение*

Квакеры и Крест
Бог во всем сущем
Красноречие искусства
Значение Иисуса

10. *Квакерская патология*

Отношения друг к другу в жизни собрания
Жизнь Общества
Наши собственные внутренние жизни

11. *Что помогает мне?*

Кажодневная практика
Приятие простоты

12. *Жизнь в Жизни Духа*

Вопросы для Размышления и Обсуждения

Глоссарий

Библиография

Предисловие

«Он же сказал им: поэтому всякий книжник, наученный Царству Небесному, подобен хозяину, который выносит из сокровищницы своей новое и старое» (От Матфея 13:52) и если сокровища находились там уже долгое время, то мы не можем быть уверены в том, откуда они взялись. За многими моими словами лежат слова других – Юлиана Норвичская, Пол Тиллих, Джордж Херберт, Алан Ричардсон, Роуэн Уильямс и бесчисленное множество других, питавших мои размышления и раздумья, не говоря уже о 350 годах письма и говорения, богослужений и молчания. Те читатели, кто знаком с первоисточниками лучше, нежели я, найдут слова других, приблизительно процитированными и вплетенными в текст.

Я работала со многими Друзьями, и они влияли на ход моих мыслей. Среди многих других хочу поблагодарить Джо Фэрроу, Дэвида Грей, Веру Долтон, Клиффорда Барнарда, Энн Хоскин, Джима Пима и Эльсу Дикс. Особую благодарность хотелось бы высказать в адрес моих предшественников, выступавших со Свортморскими лекциями. Многие концепции, озвученные впервые Джанет Скотт, Кристиной Тревелл, Элеонорой Несбитт, Хелен Стивен и другими, стали частью моего собственного разума. Пожалуй, наибольшее чувство благодарности я испытываю к Крис Кук и Бренде Хилз за их лекцию «Образы и молчание».

Хочу также поблагодарить всех тех, кто ответил на первоначальный опрос о благочинии и его практическом воплощении. Маргарет Ален, Фрэнк Кранмер и Джози Штейн прочитали первый черновой вариант и пространно его прокомментировали. От нескольких глупейших ошибок они меня спасли, ну а ответственность за ошибки оставшиеся лежит целиком на мне, но никак не на них. Джозеф Кейт из лондонской библиотеки Дома Друзей терпеливо выискивал ссылки.

Комитет по Свортморским лекциям подсказывал, исправлял, вдохновлял и поддерживал меня, особенно через Бренду Хилз и Майкла Блисса. Дебора Пэдфилд отредактировала текст, а Питер Дэниэльс вместе с другими сотрудниками Комитета по коммуникациям довели книгу до публикации. Работать с Друзьями так увлекательно!

И, наконец, как всегда, спасибо Питеру Алену за надежную поддержку и глубокое понимание сути проблемы.

Я старалась пользоваться языком несексистским, за исключением прямых цитат, и сверх всего соблюдать гендерный нейтралитет, говоря о Боге. В работе я пользовалась новой исправленной стандартной версией Библии. Иные случаи оговаривались особо. В глоссарии представлены некоторые важнейшие квакерские термины.

Введение

Поймай же птицу райскую,
И в клетке золотой запри,
А поутру проверь –
Ее уж там не будет.

Ах, птица рая!
Ты проследи ее полет:
Ах, птица рая!
Лети же, лети.

Сидней Картер, 1969

Где же нам найти райскую птицу – как сохранить свободу Духа? Как сделать так, чтобы мы шли вперед с душою, исполненной уверенности и веры? Свободны ли мы настолько, чтобы свежий, чистый ветер Духа поднял бы нас высь?

Мир, в котором мы живем, полон напряжения – как между религиями, между религиозным и светским отношением к жизни, так и между различными трактовками того, чем же является религиозная вера. Вот в таком мире Друзья, подобно прочим

искателям, доискиваются каких-то определенностей, каких-то основ, которые, не будучи клетками для нас самих или друг для друга – равно как и для Духа – все же могли бы помочь нам жить, сохраняя чистоту и силу чувств. Эта книга и посвящена обзору такого поиска.

Можем ли мы сегодня думать, молиться и действовать, сохраняя внутреннюю чистоту и целостность? Можем ли мы обрести определенные основания для наших убеждений, жизнеспособную опору для нашего образа жизни? Как нам сохранить верность одновременно нашей внутренней сущности и знаниям в области психологии, физики и экологии, а к тому же и унаследованное учение нашей религиозной общины и ее основополагающие вдохновляющие идеи? Как можем мы оставаться верными божественному Духу, который мы знали в нашем прошлом и который зовет нас вперед?

Я надеюсь – я верю – что некоторые черты традиционного квакерского образа жизни, мышления и высказывания могут сформировать неплохую модель для наших попыток жить в правде и чистоте в правоверном ученичестве, и работать ради мира, справедливости и благополучия нашей планеты.

Какая грандиозная задача! Но если мы намереваемся заниматься большими и серьезными делами в мире, нуждающемся в сильной справедливости и глубоком сострадании, нам понадобятся нестигаемые и жизнеспособные теология и практика. Нам нужна прочная основа, на которую мы могли бы опереться в процессе достижения идеалов, предпринимая действия, которые сделали бы мир и справедливость реальными уже сегодня.

Как принято у Друзей, мы начинаем и заканчиваем молитвенными собраниями. В процесс обсуждения будут вовлечены сразу несколько тем, тесно связанных друг с другом, – творение, разрушение и воссоздание; истина и честность; испытание веры; ученичество и как мы сохраняем веру; лидерство и авторитетность; напряжение и спокойствие; изложение основ нашей веры; вечность, хранящая в себе время; молчание и слова, хранящие друг друга; действие и неподвижность.

Попутно мы обратим внимание на некоторые слова из квакерской традиции; бывает поучительно раскрыть их значение, обнаружить спрятанные в них метафоры, исследовать лингвистические структуры, которыми мы пользуемся таким фамильярным образом, что уже и не замечаем их значимости. И поскольку возникают они в молчании, квакерские слова могут нести в себе огромное значение, и в них содержится многое из нашей традиции и нашего учения.

Я обнаружила несколько весьма стимулирующих математических и научных моделей, образов и идей, однако мой к ним подход отнюдь не является подходом специалиста: моя исходная точка зрения – это точка зрения студента-теолога. Однако когда мы имеем дело с природой вселенной, мы должны принимать во внимание междисциплинарное перекрестное оплодотворение и связь между наукой и верой. Вокруг нас повсюду аргументы, не поддающиеся игнорированию. И я надеюсь, что другие, знающие больше чем я, продолжат дискуссию.

Я сочла возможным назвать четыре вопроса, которые, по моему мнению, весьма способствуют развитию теологической и философской мысли:

- Какой опыт лежит за данным утверждением?
- Какую концепцию Бога предполагает данное утверждение?

- Что делает Бог?
- Чем я могу помочь?

Отвлеченные построения из столь разнообразных идей и точек зрения – дело весьма непростое. Наш метод строительства общины, собрания или комитета – или же книги о квакерском образе мышления – скорее похоже на строительство каменной стены, сложенной без раствора: сначала мы собираем массивные камни, но все они разного размера и формы, одни – бугристые, другие тяжелые, а третьи и вовсе мелочь. Некоторые пойдут в основание, другие на окончательную отделку, а вот этот камешек как раз подойдет, чтобы закрыть как раз это неудобное отверстие в стене. И весь фокус в том, чтобы правильно определить подходящее место для каждого камня.

Надеюсь, эти разнообразные намерения окажутся годными к использованию в качестве вразумительной и понятной структуры, которая могла бы определить несколько областей для плодотворных размышлений, но не замыкала бы Дух в себе. Вопрос в том, готовы ли мы послужить строительным материалом?

1. В начале ...

По мере того, как мы будем знакомиться с основами нашего богослужения, практики и нашей веры, краткое изложение обоснований для собственных размышлений продемонстрирует опыт, скрывающийся за моими словами. Мои родители были квакерами, оба родом из Бирмингема. Мой отец воспитывался в англиканской вере, однако пришел к квакерству примерно ко времени знакомства с моей матерью. Во время Второй мировой войны они оба были противниками военной службы и членами Санитарного Отряда Друзей. Я родилась вскоре после Дня Победы, можно сказать, что я была дитя мира. В своей семье мы радовались дружбе с русским, китайским и американским народами, принимали бывших заключенных и детей из неблагополучных и распавшихся семей. Мы присоединялись к миротворческим и антиядерным демонстрациям, и одним из моих последних воспоминаний об отце стали слова, которые он произнес за два дня до смерти. Лежа на больничной койке, отец работал над черновиком письма о значении Международного суда. Неожиданно он взял меня за руку и сказал: «Бет, мы должны запретить бомбу». Мы были членами собрания Финчли, где моя мама уделяла большое количество времени и любви детям собрания.

Поэтому и для них, и для меня мир, разоружение, члены собрания и его дети всегда имели большое значение, но еще более важным было молчание на собрании и слова, возникавшие во время молчания. Что здесь происходит? – спрашивала я себя. К чему мы обращаемся? Как узнать, когда говорить во время молчания? Как бы то ни было, происходящее имело настолько большое значение, что вся наша семейная жизнь вращалась вокруг него. Благодаря этим примечательным обстоятельствам мои родители выступали за мир, вопреки тому, что думали друзья и родственники, да и вся страна в 1930-е годы. Итак, я внимательно прочитала книгу *Христианская вера и практика*, и захотела продолжить задаваться сложными вопросами; богословие стало единственным, что мне хотелось бы изучать в университете.

В начале занятий теологией я получила большое преимущество, поскольку была молодым квакером. Будучи неплохо осведомленной о молчаливом богослужении и о религиозном образовании в школе, я мало знала о незыблемых догматических учениях. Таким образом, я могла знакомиться с соображениями взрослых без лишних ребяческих толкований, и

вера моя ширилась, но не поколебалась. Многие в наши дни занимаются поиском духовности и веры, не имея твердой основы, которую раньше давали в простых и воскресных школах. Это может служить и преимуществом, потому что такие люди становятся взрослыми без предубеждений.

Я поступила в Ноттингемской университет осенью 1963 года, вскоре после того, как была опубликована книга *«О квакерском взгляде на проблему пола»*, а также книга Джона Робинсона *«Честный перед Богом»*. Многие Друзья одобрили эти книги за здравомыслие и откровенность мнений.

Книга Джона Робинсона взволновала Друзей меньше многих других, поскольку у нас не было пресловутой догматической воды, вместе с которой можно было бы выплеснуть божественное дитя опыта.

В первом семестре я училась мыслить абстрактными понятиями и критически смотреть на повествования Евангелия. Я уже знала, насколько важно мыслить и говорить правдиво. Потом я поехала домой на Рождество и присоединилась к репетициям песнопения, ежегодно устраиваемого собранием Финчли на улицах Вудсайд Парка – о звездах и ангелах, королях и пастухах, о том, что «Во плоти Сам Бог явился» и все тому подобное. Как я могла распевать эти слова искренне? Я предпочла понимать их, как поэтический факт, и это было принципиально иным подходом к серьезным размышлениям, путь к которым я пока еще только нащупывала. Возможно, все мои мысли с тех пор являются дальнейшим совершенствованием того раннего решения.

Из-за страстного стремления к правдивости и честности мысли и слова, многие Друзья считают язык о Боге трудным, а поскольку Бог неотделим от квакерского мышления, становится очевидным, что у нас существуют проблемы с общим языком. Квакеры-нонтеисты пробуют новые способы выражения внутреннего опыта, их приверженность к честности мысли исходит из глубоко традиционной квакерской заботы о правде; в последующих главах более подробно будет говориться о вопросах мысленных образов и опыта. Я использую слово «Бог», как обозначение всех поэтических, философских и образных произведений, где говорят и пишут о божественности, ускользающей, но одновременно познаваемой, с нами и вне нас, поддающейся описанию, но также невыразимой словами. Если слово «Бог» вызывает трудности, возможно ли выйти за рамки трудностей, чтобы понять положительный опыт?

Коллектив моего факультета в университете в одной учебной группе свел вместе одинокую женщину-квакера с монахом-англиканином, который готовился стать священником. Ни я, ни Питер никогда не спрашивали, зачем мы это сделали, но на сегодняшний день мы женаты уже 39 лет, и этот опыт является дополнительной основой моего понимания квакерства. Питер начинал свой путь с конгрегационалистской церкви и личной заинтересованности в христианстве. На это оказали влияние Билли Грэм и подруга – английская католичка.

Питер стал приходить на собрания, чтобы молча помолиться со мной. Я же ходила с ним в церковь учиться грегорианскому распеву; там я открыла для себя, что молчание рождает музыку, музыка усиливает молчание, как во время служения. Каждый из нас разделял вероисповедание другого; Питер вместе со мной участвует в жизни собрания, а я – чтец из мирян в англиканской церкви. Некоторых это приводит в замешательство. Для нас же это выражение – в организационных терминах – того, где мы находимся и кем являемся, близости каждого из нас и друг к другу, и к Богу.

Как супруга приходского священника, я на деле узнала, что такое церковь. Мне доводилось встречать людей и нуждающихся, и празднующих; я раздавала сэндвичи алкоголикам на пороге дома священника в Холлоуэе, занималась похоронами. Принимала сообщения о церковных оглашениях браков, продавала детскую одежду на благотворительных распродажах почти даром женщинам с серыми, измученными бедностью лицами, когда у нас самих было мало денег; участвовала в жизни любящего и богомольного сообщества. Я работала с группами чернокожих пятидесятников, с кипрскими православными и тамильскими христианами. Так я познала реальность, скрывающуюся за карикатурой церкви, и людей, стоящих за лозунгами.

Однажды, когда Питер служил младшим приходским священником, меня попросили рассказать о квакерах в Союзе матерей. Я традиционно описала ранних Друзей в том виде, в котором сама об этом узнала, потом я рассказала о формализме и несостоятельности Англиканской церкви в семнадцатом веке. Супруга викария, начальника моего мужа, сама историк по образованию, осталась недовольна. «Церковь вовсе не была абсолютно недуховной!» – сказала она. «Как же насчет Джорджа Герберта?». В тот момент я осознала, насколько сильно мы привязаны к лозунгам и карикатурам. Жить в истине означает учиться создавать наиболее полную картину как своего собственного, так и других вероисповеданий, а не только заботиться об истинности нашего протеста против них. Бог больше, чем карикатуры. Если все мы будем судить друг друга по самым худшим образцам, то чем же живы квакеры?

Я пришла к пониманию – на деле и в теории – многообразия Господа, который больше, чем тот Бог, о котором говорили многие Друзья. В ближайших пригородах Лондона живут люди разных вероисповеданий, но никто из них не борется за справедливость, расовую интеграцию, хорошие жилищные условия, достойные услуги, хорошее образование, не работают они на городских «фермах», в детских садах, в консультационных центрах. Многие квакеры работают в старых беднеющих кварталах города социальными работниками, градостроителями, учителями, работниками здравоохранения, и это правильно, именно этим мы и должны заниматься. Там обитают другие конфессии – это «церкви на углу», там Бог прочно врос в городскую жизнь, как символ надежды и общины. Однажды, когда мы стояли неподалеку от церкви Святого Давида в Западном Холлоуэе, мимо нас прошла худенькая девочка лет восьми, ее брата крестили за неделю до этого. У нее был дерзкий взгляд уличного ребенка из Ислингтона. Девочка взмахнула рукой, указав на здание и с гордостью заявив своей подруге: «Это моя церковь!» Англиканская церковь, из-за своей приверженности к приходской системе, глубоко обосновалась в жизни обычных людей. В своей жизни я испытала это на себе, находясь рядом с людьми там, где они живут, став своей в суете и близости центрального Лондона и грубом муниципальном микрорайоне в Девоне, в благородных краях Солсбери или в повседневной жизни малых городов в сельском Уилтшире.

Одним важным и горьким уроком стало то, что Бог отличается от любой религиозной организации людей, подверженных ошибкам. По мере того, как мы переезжали из прихода в приход и меняли собрания, я научилась не привыкать к дому, зданию или организационной структуре, а верить только в людей, в дружбу – и в Духа.

Самое главное, как жена приходского священника я научилась доверяться Богу в вопросах своего собственного внутреннего роста, равно как и в практических делах. Какой бы ужасной ни была ситуация, каким бы огромным и неуправляемым ни был дом, и насколько бы ни был превышен баланс на банковском счете, какой бы утомительной ни была каждодневная дорога в школу, мы опирались на прочную общую основу. Одежда нам доставалась с благотворительных распродаж и от друзей, еда – из пожертвований

продуктов с истекшим сроком годности, проводимых компанией «Маркс и Спенсер». Мы могли экономить на домашней пицце с дешевыми овощами, и жить на дешевых продуктах. И когда на следующий день после того, как Питеру заплатили деньги за венчание, я зашла в нашу мясную лавку и сказала: «Сегодня я собираюсь быть в высшей степени расточительной!», мясник лишь усмехнулся в ответ: «Значит, Вы возьмете две порции каре ягненка!».

На Бога можно положиться. Или, говоря иными словами, относясь к жизни с доверием, мы научились извлекать смысл из всего происходящего. Вера в Бога изменила наше отношение к жизни. А именно, мы стали учиться претворять на практике ту теорию, которую вместе изучали. Так происходило в нашей внутренней и внешней жизни. Практика и теория дополняли и разъясняли друг друга. Так, у Иоанна 7:17 говорится: "Иисус сказал: «... кто хочет творить волю Его, тот узнает о сем учении, от Бога ли оно»". Часто мы разочаровывались, бывало, приходили в замешательство, но Бог не оставлял нас. Бог помогал нам через людей и организации, семью и друзей. Потом, когда мы стали более состоятельными, пришла наша очередь отдавать.

Дети смотрят на все это несколько по-иному – если носить подержанную одежду и думать о высоком, рождается потребность к хорошим, качественным вещам и вкусной еде, а заодно привычка к бережливости и понимание людей разного достатка. Можно сказать, что мое мышление – это только продукт моего воспитания, моего обучения путем постоянного общения с религиозными объединениями – и англиканской церковью и Обществом Друзей. Я могу лишь сказать, что образ мышления, которому я научилась в тишине молитвенного собрания, позволил мне сделать четкий и самостоятельный выбор – продолжать жить с теми знаниями, которые я получила, будучи ребенком, и размышлять строго и критически о других аспектах квакерской культуры и воспитания. Таким образом, у институциональной англиканской церкви есть те аспекты, которые я выбрала для себя и с которыми соглашаюсь. Однако есть и другие аспекты, с которыми я предпочитаю не соглашаться. Я искала духовную и интеллектуальную основу, на которую могла бы честно опереться, о которой могла бы охотно и правдиво говорить. Я нахожу такую прочную основу, в конечном итоге, только в Боге.

Существует рассказ, что однажды, когда Франциск Ассизский один отправился провести время наедине с Богом в тишине и уединении, его друг Брат Лео последовал за ним, желая знать, как Франциск проводит это время. Он услышал, как Франциск вновь и вновь повторял: «Господи, кто ты? А кто я?» (Мурман, 1963, с.106). Эти два вопроса лежат в основе большей части последующего обсуждения. Кто мы, и на чем построено наше собственное молчание, наши мысли и наши действия? Кто есть Бог, основа всех нас и всей вселенной? Франциск хотел понять страдания Иисуса и мучения людей. Так же и мы, если ищем прочной основы для нашего мышления и наших жизней, тоже должны считаться с горем и болью. Франциск вернулся из уединения, чтобы жить в сообществе со своими друзьями. Как птица рая пролетает через наши жизни и сердца, как живем мы – по отдельности или вместе – с энергией, порождая новые жизни, с изменениями, текучестью и разнообразием – в верном ли следовании за Христом?

2. Совместное творение

Сотворцы с Богом

Мы не можем размышлять о Боге, не пытаюсь понять, что же такое «сотворение мира», всей вселенной и нас, как части ее. В более крупных масштабах, размышляя о том, как устроена вселенная, звезды, эволюция, климатические системы земли и человеческая

история, и в малых масштабах – как мой разум ведет себя внутри мозга и внутри тела, а между всем этим – как работает сантехника в доме собрания, как мы все функционируем по отдельности и вместе взятые, никто из нас не способен понять все это в одиночку; мы полагаемся друг на друга и учимся друг у друга.

Будучи людьми планеты Земля, мы начинаем понимать, как мы губим творение. Друзья, как и многие другие, выступают за изменение нашего поведения для того, чтобы жить бережнее и проще в согласии с нашим миром. Всестороннее обсуждение этого вопроса – это уже другая тема, но поскольку созерцание и любовь к нашему мирозданию является одной из основных тем этой книги, наша преданность одухотворению этого возрастающего свидетельства является важной ее частью. Коль скоро мы развиваем квакерскую теорию об экологически правильном и комплексном образе жизни, мы возвращаемся к словам Джона Вулмана, написанным в 1763 году:

«Создатель земли – ее хозяин. Он дал нам быть на ней, а наше естество требует питания, которое она производит. Поскольку он добр и милосерден, мы как его создания, пока живем в соответствии с замыслом нашего творения, имеем право на пригодное пропитание, которого никакой человек не вправе лишить нас... Но тот, кто с тщеславными намерениями принуждает людей с их домашними животными к неумеренному труду и на деньги, полученные отсюда, нанимает других в роскоши жизни, действует вопреки благому замыслу Создателя, который есть истинный хозяин земли; и никакое имущество, купленное или полученное от предков, не может оправдать такого поведения».

Квакерская вера и практика 20.32

В этом отрывке, Джон Вулман приводит доводы в пользу экономической справедливости, но его фраза «пока живем в соответствии с замыслом нашего творения» имеет более глубокое значение. Я интерпретирую это так – мы можем жить честно по отношению к самим себе, откликаясь на и соответствуя правде о себе – каждый в отдельности и коллективно, плюс соответствуя правде о мире, в котором мы живем.

Мы не можем забыть свой болезненный опыт, когда люди плохо ведут себя, когда плохо и скверно исполняют свои обязанности общины, семьи и собрания – но мы также знаем, что мы, люди, способны, часто ценой больших потерь, мириться друг с другом и со своим внутренним «я», воссоздавая друг друга и свои сердца. Творение включает в себя разрушение, часто на грани полного уничтожения, но в то же время и исцеление – исцеление, которое иногда должно заключаться в приятии полной потери. Позже мы изучим этот вопрос более детально.

В творении мы - партнеры друг с другом и с Богом; мы соавторы. Дж.Р.Р. Толкиен писал о нашем участии в процессе творения: «Мы творим все по тому же закону, согласно которому сотворены мы сами... Мы создаем по своим параметрам и по методу своей производной, ибо так созданы мы сами: и не просто созданы, а созданы по образу и подобию Создателя» (Толкиен, 1964, стр.54 и 56).

Мы становимся соавторами вместе с Богом, когда создаем еду, дом, успешную команду сотрудников, логичный урок математики, вязаное платье для ребенка, лопасть турбины. Возможно, мы становимся еще ближе к божественному Духу в совместной работе, пытаюсь воссоздать что-то заново – вскапывая брошенный участок земли, чтобы он снова стал плодородным, или работая с травмированными беженцами. Или приводя в порядок хаотическую кучу квитанций и корешков чековой книжки, или содействуя дипломатам в

работе над соглашением по запрету противопехотных мин. Дабы создавать и воссоздавать такие впечатляющие, красивые сущности, мы во многом используем свои внутренние познания, часто привлекая умения и дисциплины, которые изучали и с которыми настолько сжились, что для нас совершенно естественно сохранять им верность.

Мы часто думаем, что творчество – это обособленное выражение нашей сокровенной души, но многие произведения, послужившие развитию нашего квакерского сообщества за последние несколько лет, являются общей инициативой, и ни один человек по отдельности не смог бы создать ничего подобного в одиночку. Благодаря этому выросли и мы, вместе соткав квакерский гобелен, появилось творчество «Ливенеров», была написана книга «*Квакерская вера и практика*», и работают наши годные собрания и проводятся летние сборы. Для того, чтобы творить вместе, мы с радостью отдаем свою драгоценную независимость во власть группы, события, клерка, руководителя или квалифицированного миротворца, мы готовы стать частью группы. Вместе мы учимся использовать знания и язык музыки, живописи и театра; это придает свежие силы нашим общинам, и в то же время еще глубже ведет нас к основам всего этого творчества, молчания и Божьих слов.

Я считаю такое участие в творческом процессе практическим выражением нашей богословской приверженности к жизни, проживаемой вместе с Духом, и к ее познанию. Фрэнсис Хауджил говорит о первом опыте в квакерской общине: «Царствие Небесное собирало нас и ловило нас всех, как в сети» («*Квакерская вера и практика*» 19.08). Дух – это искристое сплетение новой творческой энергии меж всеми нами; нитей любви, дружбы, общей страсти и заинтересованности; это – паутина совместной работы, обучения и понимания, слов и молчания, в котором нас собрали и поймали вместе. Если Дух – художник, создающий нас как сообщество, значит, мы можем проникнуть в его художественное видение и сотрудничать с ним, используя методы разборчивого и правдивого общения, которое помогает нам работать вместе друг с другом и с Творцом. Это «единство Святого Духа», и нам оно известно.

Толкиен, мысля иерархически, подчиняет наше творчество Божьему и называет нас «создателями». Апостол Павел говорит о нас – переводя буквально со своего греческого языка – как о «поспешниках Бога» (Второе послание к Коринфянам 6:1), так как мы вместе создаем общины, что, на мой взгляд, предпочтительнее. Хотя я считаю, что «Властелина Колец» читать легче, нежели «Послание к Ефессянам».

В поэтическом повествовании Книги Бытия мы, *Homo fabricans*, вместе с Богом созидаем на земле, копаясь в грязи и кавардаке, мужчину и женщину – Adamah/Адама, что на иврите означает «земля, почва» и Havvah / Еву, на иврите «жизнь». Созидаем из земли со всем, что вытекает из них и из нас, возделываем сад и заботимся обо всем мире.

Такая картина соответствует образу Бога, как «Основы (почвы) нашего Бытия»; «почва» – еще одна метафора, лежащая в основе творения, включая грязь и землю. Я расцениваю эту фразу как указующую на то, что Бог – это основная энергия, создающая и протекающая через каждую частицу Вселенной, это живой материал, из которого состоит вся Вселенная, это напряжение и шум, которые связывают все воедино, но в то же время это прочная основа для тишины и покоя. Мысли наши могут простираться вслед за современными учеными, работающими в творческой грязи с теорией струн и физикой элементарных частиц. Но и физиков, и мирян объединяет знание о том, что вселенная ведет себя как следует: какой бы ни была энергия между частицами, стакан воды на столе остается водой в стакане на столе. Порядок творения предсказуем – если два кирпича положить на два кирпича, получится четыре кирпича. А там, где порядок этот кажется необузданным и неопределенным, теряясь между белыми пятнами в общей теории

относительности и квантовой теории, мы изучаем его, разрабатывая модели в большем соответствии с тем, что кажется математически правильным – для большей надежности.

Поэты-писатели истории книги Бытия были убеждены, что мироздание в основе своей есть благо - оно вытекает из хаоса, включает и охватывает хаос, игру и дикость, но в то же время оно коренится в порядке. Евангелия от Иоанна и книга Притч добавляют откровение - в основе творения заложены мудрость, разум и интеллект, *logos* («слово, разум»). Творческие Свет и Слово по существу благие понятия, и нам полезно увидеть, понять и назвать творение, радоваться ему и заботиться о нем. Эти ключевые элементы из книги Бытия лежат в основе иудейско-христианского понимания мира и используются другой авраамической религией – исламом.

Когда мы отвечаем на вопрос Франциска Ассизского «Кто я?», мы размышляем над некоторыми тайнами творения: нашей собственной индивидуальностью и нашим местом в обществе и сложном многообразном мире. И мы смотрим на это не просто, как на статическую картину. Цветы на столе, стоящем в центре нашего молитвенного собрания, растут, живут и умирают; «дни» в мифе о Бытие подчеркивают понимание того, что творение происходит во времени, а это, в свою очередь, привносит в вечность такие понятия как бренность, изменение и движение. Семена прорастают и растут, цветок раскрывается и оплодотворяется, растение увядает, умирает, разлагается на элементы и на удобренной грядке растут новые цветы.

История сотворения в Книге Бытия включает в себя также понимание того, что для человека быть одному не хорошо (Бытие 2:18). Партнерство, дружба и сообщество существуют с самого начала, и, судя по опыту нашего Общества, мы знаем, что гомосексуальное и гетеросексуальное партнерства одинаково правдивы и являются частью творения. Мы созданы таким образом, что Всевышний может говорить с нами через физическое. Новички «Квакерского квеста» часто обращают наше внимание, что для многих людей сексуальный опыт является как бы воспроизведением опыта общения со Всевышним. В этом нет ничего нового: Песнь Песней прославляет нашу сексуальность в библейском каноне, и «Код Да Винчи» обрел популярность отчасти потому, что открыто приветствовал такую возможность. Люди позабыли, что опыт и сама концепция значительно старше этой книги.

Невидимый Бог

Каким-то образом Бог удовлетворен тем, что остается на заднем плане в большей части творения. Как молодой студент теологии, я считала, что лучше пойму сущность Бога, когда у меня тоже будет ребенок, когда приму участие в создании новой жизни. До того, как Кэти родилась, я представляла, что ее рождение будет большим религиозным опытом. Оно таким не было, это было скорее человеческим опытом, радостной и тяжелой работой, довольно грязной и волнительной. Потом я спросила Питера, «Где был Бог во всем этом?», а он ответил: «Бог здесь, но Он не выставляет себя напоказ», цитируя пророка Исайю 45:15: «Истинно Ты – сокровенный Бог».

Итак, ответу на вопрос «Что делает Бог?» должен предшествовать вопрос «Что мы на самом деле ищем?» Если Бог невидим в творении, мы можем понять, как работает процесс сотворения сразу с нескольких точек зрения.

Картина – к примеру, работа Рембрандта «Поклонение пастухов» – есть не что иное, как композиция красок и масел, химических и растительных веществ на холсте, и в то же время – яркое эмоциональное описание непостижимого чуда, созданное умелой рукой и

умом провидца. Рождение ребенка, или рождение звезды – это физическое явление, которое может быть определено биологическими терминами или языком астрофизики, но в то же время это и реализация, явление, демонстрация чудесной и необъятной силы Божией. Исцеление души и тела может наступить и в результате молитвы, и благодаря навыкам, уходу, медицине и консультациям. Радуга полностью объяснима с научной точки зрения, и в то же время ее откровение в виде дождя и солнца, печали и радости способно дать нам надежду.

Мы можем любоваться цветами на столе нашего дома собраний и говорить: «Это тоже Ты, и это и не Ты» – фразу, которая, кажется, относит нас от К. С. Льюиса к Св. Ефрему Сирийскому в четвертом веке. Потому что мы смотрим сквозь них, мы выходим за их пределы и знаем, что Бог в них и вне их тоже, в их атомах и аромате, в их цветущей жизни, в садовнике, который взрастил их, и в человеке, который составил букет.

Значимой частью опыта и мышления ранних квакеров была идиллическая картина жизни в раю, в мире до грехопадения, где царили гармония и красота. Джордж Фокс говорит нам, что «теперь я прошел сквозь огненный меч в рай Божий. И все творение по-новому зазвучало для меня, нежели раньше» (Фокс, 1985, с.27). Равенство полов, за которое выступали ранние Друзья, было направлено на восстановления райского состояния, когда мужчина и женщина до Грехопадения были товарищами. Простой язык, который они использовали в общении со всеми в равной степени, также отражал стремление восстановить райский язык. Таким образом, картина возрожденного мира была частью квакерского видения и мышления от самых истоков. Исполненное надежды и отрицающее сомнения осмысление «проекта нашего творения» по-прежнему остается важным элементом квакерского мышления на сегодняшний день, включая позитивную установку на веру в «то, что от Бога в каждом» (*Квакерская вера и практика* 19.32). Когда Друзья использовали эту фразу первоначально, они имели в виду, что мы созданы таким образом, что можем отвечать Богу, подразумевая, что Бог, человек и сотворенный мир способны создавать отношения, беседовать, что они не чужды друг другу. «То, что от Бога в каждом» – в техническом плане это наше понимание себя как человеческих существ, учение о роде человеческом от британских квакеров, наш ответ на вопрос «Кто я?»

Откуда появляются образы? Когда мы задаемся трудными вопросами о жизни и смерти, мы часто рисуем словесные картины, элементарную теологию о нашей собственной ситуации и об участии Бога в ней. Мы используем имеющийся у нас духовный материал, свой собственный опыт и то, что имеет для нас самое большое значение. В одном из эпизодов телесериала «*Стенпо и сын*», Альберт и Гарольд говорили о смерти Альберта, как «о поездке на большую свалку на небесах». Для викингов раем была Валгалла – большой зал, где они пили медовый напиток и обменивались рассказами о прошлых сражениях. Песня бродяг «*The Big Rock Candy Mountain*» изображает Рай в виде фонтанов с содовой водой, сигаретных деревьев и теплой погоды. Сидни Смит в раю намеревался вкушать пате де фуа-гра под фанфары, что вовсе не является моим представлением о блаженстве. Образы Рая отнюдь не являются необходимыми, но они иллюстрируют тот факт, что мы используем образы, часто бессознательно – и я вспоминаю потрясающую неудачу, когда я пыталась научить группу маленьких детей представлять себе рай в абстрактных понятиях, как место, где люди добры и все друг друга любят. В результате я получила стопку домашних работ о том, что они будут там пить лимонад из фонтанов и весь день кататься на пони.

Какие же образы и метафоры используем мы, иногда бессознательно, когда играем со своими представлениями о Боге? Какой опыт лежит в основе наших словесных изображений? Как мы оцениваем достоверность наших образов?

Возможно, наши метафоры срисованы из школьных дней, потому что именно то время является важным формирующим коллективным опытом для большинства из нас. Например, мое прежнее мысленное представление о мифическом Высшем Суде, «Судном дне», было основано на школьных воспоминаниях о вручении призов в моем далеком прошлом. Совершенно ясно, что он не будет точно таким, – но для меня очень важно общественное признание достоинств и достижений отдельных людей со стороны вышестоящей инстанции. В этой картине есть элементы, которые нужно проверить и от которых нужно отказаться – возможно, мне следует вообще полностью отказаться от такого представления – но сделать это будет легче тогда, когда я пойму, откуда появляются эти элементы. И я смогу отбросить это изображение, не выбрасывая вечную истину, к которой стремлюсь. Я поняла неадекватность своего представление о высшей справедливости, когда много лет назад я почувствовала, что произошла несправедливость: я обнаружила, что говорю вслух, но к счастью, я была одна, «И все это записано в большую книгу, и в один прекрасный день все прочтут то, что вы сделали!» Сейчас я намного реже использую специфический язык о приношении всего в Свет.

Вопрос заключается в том, какая концепция Бога лежит в основе образа, используемого нами? Достаточно ли он хорош, достаточно ли впечатляющ? И если мы сможем признать, что концепция не достаточно хороша, можем ли мы увидеть, что эта концепция указывает на нечто большее, чем она сама, нечто более полноценное? Образ «Бога как директора школы» не достаточен – можем ли мы добавить несколько других образов, взятых из положительного опыта общения с начальством? Бог, как Клерк собрания, Бог как менеджер, Бог, как инструктор по вождению, Бог с убедительным призывом плачущего ребенка, Бог с призывающим к немедленному действию видом города после бомбежки? Не указывают ли эти метафоры на олицетворение водительства Вечного, проходящего через наши жизни? К какому окончательному образу стремится каждый из нас, и почему?

Таков перевод квакерского понимания таинств в мире идей и образов. Мы представляем себе мироздание таким, что Всевышний может заметным образом присутствовать для нас каждый раз, когда мы вместе садимся за стол. Аналогичным образом, в интеллектуальных сферах вся образность может означать больше, нежели она сама и вести к более глубокой реальности, к Богу. Мы можем играть с моделями и образами, мы можем опираться на них, но только до тех пор, пока мы знаем, что это лишь модели – а затем мы проверяем результаты наших игр по отношению к реалиям жизни.

«Бог, кто ты есть?» Одной из основ нашего мышления может быть Бог, он больше, чем может охватить наш разум, он лежит в основе сотворения мира, он ниспосылает нам Божественное начало, чтобы мы попытались осмыслить его, и приглашает нас быть со-творцами, потому что мы вместе создаем и воссоздаем мир.

3. Основы нашего молчания

Почему молчание?

Альтернативный вопрос Франциска – очень ценный вопрос: «Бог, кто ты? А кто я?» Мы постоянно его должны задавать. Этот вопрос напрямую ведет нас к опыту и пониманию основ квакерского богослужения – к тем моментам, когда мы обращаемся

непосредственно к Богу и к нашим отношениям с Богом во время своеобразного молчания.

Что лежит в основе квакерского молчания и нашего представления о нем? Когда мы собираемся вместе на молитвенном собрании, мы ждем. Мы часто говорим, что мы ждем Бога. Для меня суть Собрания, с точки зрения простого смертного, заключается в том, чтобы собраться вместе и поддержать друг друга в нашем совместном внимательном наблюдении за Богом в действии. Именно здесь в лаборатории нашего богослужения мы наиболее четко претворяем в жизнь многие фундаментальные квакерские идеи. Молитвенное собрание – это парадигма большей части нашего квакерского опыта; это место, где мы видим основы в пределах небольшого пространства, и где мы учимся. Поскольку мы стараемся понять действия Святого Духа, давайте посмотрим на молитвенное собрание с этой точки зрения.

Мы создаем наши собрания как люди, работающие вместе со Святым Духом. Это для меня абсолютный основополагающий принцип, основа основ. Бог, к которому мы обращаемся в молчании, ждет нас так же, как мы ждем Бога; мы можем обратиться в глубине души и встретить Бога в тишине. Это простое открытие, которое можно выразить одним единственным предложением, и есть энергия и динамика, пауза и тишина внутри всей нашей организации и структуры. Именно поэтому, в «Квакерском квесте» мы можем разъяснить новичкам, ранее никогда не участвовавшим в квакерском богослужении, его основы в нескольких словах. И затем вместе погрузиться в глубокое молчание. Вот почему наши дети могут проводить Собрания; вот почему в январе 1985 года мы смогли помолиться в переполненном зале суда, где проходило слушание дела Клерков Собрания Страданий по поводу неуплаты налогов. Вот почему, в августе 1938 года, Руфус Джонс, Джордж Уолтон и Роберт Ярнолл смогли погрузиться в совместную молитву в приемной штаб-квартиры гестапо (Вининг, 1958, стр.291). Вот почему нам не нужно слишком много говорить об этом. Мы просто должны делать это.

Парадоксальным в этой динамической паузе является то, что нам очень хочется поговорить об этом; во время наших дискуссий Друзья открыли некоторые принципы, которые помогают нам в наших молитвах.

Если мы полагаем, что Духу Божию достаточно того, что он работает через нас в соответствии с нашими типичными особенностями и использует наш внешний мир, как путь к Божественному, тогда на первый план выходят такие азы, как желание обычного простого человека усесться поудобнее в помещении со свежим воздухом. Нам всем известно, что теоретически мы можем молиться где угодно, невзирая на любые обстоятельства; на деле мы учимся этому, привыкая к обычной квакерской молитве и практикуясь в ней.

Здоровая обыденная диета очень помогает в тех случаях, когда приходится иметь дело с необычным – а иногда и помогает вносить коррективы.

Как только мы удобно уселись и устроились, а на это может уйти какое-то время, мы открываем доступ для Святого Духа. Французское слово *disponible* (доступный) выражает отношение к происходящему, царящее в нашей душе в этот момент. И я часто ловлю себя на том, что повторяю про себя это слово во время молитвенного собрания. Это слово передает отношение внимательной доступности – как инструмент в ящике для инструментов, как запчасть на полке. На деловых или на обучающих собраниях я вижу это более наглядно – себя и то, с чем я прихожу на собрание, я представляю как колоду карт в руках Бога. Колоду, раскинутой веером таким образом, что я знаю, что есть во мне, а сыграет моя карта или нет, зависит от того, появится ли такая необходимость и как

пойдет дискуссия. Для меня эта образная картинка достаточно необычна, потому что с самого детства я не играла в карты.

Быть настоящим

У каждого из нас есть огромный опыт, который можно использовать на Собрании и в квакерском деле – это знания из мира нашей профессии, нашей работы, это наше понимание опыта поиска Божественного, это то, что мы думаем о детях и то, как мы воспринимаем поведение группы. К нам приходят самые разные люди. Однажды я работала вместе с Клерком большого комитета, которая была фанатичным игроком в бридж, и я заметила, что возможно, ее удивительное умение чувствовать группу, собравшуюся за столом, связано с умением играть в карты; а она ответила: «Знаешь, с тех пор, как стала работать клерком, я начала намного лучше играть в бридж».

Однако, если я пришла помолиться в трудную минуту, или же я квакер-новичок, или мне нужно поразмыслить над каким-то важным вопросом, то я не disponible (доступный) – я рассчитываю на то, что окружающие помогут сохранить тишину вокруг меня. Здесь важно, чтобы потребность была реальной. Мы имеем полное право оставаться всецело самими собой во время богослужения. Вы когда-нибудь ловили себя на мысли: «О, я не могу позволить себе такие мысли, я ведь на Собрании»? И вы отбрасываете эти мысли, чтобы быть достойным и хорошим квакером, поскольку вы там сидите. Я помню первое молитвенное собрание, которое мы провели в своем доме в Холлоуэйе. Я старательно подготовила комнату, подобрав разбросанные детские башмаки и кошачье одеяльце. Дети играли с игрушками, и рядом с камином я нашла фигурку солдатика, маленького пластмассового крестоносца в доспехах. «Ах, боже мой, в комнате, где будет квакерское собрание, не должно быть ничего военного», – подумала я. Позже я поняла, что старалась вычистить всю комнату, пытаюсь (безнадежно) притвориться, что мы идеальная квакерская семья, которая не способна никого обидеть. Если мы собираемся молиться искренне, от всей души, то мы не можем отчистить себя. Мы люди, а быть человеком означает быть неряшливым и быть приземленным, есть и пить, терпеть неудачи и добиваться успеха, грустить и сердиться, и радоваться так же, как быть спокойным и быть довольным. Все это мы приносим с собой на Собрание.

Наряду с вышесказанным мы также совершаем ошибку, когда принижаем себя, отрицаем и скрываем свою силу и способности. Часто мы принуждаем друг друга к этому, прикрываясь ложным эгалитаризмом. Однажды я спросила довольно пожилого социального работника, новенького прихожанина, рассказывала ли она когда-нибудь другим местным Друзьями о своем опыте. «О, нет, они подумают, что я хвастаюсь». Как правило, члены наших национальных комитетов помалкивают о своей работе на общенациональном уровне у себя дома; они шепетильно относятся к высказанной или невысказанной реакции «Кем она себя возомнила, что сидит в общенациональном комитете?»

Это всеобщий кризис доверия. Мне было интересно заметить тот энтузиазм, с которым британское квакерское сообщество приняло слова Марианны Уильямсон, процитированные Нельсоном Манделой в своей инаугурационной речи в 1994 году: «Ваше самоуничижение не нужно миру. Нет ничего хорошего в том, чтобы робеть и стесняться только для того, чтобы другие не чувствовали себя рядом с вами не в своей тарелке» (Уильямсон, 1992). Мы все, как сообщество, почувствовали, что эти слова обращены ко всем нам, и я осознаю - услышав это послание, мы стали более уверенными в себе. Возможно, мы начинаем извлекать хороший урок из этих слов, и начинаем привносить в квакерство свои сильные качества.

Джо Фэрроу, квакер с большим опытом однажды сказал мне: «Псалмы учат нас оставаться перед Богом самими собой». Их использовали в разговоре с Богом около трех тысяч лет. «Для чего, Господи, отрываешь душу мою, скрываешь лице Твое от меня? Я несчастен и истаеваю с юности; несущая ужасы Твои и изнемогаю». (Псалом 87:15-16).

«Счастливы люди, чья сила в Тебе, пути к Тебе – в их сердцах, Идущие долиной плача находят в ней источники, и благословения окутывают ее, как весенний дождь» (Псалом 84:6, Книга общей молитвы). Это не обработанная и не вычищенная религия – авторы Псалмов очень активны в своих страстных отношениях с Богом. Можем ли мы использовать эти искренние, сердитые и жалкие слова и чувства в своих собственных беседах со Святым Духом?

Основа нашего поклонения – это Бог, который встречает нас такими, какие мы есть. В своем квакерском понимании мы по праву отвергаем любого другого человека, который встает между нами и Богом. Но часто для встречи с Богом, да и друг с другом на Собрании, мы создаем очищенную версию самих себя. Мы создаем маску, мысленно держа ее перед лицом, чтобы Бог или другие Друзья, или, что еще хуже, мы сами, не увидели реального застенчивого, запутавшегося, усталого человека, кем мы на самом деле и являемся. Если нас, настоящих, там не будет, тогда и Господь не сможет по-настоящему нас встретить. Бог призывает нас быть настоящими, быть искренними. Мы служим этой искренности, этому призыву к честности, друг к другу.

Я вспоминаю два моих самых невероятных случая квакерского высказывания правды. Я, как руководитель центрального Квакерского отдела и как старейшина своего Собрания, привыкла выходить за рамки того, что мне говорят другие люди, и понимать их на более глубоком уровне. Но как-то раз, на Собрании местных старейшин и однажды на Собрании с моими коллегами в доме Друзей, другие Друзья сделали то же самое со мной. Я что-то сказала, не могу сейчас припомнить что именно; все, что я помню, меня поняли, мне возразили на более глубоком уровне и заставили замолчать, благодаря квакерской способности срывать маски. И если мы Друзья способны делать это с любовью, тем более это может Святой Дух.

Таким образом, следующей основой нашего молитвенного служения является наша собственная искренность во время молитвы, наше желание целиком и полностью отдаваться ей во всей полноте, как наших достоинств, так и недостатков. А у себя в общинах, можем ли мы также научиться мириться с достоинствами и компетентностью друг друга? Как отдельно взятые Друзья, можем ли мы раскрыть свои карты Святому Духу и друг другу?

Элементы старого квакерского языка помогают сохранить самую суть представлений предыдущих поколений о делах Божьих в нашем понимании. На собрании важна работа Бога, а не наша. Мы «служим Господу». Сегодня, возможно даже чаще, чем в прошлом, мы не склонны говорить прямо о Боге, некоторые из нас с большой неохотой упоминают Всевышнего. Послушайте внимательно Друзей, рассказывающих о своем опыте служения и других действиях; часто мы употребляем косвенную речь или глаголы в страдательном залоге. Мы говорим: «Меня привело к...» или «Мы убеждены в том, что...», не уточняя, кто или что привело или убедило нас. Это может быть и щепетильно честным отказом сказать, что нас привел Господь, когда мы уверены лишь отчасти, но не полностью, и в то же время являться трепетным недопущением чрезмерной фамильярности с Всевышним. Это также привлекательная реакция на чрезмерную уверенность. Друзья раннего периода еще дальше продвинулись в подобном отношении – описывая Собрание, они могли

сказать «В молитве участвовал Исаак Брейтуэйт», потому что невозможно было достоверно утверждать, служил ли Исаак на самом деле или нет: только Бог ведал истину. Точно так же, квакер не сказал бы потом: «Благодарю вас за ваше служение», а «Я был благодарен за ваше служение» – благодарен Святому Духу, а не человеку, который говорил. Обратите снова внимание на косвенный оборот фразы.

Иисус использовал подобный способ щепетильного ухода в сторону; он часто говорил «Королевство» или «Небеса», когда более прямолинейный человек сказал бы «Бог», и он использовал страдательный залог: «Вы прощены...», «Вас исцелили...» Традиционный язык квакеров сохраняет прозрения ранних поколений, но сегодня его необходимо распахнуть, чтобы заново открыть его первоначальный смысл.

Такая форма квакерской речи ведет к двум результатам – мы можем забыть, кто нас ведет, а другие могут подумать, что в нашем мышлении нет места Всевышнему. Но вдобавок, когда мы иногда используем достаточно прямую речь – «Дух Христа, который ведет нас к истине, никогда не будет заставлять нас бороться...» (*Квакерская вера и практика* 24.04) – она обретает еще большее могущество.

Внутри тишины

Не за старый язык ратуем мы, а за откровение, заключенное в языке – ведь Господь, о котором мы говорим так легко и бодро, отнюдь не «карманный Бог». Это еще одно основополагающее правило в нашем молитвенном служении и мышлении. Как мистер Бивер говорит об Аслане «Он дикий, знаете ли. Совсем не такой, как *ручной* лев» (Льюис, 1987, стр.166). Бог, пред которым мы сидим в тишине, трансцендентен, вне пространства и времени, он владеет всей существующей вселенной со всей ее сложностью – и этому Богу мы отвечаем со страхом, благоговением и почтительностью. Для того чтобы описать Бога, нам потребуются слова, исполненные особого значения, нам придется сбросить оковы, сковывающие наш разум, и позволить ему обрести гибкость и силу, чтобы по крайней мере, попытаться выразить Всевышнего словами и передать наш опыт.

Это Бог, пред которым был построен Шартрский собор, и каменный круг на Калланише, это Бог, для которого Моцарт написал свою Мессу си минор, а Брамс – свой Реквием. Все мы знаем, что в нашей культуре, да и других культурах тоже, изредка встречаются события такой силы, перед которыми, когда становишься их участником, то попросту теряешь дар речи или взираешь на них в изумлении. Частицей же квакерского гения стало умение приветствовать Бога по-домашнему, буднично – даже архитектура наших домов собраний, тех, что постарше, носит отпечаток местного колорита. И одним из результатов является то, что нам не знаком опыт встречи с Богом в больших группах или в парящих высотах огромных организаций. Не ведет ли это к тому, что мы как бы одомашниваем Всевышнего, забываем о его трансцендентной сути, имеем дело только с ограниченными видениями и мелких деталях?

Внутреннее пространство каждого из нас – это психический и духовный мир, выходящий далеко за пределы нашего воображения. Когда мы сидим в своем небольшом молитвенном кругу, мы сводим эти миры воедино в одну большую взаимосвязанную схему. Мы храним в своих сердцах всех людей, которыми дорожим, и то, кем они могут стать в будущем; библиотеки, стихи и все слова, которые мы могли бы написать и прочитать; картинные галереи и всю музыку, которую могли бы слушать и создавать; весь опыт, который вобрали в свою жизнь и все помыслы, которые изучили; все открытия, которые мы сами совершили.

Мы можем чувствовать бесконечное многообразие творения во всем его потенциале, мы можем представлять, и тем самым, возможно, помогать создавать новые возможности и новые миры. В тишине у нас есть частная жизнь, и в то же время жизнь коллективная. Мы можем думать о немыслимом, исследовать глубины тоски, страдания и радости, позволять себе радикальные мысли, и ощутить призыв к новым свершениям. Когда мы собираемся вместе, наши внутренние миры могут соединяться и образовывать новые связи, при этом происходят новые перекрестные опыления и зарождается новая жизнь. Мы получаем великолепную возможность взглянуть на мир мысленным взором, стать провидцами, мечтать вместе – и эта способность является частью нас, а значит, и частью Всевышнего.

Наш Друг Рэйчел Мьюэрз, преподающая теологию в Университете Эксетера, в своей недавно вышедшей книге «Сохраняя молчание Господа» предполагает, что молчание Бога, к которому мы можем присоединиться на Собрании и в любом другом месте, есть молчание Бога-слушателя, который вслушивается в нас как верный друг, с любовью и вниманием (Мьюэрз, 2004, с.60).

Таким образом, основы нашего молитвенного служения – это природа Господа и наша собственная природа; наша убежденность в первичности действий Божиих; наша вера в то, что Бог слушает нас, когда мы слушаем Бога, и наш опыт, гласящий, что полное молчание может привести нас к вечному, сосредоточивая и укрепляя нас для работы со Святым Духом. Молитвенное собрание с наибольшей ясностью выражает квакерскую убежденность в том, что мы ждем и полагаемся на Бога в Святом Духе, и только на него. Когда мы открываем в Духе внутренний источник любви, мы позволяем живой воде пролиться внутри нас, а наши Собрания могут стать животворящими фонтанами молчания.

Вот поэтому Собрание занимает центральное место в жизни квакеров. Итак, какие слова тишины способны удержать, отразить и передать наш опыт? Какие тихие слова, какие мирные действия могут стать протоками для рек из живой воды? Каким образом мы развиваемся так, чтобы каждый день жить в мире и спокойствии в своих сердцах и на всей земле? Ну и наконец, как мы решаемся на смелый шаг вместе со Святым Духом, как мы летаем с райскими птицами и заново создаем новый мир в справедливости и честности?

4. Бог за работой?

Что можно считать свидетельством деяний Господа? Одним из основных догматов квакерства – и одной из основных постулатов этой книги – является утверждение о том, что мы ожидаем движения Духа Господня, что Бог действует, что Бог работает; и где же мы можем увидеть это воочию? Если наш Бог, постоянно находящийся в творческом процессе, действительно работает через обычную структуру вселенной и через процессы повседневной жизни, то, как мы можем идентифицировать в собственном опыте те действия, которые могли бы посчитать как инициированные Богом, которые можно было бы выбрать и обозначить «тут поработал Бог»?

И в прошлом и в настоящем ответы на этот опасный вопрос бывали такими трагическими, что нам следует подходить к этой теме с исключительной осторожностью. И все же мы можем, по крайней мере, попытаться набросать возможные соображения по этому поводу и очертить хотя бы начало аргументированного подхода, исходя из коллективного опыта британских Друзей. В этой главе мы рассмотрим Бога в нашем восприятии, в восприятии искателей и людей веры, а не как Бога в его божественной сущности (в противоположность к его «самости», о чем я впервые прочитала у Рейчел Мьюерс).

Обычный квакерский опыт заключается в ощущении внутреннего толчка, некоей инструкции. Мы чувствуем мысль или подсказку, которая не желает исчезнуть: «Позвони Сьюзан» или «Почему бы не предложить себя на роль экуменического сопровождающего в Израиле и Палестине?» Наш первый Совет гласит: «Внимайте, дорогие Друзья, голосу любви и правды в ваших сердцах. Доверяйте ему как Божественному водительству» (Советы и вопросы 1). Другими словами, он ведет нас к свершению добрых дел, исполненных любви; если же внутренний голос подсказывает нам резко ответить или поспешно отослать обидный имейл, пусть даже это удовлетворит наше самолюбие в данный момент, вряд ли он являет собой Божественное водительство. Внутренние побуждения могут быть также голосом Истины, и, следовательно, созвучны искренности и чистоте нашей отдельно взятой жизни; вряд ли на самом деле бухгалтера можно привести к тому, чтобы он нарушил профессиональную конфиденциальность, тогда как истинное водительство использует и расширит наши уже существующие умения и способности.

Последующее является попросту моей собственной интерпретацией того, что я сама видела.

Сидя на Годовом Собрании лет сорок тому назад, я слышала, как Стенли Киббл говорил о том, что, поскольку наши налоги используются для финансирования милитаристской подготовки в войне, мы должны отказаться платить часть налога, поскольку это дело совести, и я слышала, как мы отклонили его предложение, как идеалистический и бессмысленный жест. Но Стенли продолжал говорить то же самое. Как член Собрания Страданий в начале 1980-х, я поддерживала заботу тех сотрудников Дома Друзей, кто просил нас, как нанимателя, проверить, что говорит по этому поводу закон, и удерживать 12% из их налогов. Позже, когда я сама стала штатным сотрудником, я выступила с такой же просьбой. Вместе, сотрудники и работодатель, мы следовали этой непростой заботе через все хитросплетения, пока не добрались до Европейской комиссии по Правам Человека.

Эта забота прошла проверку всеми испытаниями. Первым важнейшим испытанием, как мне кажется, был тот факт, что она не давала нам покоя, возвращаясь к нам снова и снова. И, во-вторых, когда мы начали что-то предпринимать, оказалось, забота от нас не отстает, и что всегда есть следующий шаг, который мы могли бы сделать в этом направлении. Таким образом, мы продолжали поддерживать существование этой концепции, и со временем из нее выросла отдельная организация – Совесть, Кампания за Мирные Налоги – и инициатива перешла к другим.

Вот так я вижу воздействие Духа, который работает со всеми нами и через каждого из нас. Весь процесс – сначала энтузиазм отдельной личности и первоначальное осмеяние, затем ощущение некоего влияния – пронизывает всю нашу систему, в которой каждая часть квакерской машины играет свою роль; и продолжается этот процесс либо до тех пор, пока мы не закончим эту работу и сможем сказать, как говорил Джордж Фокс «Теперь моя совесть чиста, полностью чиста» (*Квакерская вера и практика* 41.29), или же пока наша забота не превысит наши возможности и наши идеи не распространятся дальше и не заживут своей собственной жизнью. В системе образности Иисуса Царствие Небесное подобно дрожжам в тесте – оно скрыто, и требуется время, чтобы влияние его стало заметно. Точно также и наше решение следовать водительству Духа в заботе является ничем иным, как декларацией первичности и авторитетности Бога, а также решимости жить по правде Царствия Небесного, что тоже сначала скрытно, но последствия становятся видимы и годны к использованию.

Если же мы отнесемся к водительству с пренебрежением или же будем откладывать нашу реакцию, мы упустим критический момент, или как это называлось старым квакерским словом «возможность»; и тогда инициатива либо перейдет к другим, к тем, кто вовремя среагировал, либо же необходимые действия так и не будут предприняты – и тогда мы упустим шанс построить Царствие.

Мы часто сталкиваемся с такой моделью развития событий. Разнообразные заботы начинались как робкие всходы в квакерской теплице, а после того, как они окрепнут, их высаживали в открытый грунт, чтобы они могли вырасти большими. Среди многих таких забот можно назвать Альтернативу насилию и Круги поддержки и ответственности. Экуменическая программа сопровождения, действующая в Израиле и Палестине (ЭПСИП) демонстрирует отличительные признаки таких проектов – все начиналось с небольшого проекта, которым мы тщательно занимались, пока наша исходная инициатива не вышла на иной уровень, на котором мы вступили в сотрудничество с другими церквями через Всемирный Совет Церквей, привнеся в него квакерские подходы к существу вопроса, стиль и руководство.

Я упоминала серьезные события, поскольку я сама видела, как все происходило на протяжении нашей новейшей истории. Дух также проявляет себя в жизни местного квакерского собрания и наших частных жизнях. Вспомним максимум ранних квакеров: «ибо кто может считать день сей маловажным» (Захария 4:10). Сначала мы научаемся работать с Духом на вещах маловажных, а потом нас иногда просят поработать и над более важными задачами. У всех у нас имеется опыт преданности делу на примере местных инициатив, а также каждодневный опыт соприкосновения со скрытыми деяниями Господа, влияющими как на будничные детали, так и на общий ход наших жизней.

Учиться почувствовать присутствие Духа Святого

Как всегда в вопросах квакерства, ключевым понятием остаётся способность к такому различению, и мы знаем, как достичь ее. То, что зачастую мы не даем себе труда делать это со всем тщанием, не отменяет сам факт того, что мы знаем об этом. И дело не в том, что нам не хватает знания или водительства; дело в том, что нам не хватает воли жить согласно полученной мудрости: силы воли, чтобы бросить все и сконцентрироваться на «одном, насущно необходимом». «Чистота сердца, – сказал Сорен Кьеркегор, – заключается том, чтобы желать только одного» (Кьеркегор, 1961).

Молитвенные собрания служат нам в этом тренировочном поле, именно здесь мы научаемся тому, как распознавать верный путь вперед и как работать с Духом. Мы научаемся распознавать, что приходит нам от Бога, наблюдая за словами и поступками других, и за своими словами и поступками – и сохраняя молчание.

Именно здесь я сама набиралась опыта. Когда я впервые ощутила водительство служить, чувствовала себя так, как будто меня побили подушками; я не последовала водительству и ушла с собрания совершенно опустошенная самим усилием сопротивляться водительству. Со временем водительство стало более понятным; слова теснились у меня в душе, но отказывались выходить наружу, и от этого сердце начинало биться чаще; и только когда я ощутила водительство в полной мере, я научилась служить. Не существует какого-то универсального способа проверить водительство. Поскольку все мы устроены по-разному, мы по-разному ощущаем побуждение, и нам необходимо научиться распознавать свои собственные сигналы. Я, например, никогда не «обнаруживала внезапно, что уже стою», как это описывали некоторые Друзья. Для меня это всегда было сознательным выбором.

Я полагаю, что наш опыт следования водительству развивается: еще недавно после выступления я чувствовала только учащенное биение сердца, что было достаточно обескураживающим, теперь же я могу тестировать водительство не столько чисто физически, сколько духовно.

Друзья часто говорят об этом, но было бы интересно исследовать вопрос глубже, к примеру, включить подобный опыт людей, не принадлежащих к квакерам. Маргарет Канлифф, англиканская диаконица, описывала свой опыт ощущения водительства во время служения в узнаваемых терминах. Она как раз дочитала проповедь до середины, когда увидела, что кто-то зашел в церковь. Она почувствовала потребность включить в проповедь несколько незапланированных предложений, и потом обнаружила, что они как нельзя более точно относились к обстоятельствам незнакомца. Представляется весьма полезным включить в наше изучение способности к распознаванию те методы различения и оценки, которые Друзья используют в «не-религиозном» окружении. Как соотносятся они с нашим опытом в квакерском контексте? Не может ли такое сопоставление служить еще одним примером того, что опыт религиозный и опыт мирской представляют собой по сути одно и то же, только описываются они на разных языках. И как другие люди рассказывают о своем опыте заботы и водительства? Что побуждает их?

Стремление последовать побуждению заговорить в молитве неизбежно приводит к некоей публичности. И если собрание обсуждает свою молитвенную службу, то бывает очень полезно выслушать пронизательные наблюдения тех, чье воскресное служение бывает обычно молчаливым. Иногда более уместным выглядит частное высказывание. Я всегда ценила слова, сказанные мне одним из членов комитета: «Когда ты говоришь, то не всегда я чувствую, что ты следуешь водительству Духа». А несколько лет тому назад мудрая Маргарет Л. МакНейлл – Друг старше меня – выслушала мою многословную тираду по какому-то поводу, и когда мое красноречие иссякло, она мягко заметила: «Бет, не забывай, что ты один из подарков Божиих Обществу Друзей». В процессе того, как мы наблюдаем за работой Духа в нас самих и в других, и в наших сообществах на собраниях и в комитетах, мы можем помочь друг другу совершенствовать нашу пронизательность.

Иногда, вместо ощущения толчка изнутри, в наших собственных сердцах, водительство приходит к нам через другого человека, который предлагает нам что-то или просит нас о чем-то, но нам необходимо получить подтверждение такого внешнего водительства, прислушавшись к ответу в своей душе. Часто Друзья просят нас выполнить рутинную работу, которая просто помогает функционированию небольшой доли квакерского мира, частицы того самого «дня маловажного» (*Квакерская вера и практика* 19.43; Захария 4:10). И это тоже может оказаться водительством. В 1990 году американка Маргарет Бенефил, квакерский пастор, выступая на британской конференции квакеров о служении, сказала: «Помните, если служение кажется вам обременительным и тягостным, то возможно оно не от Бога. Бог, призывающий нас, дает нам и ресурсы для выполнения задачи, к которой он нас призывает. Отличительными признаками Друга, отвечающего на призыв, должны быть отвага, энергичность и радость» (*Equipping for Ministry* p. 23). Найти в себе мужество, достаточное для того, чтобы охотно и с готовностью заниматься рутинной работой, также является составной частью следования водительству!

Я никогда не забуду того явственного примера, когда один Друг повел молитву. Это произошло на обычном еженедельном молитвенном собрании, которое квакерское Общество Ноттингемского Университета проводило по вторникам во время ланча. Примерно семь человек сидели в неустоявшейся тишине, когда вошел еще один человек из нашей группы. Он сел и буквально через минуту мы ощутили внутренний покой. Мы

последовали его водительству, а он следовал за Духом среди нас туда, куда все мы хотели пойти, хотя ранее не могли найти туда путь.

Мой опыт ощущения Бога сводится в основном к водительствам, обычно это водительство говорить, иногда – водительство действовать и заняться какой-то работой. Время от времени я ощущаю водительство отложить задание, или же начать вести новый образ жизни или отказаться от старого. Такие события наиболее заметны как раз в момент перемен.

Например, когда наши дети были маленькими, и мы жили на небольшую зарплату в Ислингтоне, то казалось правильным научиться полагаться на Бога, действующего через других людей, для решения наших материальных проблем; каждую свою надобность формулировала в уме и поверяла ее Господу и ангелам. И что нужно было нам, то нам и предлагали – еду, одежду, детскую коляску, отпуск. Потом, позже, когда дети пошли в школу, а я получила работу на неполный день и с зарплатой, я совершенно отчетливо поняла, что пришла пора отказаться от модели предыдущих лет – я ощутила, что «пора быть самостоятельной, потому что я в силах быть таковой». И поток иссяк. Конечно, все это можно трактовать как проецирование своих субъективных желаний на внешний мир, но ведь коляска была вполне реальной! И служила нам долгие годы, пока мы, в свою очередь, не отдали ее кому-то еще.

Менее осязаемым было призвание стать чтецом-мирянином, производящим богослужение в Англиканской церкви. Эта мысль озарила меня как-то раз во время стирки. Подобные события происходят во время стирки может быть потому, что стирка – успокаивающий механический процесс, а может, потому, что кое-кто проводит так много времени за стиркой... Как бы то ни было, это решение открыло для меня новую возможность делать то, что я хорошо умею. Водительство было испытано обычным образом и принесло удовлетворение. Самым трудным для меня было облачение в соответствующие одежды – это казалось мне самым не-квакерским из всего, что я делала. Но с другой стороны, это была работа для мирянина, а не для священника, что было вполне квакерским и мне нравилось. Тогда же мое местное собрание назначило меня Старейшиной. Я особо вспоминаю два воскресенья. В одно из них я была одной из двух Старейшин, которые должны были сидеть впереди и закрывать молитвенное собрание, и я поняла, что моей задачей на этот час было всего лишь создавать каркас для молитвы всех остальных. На следующее воскресенье я вела первую половину службы в церкви Св.Давида в Вест Халлоуэе, и поняла, что делаю по сути то же самое – создаю каркас для всех остальных. Другими словами, осуществляю раскрепощающее, оптимизирующее водительство, помогая другим идти туда, куда они хотят идти, точно так же, как нам помогли в Ноттингеме.

Но когда моя работа стала требовать гораздо больше времени, у меня просто не было возможности продолжать по-прежнему служить в качестве чтеца из мирян, и после 18 лет мое призвание, которое, как я полагала, будет длиться всю жизнь, попросту иссякло. Странное ощущение, но у квакеров для этого есть специальное определение: «вышла за пределы своего водительства» и призвание изменилось. Прошло еще 12 лет, и церковь, с которой мы сейчас связаны, потеряла викария и обратилась «за помощью ко всем, кто может помочь», и я ощутила, как мое дремлющее призвание оживает вновь.

Быть доступным

«Мы же, как споспешники, умоляем вас, чтобы благодать Божия не тщетно была принята вами»(2-е Коринфянам 6:1) – к этой фразе я возвращаюсь вновь и вновь, поскольку она

прекрасно описывает данное конкретное чувство. И Бог, которого я за всем этим вижу, - это Бог активный, работающий с нами и через нас, приглашающий нас помочь, но не требующий нашей помощи. Возможно, сегодня для нас актуальными могли бы быть образы Всевышнего как божиего Духа в роли вдохновляющего координатора, направляющего руководителя, как Клерка, способствующего действиям? Неотъемлемым элементом всех этих функций является уважение к нашим способностям, к нашим дарованиям. Бог не может быть меньше того, что известно нам.

Водительства могут приходиться к нам не просто как к отдельным личностям, а как к собраниям и комитетам. В глубине души мы многое знаем о коллективных богослужениях и молитвенной жизни собрания и комитета, хотя и не часто говорим об этом. Комитет Молитвенного Союза Друзей так записал свой опыт в 1914 году:

Комитету, точно так же, как и отдельной личности, требуется время, чтобы подумать и прийти в такое состояние разума и души, которое способствовало бы все лучше и лучше разбираться в том, что же в его работе идет от Бога... У большинства из нас, взятых по отдельности, вера слишком слаба для того, чтобы в полной мере осознать обетование «Вот, Я делаю новое» (Исайя 43:19). Но тот комитет, который осознает обетование своей коллективной верой, являет собой группу, у которой дерзновенный дух придаст ему силу для того, чтобы попытаться сделать нечто, выходящее за пределы человеческих возможностей. И те, кто вверяет себя Богу таким образом, откроют Бога для себя. (*Христианская вера и практика 357*)

Бог действует также и через водительства не столь осознанные. «То, что кажется мне Божьими деяниями, другим может показаться совпадением. Все, что я могу сказать в своей молитве, так это то, что совпадения действительно встречаются». Кто бы ни сказал это впервые, слова его выражают опыт многих. Может, правда то, что в молитве мы окунаемся в поток энергии, идущей от Бога, а не игнорируем ее, не противостоям ей и уж никак не отрицаем ее? И именно таким образом мы делаем возможным водительства и совпадения? Молитва, невзирая на то, что молимся мы очень по-разному, помогает нам быть доступными, открытыми во время молитвы; нами могут воспользоваться, а могут и оставить в покое.

Старую концепцию «праведности» Господней мы можем интерпретировать по-новому – скорее как динамическое, нежели статическое понятие. Часто, когда мы думаем о «праведниках», мы представляем себе таких людей, занимающих твердую и непреклонную позицию, с обескураживающим отсутствием каких бы то ни было сомнений. Если же наш любящий Бог представляет собой живую, движущую силу, то тогда праведность начинает выглядеть как мощная энергетика, способная к действиям во имя справедливости, могущая исправить положение дел и направить развитие событий в жизненное русло, удержать их в неугасимом круге бытия. Мне представляется флаг, струющийся на ветру – под дуновением Духа. И если мы открыты этому дыханию, то оно струится через наши жизни и наши собрания, через наш мир. А возможно, Бог мягко и едва ощутимо перенаправляет и изменяет поток энергии внутри нас и нашего мира, точно так же, как иглотерапевт и другие целители применяют свое искусство для того, чтобы перенаправить энергии, уже существующие внутри нас? И в этом мы видим иную динамику, вмешательство, требующее более согласованных совместных действий.

Иногда наши высказывания звучат так, как будто наш опыт водительства выходит за рамки обыденной жизни. Хочу привести здесь рассказ, приписываемый Джону Уэсли, о том дне, когда он, в одном из своих частых путешествий, встретил квакера и предложил

тому продолжить путешествие вместе. Друг согласился, но, когда они были готовы отправиться в путь, сказал: «должен предупредить тебя, что я говорю только под непосредственным воздействием Духа Святого». Вечером Уэсли заметил «У нас был очень скучный день». Будни это часть жизни Духа во всей его сотворенной ординарности – Богу незачем выходить за рамки обычного течения жизни без крайней на то необходимости, да и от нас не требуется быть святее самого Господа. И если мы договоримся прочитать один из Советов на Собрании, и если Комиссия по Благотворительности рекомендует составить годовой отчет в каком-то особом формате, и если мы примем для себя решение начинать каждый день с пятнадцатиминутной йогической зарядки, то для этого водительство нам не понадобится.

На общественном уровне, если мы, как люди, видим, что что-то хорошо, а что-то плохо, то и для этого нам не нужно какое-то специальное водительство. Десять Заповедей и сведение Иисусом закона к двум заповедям – «возлюби господа бога твоего», «возлюби ближнего твоего, как самого себя» – служат основой для нашего повседневного различения относительно того, как мы проживаем свои обычные будни.

Некоторым из нас может показаться, что все это звучит недостаточно религиозно. Я помню всплеск эмоций на Собрании Помощи Страдающим, когда Друзьям показалось, что Британское Годовое Собрание превратилось во «всего лишь хорошо организованную благотворительность». «Я не желаю быть частью хорошо организованной благотворительности, я хочу быть частью религиозной группы, частью церкви», сказал один авторитетный Друг. Суть в том, что нам нужно быть обычной хорошо управляемой организацией, с четкой структурой и разумными методами работы, чтобы затем придать этому всему незаурядный характер, выходя за рамки обычного, а не отвергая его.

Какого Бога мы находим?

К какой же концепции или образу Бога приводит нас этот коллективный опыт? Для меня лично он предполагает Бога, уважающего наши личности, нашу свободу и течение наших жизней, Духа, который работает в них и через них, но который также предполагает, что мы можем выйти за рамки известного, что мы вместе с Духом можем принять участие в «новом», в воссоздании мира в большом и малом. И, что самое главное, предполагается, что мы радуем Бога, поскольку живем «согласно замыслу нашего создания», включая всю полноту нашего собственного творческого потенциала.

Мне кажется, что Бог одновременно уважает течение нашей жизни и природы и сам является той самой энергией, что движет этими процессами. Мы видим это в том, как работает квакерский метод ведения дел. Наши деловые собрания демонстрируют обычные процессы групповой динамики. Если, например, местное деловое собрание начинается сразу после молитвенного собрания и продолжается неподвижно долгое время, то все успеют проголодаться, воцарится всеобщее раздражение, и вряд ли можно будет ожидать разумных решений в такой обстановке. Умный и опытный Клерк собрания не допустит такого развития событий, значит, Дух будет работать через здравый смысл клерка. Клерк Собрания Помощи Страждущим сказал как-то раз: «Когда мы говорим о Божьей воле, мы иногда подразумеваем наличие правильного ответа на все вопросы. Получается, что нам нужно пройти через своего рода спиритический сеанс, чтобы определить, в чем заключается Божья воля, да еще тут задействован этот нескладный тип – Бог, который знает ответ, но по непонятной причине сказать нам этого не хочет. Я полагаю, что язык для обсуждения Божьей воли, это язык для обсуждения процесса, а не ответов, включая и творческую часть. Мы собираемся не для того, чтобы открыть для себя Божью волю, не для того чтобы обнаружить ее, а скорее для того, чтобы сотворить Божью волю – в это и

заключается творческий процесс открытия. И если мы будем рассматривать его как процесс творческий, значит, сможем вносить в него свой вклад, будем играть определенную роль в создании его.

Если Господь действует таким образом, возникает несомненный парадокс – способ, посредством которого все работает, в одно и то же время открыт и все же скрыт. И мы не имеем здесь дела с эзотерическими таинствами, открытыми только посвященным. Дух предпочитает действовать через обычных людей, с их согласия и в сотрудничестве с ними, используя их индивидуальные таланты и природные качества. Мир таков, что Бог может быть в нем и раствориться в нем, но Бог не просто скрыт в своем творении – Бог над ним и претупает его пределы.

Дух, Божественное начало скрытаны, они изменчивы, неуловимы и невидимы подобно ветру, подобно тихому дыханию. Они повсюду, как атмосфера. Они как райская птица вне клетки, как живое пламя, как вода, текущая меж пальцев. Нам кажется, что краешком глаза мы замечаем движение Божества; Господь оставляет следы – слабый аромат, запоминающееся впечатление, памятный стиль. «Но он – не ручной лев».

Божественное побуждение движется и движет нас – к добру, к миру, к красоте, к тому лучшему, к чему мы можем стремиться. Все знания, вся технология доступны к использованию на службе добра, под нашим согласным руководством в случае, если мы сотрудничаем с пониманием и различием, друг с другом и с вдохновляющим Дыханием. Яснее всего мы видим Дух за работой между людьми, в их отношениях и в сообществах, когда мы делаем что-то вместе, когда мы вместе дышим в животворящей атмосфере любви, в тайном сговоре с Божественным порывом к исцелению и созиданию. Пользуясь принципом, что Божественное начало не может быть ниже предела нашего воображения, мы можем посмотреть на тех людей, кого мы считаем учениками Духа, работающими на благо справедливости и ради исцеления мира, и мы можем интерпретировать их деятельность, как одновременные усилия и их и Духа, на благо всего мира. Жизнь Иисуса, его учение, смерть и воскрешение являются в особенности явной демонстрацией – а для некоторых и наивысшим примером – Божественной инициативы и действия в этом мире.

В нашем ощущении Бог действует, как в жизнях отдельных людей и общин, так и в мире в целом. Активные глаголы, которые мы используем – Бог действует, Бог вмешивается – являются метафорическими, но в то же время и глубоко правдивы. В христианской традиции есть сильный элемент – обращение к Иисусу, когда о Боге говорится в личном плане, в то же время признавая, что это не ограничивает Господа к субъективной личности. Говоря о Боге, как и личности, отнюдь не означает сведения Бога до масштаба личности.

Что же мы можем сказать о Боге в Его Божественной Сущности? И снова я могу говорить только от себя, о том, что я решила сама для себя; каждый из нас, и принадлежащий к квакерской общине, и живущий вне ее, должен сам для себя найти ответ на этот вопрос и жить дальше согласно полученному результату. Но, конечно же, мы заимствуем слова друг у друга. И давайте, со всей осторожностью начнем с Фомы Аквинского, который напоминает нам что Бог не просто еще один предмет наряду со многими другими, подлежащий исследованию. Божественная сущность, основа бытия принадлежит к иному порядку. Говоря словами Иссака Пеннингтона «Бог есть источник, изливающий жизнь и вселенные, внутренняя сущность всего, что появляется» (Some Questions and Answers, 1662, in Penington, 2005)

Я попыталась дополнить мое упрощённое понимание научных терминов этими определениями, и у меня получилось, что Божественная Сущность есть энергия, энергия как внутренняя субстанция всего на свете, очевидно неподвижная в видимых предметах, таких как стол или стакан воды, но подвижная в радиоволнах или в наших мыслях. Все это увязывается с пониманием Бога как Основы нашего Бытия, как создателя и основного движителя нашей вселенной.

И где этот Бог?

Но что могут значить слова об «энергии» и «внутренней субстанции всего на свете» для нас, как отдельных личностей, для нас как просто людей? Все это звучит крайне безлично, и среди ключевых вопросов для каждого из нас можно перечислить следующие: «Могу ли я позитивно взглянуть на вселенную? Относится ли вселенная ко мне позитивно?» Как сказал философ Джон МакКворри «Милосерден ли всевышний?»

Все мы способны принять Добро и распознать его как добро, как нечто, нам подходящее и для нас правильное. Если голодному дать еду, он понимает. Что именно это ему нужно, и он может взять еду и насытиться. Если нелюбимому человеку подарить любовь, он признает ее и будет расти вместе с ней. И если мы изголодались по любви или по пище, то дать их нам надо умело, так, чтобы наши тела и сердца могли бы их усвоить. Но так уж сделана наша глубинная природа, так уж мы сотворены, что предназначены мы для того, чтобы расти и процветать. Внутренняя сущность всего на свете являет собой созидательный источник, изливающий жизнь и вселенные.

Сотворение во времени предполагает конечность; цветы на столе в доме собраний вянут и умирают, так и мы; когда мы признаем и принимаем творение как дар во времени, тем самым мы признаем и его конец. Сотворение ограничено тем, что оно во времени, тогда как Бог – вне временных пределов. Поскольку сами мы во времени, то и воспринимаем вечное через временное. Вечное содержит в себе временное; вечность заключает время в себя. Представьте себе музыкальные ноты, из которых складывается мелодия. Мы слышим ноту за нотой во времени, но, поскольку мы знаем мелодию, мы можем удерживать в голове всю последовательность мелодии, и слышим ее как целое, выходя за рамки сиюминутного звучания. Опытный музыкант способен выйти за пределы времени и осознать целое по музыкальному отрывку. Можем ли мы вообразить себе Бога, удерживающего всю временную последовательность моментов нашей жизни в едином целом, в вечности? И таким образом видеть нашу жизнь как единое целое? Вспомним, что физики отнюдь не считают время абсолютным понятием.

Могу ли я также предположить, что Бог, будучи вне и над временем и пространством, решает творить во времени и пространстве, и таким образом ограничивает собственную Божественную Сущность? Бог самым непосредственным образом вовлечен в процесс творения как сознательная материя всей энергии и вещества, как импульс любви, творчества, всего добра и красоты. Это творение полностью познаваемо и поддается обнаружению существами, находящимися в нем, и включает сознательные человеческие существа, которые могут выбирать – либо они вступают в гармонические отношения со Всевышним, либо создают величайшую дисгармонию. Таким образом, процесс творения ограничивает Бога.

Мы попросту незнакомы с тем, в каких отношениях Бог состоит с другими частями вселенной, с любыми возможными формами сознания, которые могут существовать на Champagne Supernova [*песня группы Oasis*, – прим. переводчика] или на Полярной Звезде – но нас могут ожидать сюрпризы. И в христианском мифе Бог становится человеком, тем

самым демонстрируя, что источник сотворения принимает ограничения и конечность самого творения.

Поэтический язык наших христианских Рождественских песнопений как бы растягивается и ломается из-за парадокса инкарнации:

И вот! Смотри, Создатель сам
Себе из глины дом возводит

...

О внимли, внимли же - премудрый вечный Мир
Рыдает как дитя.

(The English Hymnal no.23)

В частности, Иисус из Назарета жил и говорил, как человек, находящийся в близком контакте с Духом и в полном взаимодействии с Богом. Иисус дает нам возможность думать о Боге конкретным образом. Его озарения, слова и само существование вдохновляют меня; они побуждают меня к мыслям и действиям. И что самое главное, он оживотворял свои собственные слова, что он принесет людям более изобильную жизнь, особенно тем, кто беден и маргинализован, тем, кто почувствовал, что «Бог с нами в этом человеке». Он ожидал и получил враждебность от людей и организаций, для кого жизнь, сосредоточенная на Боге была угрожающей. Он жил согласно своим ценностям и убеждениям, что в итоге привело к тому, что система его уничтожила. Многие из того, что он говорил и делал, послужило началом к изменениям в отношении, что в свою очередь привело к колоссальным подвижкам и изменениям в человеческом обществе на этой планете. Его потрясающие прозрения касательно человеческой природы по-прежнему находят отклик в наших душах и оказывают влияние на наше поведение и мышление. Именно в этом я вижу Господа за работой, в блеске мощи своей, освещающего нам путь к росту и побуждающего нас двигаться вперед.

Одно из самых важных внутренних изменений было вызвано смертью Иисуса и последующим осознанием того, что и после нее он остался среди живых. Его друзья были потрясены ошеломляющим убеждением, что Бог, знакомый им через еврейскую традицию, и которого Иисус показывал им всей жизнью своей, самым убедительным образом действовал как через беспомощную гибель Иисуса, так и через возрождение его присутствия среди них. В результате жизни многих из них изменились самым радикальным и разительным образом, намного значительнее, нежели во времена их дружбы с ним ранее, потому что теперь жили они, следуя могучим каждодневным водительствам Духа, и старались осмысливать свои открытия и впечатления все вместе.

Для меня история Иисуса представляет очевидный пример Бога, действующего в мире, дающего нам водительства, показывающего энергию, действующую во имя добра и призывающего нас к сотрудничеству, к работе совместно с Духом. В истории друзей Иисуса, насчитывающей уже две тысячи лет, мы все видим обилие переплетенных мотивов и ужасов, как едва различимых, так и лежащих на поверхности, сокрушающих дух человеческий. То же самое мы видим и в истории нашего Общества. Но каждый раз мы видим и возрождение. Появляется новое поколение, перед нами открываются новые возможности, мы получаем новый шанс приносить много пользы и снова расти.

Так где же был Господь во всех этих испытаниях? Были ли жизнь и смерть Иисуса просто великим примером человеческого опыта, или там, во всех человеческих реакциях, в неудачах и прозрениях, прощении и изменении, в новом росте был Бог? Если Бог вовлечен в творение, значит, Бог целиком и полностью вовлечен в историю Иисуса,

который жил по инициативе Бога – человек в полной гармонии и взаимодействии с Божественным Духом и целями Духа, преисполненными любви.

Я убеждена, что неуловимое дуновение, энергия, текущая через вселенную, хотят быть с нами в контакте, хотят, чтобы мы были в контакте с ними, чтобы мы любили друг друга, чтобы они могли струиться в любви, изливающейся через все сущее. И это дает нам искреннюю надежду, корнящуюся в реальности и опирающуюся на нее, в то, что К.С.Льюис называл «тайная магия еще более стародавних времен» (Lewis, 1987, p. 142); и это так в вечном бытии. Я определяю любовь как стремление к благу любимых вместе с уважением к ним самим. В этом смысле часто используется греческое слово *агапе* [*любовь-агапэ мыслится как обусловленная и опосредованная любовью к Богу, – прим.переводчика*].

Оливер Постгейт в своем стихотворении «Агапэ» подытожил тему за меня, подарив мне еще один предмет моего духовного инвентаря:

Я не буду навязывать тебе свою любовь,
И не буду пытаться сосчитать твои грехи,
и не буду унижать своим прощением,
и не буду пинать в лодыжку. Под столом незаметно
Я знаю, что твои глаза смотрят на мир не через мои глаза,
И слезы твои – вовсе не те, что я проливал.
Но мне наплевать,
Ведь я возьму тебя за руку и посажу рядом с собой
Просто потому, что ты здесь.
И не из-за сложного хитросплетения жалости, жадности с набожностью,
а только лишь из-за той радости, что старше и проще –
радости просто жить,
и кроме этого я ничего не хочу, да мне ничего и не надо.
Я вижу, как ты смотришь на дождь,
Как дышишь.
И даже то, что одно и то же солнце светит и на тебя
и на меня, мне подтверждает, что солнечный свет существует,
и дарит мне веру,
и говорит нам, что мы живем, что мы здесь,
и мне этого достаточно,
и о большем я не прошу.

5. Сумятица Творения

Конечность, свобода и зло

До настоящего момента, все в нашем саду было расчудесно, и мы могли бы эхом повторить ликующие слова Джорджа Фокса, сказанные в 1647 году: «Когда Господь за работой, кто сможет помешать ему?» (*Квакерская вера и практика* 19.02) Как пришлось убедиться ему самому, и как хорошо известно нам, многое может препятствовать деяниям Господа. Подразумевает ли это, что Господь не всесилен? Что можно сказать о пороках творения, о недостатках в нас самих, о тех моментах, когда нам удается наломать дров, прекрасно осознавая, что мы делаем? Каким образом такая картина вписывается в наше представление о творении?

Бог, сами фактом того, что он сотворил нечто, отличное от него самого, ограничил собственный потенциал и отсекал все варианты и возможности. Классическим примером попытки выразить эту мысль иными словами является констатация того, что Бог не может сотворить квадратный круг, потому что сущность круга заключается в его круглости, тем самым исключая всякую возможность квадратности. Но такая проблема возникает только в том случае, если мы придерживаемся определения Бога, данное в греческой философии, а именно Бога Всемогущего. Оно настолько «въелось» в представление многих о Всевышнем, что, если мы попытаемся хоть как-то поколебать картину Всемогущего Бога, то многим покажется, что у них отнимают саму идею Бога.

Почему мы автоматически полагаем, что всемогущество есть неотъемлемая часть нашей концепции Всевышнего? Это, безусловно, привлекательный образ, привычный для многих традиционных доктрин. Стоит посмотреть, откуда взялось это убеждение, и какой за ним стоит опыт. Мы, старшие Друзья, скорее всего, научились этому из разных гимнов, которые пели в школе. Возможно, Друзья помоложе не столь обременены подобным знанием. Сама концепция была разработана греческими философами в 4 веке, и не являлась частью иудейского понимания Бога. Она носит в основном теоретический характер и импонирует нам точно так же, как и мысль о том, что наши родители, или наше законодательство, или штат, или Общество Друзей, или ООН, могут вмешаться и навести порядок. Выразив мысль такими простыми словами, мы отчетливо понимаем, что в жизни так не бывает. Как сказал Бонхёффер [(4.02.1906 – 9.04.1945) *немецкий лютеранский пастор, теолог, участник антинацистского заговора – прим.пер.*], мы уже достигли совершеннолетия, мы не можем увернуться от наших обязательств, передав их образу родителя.

Поскольку вселенная сотворена, уже существует и стабильна, безграничный потенциал Бога добровольно и неизбежно оказывается ограниченным. Цвета радуги следуют друг за другом в своей последовательности, поскольку такова природа вещей, подразумевая при этом все возможные толкования этой фразы. Следовательно, творение неизбежно подразумевает ограничения и конечность – ведь существует точка, где заканчивается голубой цвет в радуге и начинается зеленый. Жизнь любого сотворенного объекта ограничена, будь то человек или солнце. Да и само время, как измерение творения, тоже ограничено. Мы видим ограничения творения в землетрясениях, цунами, когда наши кошки ловят голубей, а мы едим мясо – все это указывает на трагическую конечность мира.

Мы сами тоже часть нашей вселенной, и мы можем наблюдать ее, размышлять о ней, возможно, нам захочется изменить ее, в соответствии с природой вещей. Мы можем внести изменения в гены цветов, что стоят у нас на столе в доме собрания, и вывести голубую розу. Мы не можем изменить спектр радуги. В этом слышится отзвук предположения Вулмана, что либо мы живем согласно замыслу нашего сотворения – либо мы можем выбрать иной путь: мы можем выбрать путь, противоречащий тому, как мы были задуманы и сотворены, и тогда нам придется нести ответственность за последствия нашего выбора – как всем вместе, так и каждому по отдельности. Энергия творения вверяет себя нашим рукам. «Все сущее», вся вселенная – бесконечны, еще в процессе, все еще развиваются – энергия все еще струится, и мы можем принять участие в сотворении новых объектов. Нам предоставили возможность выбора – Господь дал нам свободу или работать с частичкой вселенной, либо все загубить.

В Евангелии мы видим ту же модель. Иисус приглашал людей к сообществу жизни, преисполненной благодати, а они отказывались по самым разным причинам: я купил землю, я женился, у меня новая машина, у меня новая любовь (От Луки 14:16-20). У нас

есть шанс помочь тем, кто лежит у обочины, сокрушенный различными несчастьями, или мы можем предпочесть перейти на другую сторону, поспешая к своей религиозной работе или конституционным дискуссиям.

А иногда – и это случается часто – мы сознательно желаем совершить зло, сказать ранящие слова, мы намеренно сотрясаем основы нового творения, и, когда наша неправота становится очевидной, мы усугубляем ее, отрицая правду. Мы запутываемся в пагубном круговороте, все вместе и по отдельности, как целые сообщества и даже нации, как человеческая раса. Друзья частенько пытаются не видеть происходящее, мы спешим заявить, что Бог – в каждом из нас. И все же, поскольку мы смотрим на мир искренне и правдиво, и поскольку мы стараемся кое в чем навести порядок, мы обязаны признать, что есть в нем и искажения, что люди обращаются к злу, что существуют коррумпированные структуры, и что, помимо Божьего семени, в каждом из нас есть и потенциал к безнравственности.

По мере того, как расширяется наша просветительская кампания, мы должны найти способ говорить о таких темах, не отказываясь при этом от наших исходных положений, позитивных и обнадеживающих по сути своей. Искателей не привлекает картина идеального человеческого общества, видимая через розовые очки. Они слишком много знают о жизни такой, какая она есть в действительности. Лондонские Друзья беседовали с сотнями заинтересованных посетителей наших понедельничных «Квакерских квестов» и оказалось, что после публикации трех книг, посвященных квакерским взглядам на Бога, молитвенное служение и мир, им пришлось написать *Двенадцать квакеров и Зло*, потому что вновь прибывшие требовали от нас заняться этой проблемой. Следовательно, когда мы рассматриваем рациональные основания нашего понимания Бога, как нам следует поступать с потенциальными и реальными примерами нечестности, греха в нас самих, в других и в мироздании?

Возрождение жизни

Давайте обсудим опыт и высказывания Джеймса Нейлера, лидера ранних квакеров. После ужасающего напряжения шестинедельного процесса в Парламенте по обвинению в богохульстве, жестокого наказания и разрыва отношений с другими ведущими квакерами, Нейлер надломился. Постепенно восстанавливаясь, он размышлял о своих переживаниях. В это время страданий и выздоровления – физического и морального, он жил близко к Богу. Позже, когда он лежал на смертном одре после варварского избиения, он продиктовал свое завещание, в котором было сказано: «Пусть будут слова мои записаны для тех, кто придет позже... Есть дух, который я ощущаю, который находит усладу в том, чтобы не делать зла и не мстить за обиду...» (*КВиП* 19.12). Его опыт общения с Богом не просто лежит в основе этого высказывания, он сияет сквозь них. В середине этого отрывка есть ключевое предложение, которое мы зачастую не замечаем среди красивых каденций. Он пишет о Духе, который был в нем, и в то время помимо него: «основа и источник есть милосердие и всепрощение Господни». Джеймс Нейлер открыл не только прочный фундамент – «основу» этого духа – но также исток новой жизни, «источник», изливающийся из основы. И он свидетельствовал, что оба они, и основа и источник – и фундамент и фонтан – есть не что иное, как милосердие и всепрощение Господни.

В своих раздумьях Нейлер использовал библейское слово «милосердие» (*mercy* от *chesed* на иврите), что означает убежденная любовь к Господу, обетованная и верная. Это более глубокая концепция, нежели идея «пойти на уступки, чтобы ко-то мог избежать должного наказания». Чтобы перевести *chesed*, обычно прибегают к словосочетаниям «преданная

любовь», «милости обетованные» или, как у Исаии 55:3 «...завет вечный, неизменные милости...» Все это звучит гораздо более персонифицировано и динамично, более вовлеченно, нежели «всемогущество» греческих философов. Предпочитая использовать «милости» во множественном числе, а не «милосердие» в единственном, Нейлер предполагает, что для него это больше, чем просто частица личности Бога. Он подразумевает, что в его жизни милосердие Господа, убедительное любящее присутствие Господа несколько раз были недвусмысленным личным опытом. Более полно он описывает эти случаи в отрывке, который в настоящее время мы можем прочитать в *Квакерской Вере и Практике* 20.21.

В этом смысле милосердие Всевышнего, Его преданная любовь, безусловно, являются одними из основных принципов, на которых базируется наше молчание. И в то же время они есть изливающийся источник, творческая жизнестойкость – в наших сердцах и наших собраниях, в нашей работе на благо мира и справедливости.

Джеймсу Нейлеру довелось также испытать на себе и Божественное всепрощение. Государство судило его, затем жестоко наказало за неосмотрительный поступок, который привел также к тяжелой размолвке в раннем квакерском сообществе. Он осознал свою ошибку и публично покаялся в ней. Однако оказалось, что восстановить дружеские отношения нелегко. Уильям Дьюсбери, один из первых квакерских посредников, помог обеим сторонам сделать это. В наших сообществах, на наших собраниях и в обществе в целом, мы способны содействовать в обретении прощения Господня. Все мы владеем ключами, которые могут либо запереть человека в аду, либо открыть ему райские врата. В нашем квакерском понимании эта власть прощения дана всем нам, а не только священникам. Мы можем изгнать людей из общества дружбы, исключить их из-за реальных или воображаемых ошибок, или же мы можем возродить наше сообщество, отпереть фонтаны и источник и любви и открыть путь потоку новой жизни.

В средствах массовой информации мы иногда находим сообщения о людях, прощающих страшное зло – изнасилование или убийство ребенка – и мы удивляемся, каким величием души, какой верой нужно обладать для таких поступков. И мы спрашиваем себя, а могли бы мы поступить таким образом. Мы можем рассказать и несколько других, менее широко известных историй, знакомых нам по собственному опыту. Мы знаем, что такое прощение не приходит легко и просто, независимо от того, рассматриваем ли мы их с божественной или человеческой точки зрения. Прощение – отнюдь не липкий пластырь, который можно прилепить на рану снаружи. Прощение – процесс сугубо внутренний, выздоровление идет изнутри, из самой глубины. Иногда рану приходится открывать заново, чтобы очистить ее, с искусством любовным и терпеливым. Зачастую мы отрицаем, что рана вообще существует, следовательно, правдивость и искренность тоже являются частью исцеления. И нам потребны умения, мудрость и компетенция в разрешении конфликтов, в наставничестве, в психиатрии, в дружбе.

Иисус напоминал нам, что для того, чтобы получить прощение, нужно самим уметь прощать (От Матфея 6:14-15; От Матфея 18:21-35). Иногда мы обнаруживаем, что нам тяжело смириться с тем, что кто-то другой прощён. В притче Иисуса об отце, привечающем сына своего и о расточительном сыне (От Луки 15:11-32) мы узнаем себя в законопослушном и бережливом старшем сыне, который сегодня наверняка стал бы уважаемым членом своего собрания. Наша способность к прощению может возрастая, но для некоторых из нас очень сложно добиться этого роста. Рана слишком глубока, увечье слишком серьезно, и шрам на психике слишком уродлив. Мы надеемся, что наша внутренняя жизнеспособность и стремление к возрождению сожгут начать с той точки,

где мы в данный момент находимся. Калечащее прошлое сможет стать той почвой, из которой сможет забить источник.

Вынося тьму на свет

Возможно ли совершить воображаемый духовный скачок и увидеть исцеляющую работу Духа в человеческих реакциях, исполненных любви и творчества, на человеческие же отдельные омерзительные поступки? И в том, как люди реагируют на еще более ужасающие массовые преступления, спланированные и выполненные нами, людьми – Холокост, геноцид в Руанде, ближневосточные войны, взрывы в Лондоне в июле 2005 года. Добавим к этому списку и другие бесчисленные события, происходившие в истории, включая повторяющиеся с отвратительным упорством пытки и жестокое обращение с детьми. Список можно было бы продолжить, но если мы ищем Бога за работой и в этих действиях и реакциях на них, хотелось бы вспомнить о таком выводе из практического опыта, накопленного Нейлером: «Попал ты в Тьму? Не придавай значения ей, ибо если поступишь ты так, то заполнит она тебя еще больше... терпеливо жди, пока Свет не восстанет из Тьмы и не поведет тебя...» (*КВuП* 21.65)

Апостол Павел писал об этих сложных взаимосвязях между Божественной живой праведностью и нашей склонностью и необъяснимым влечением к тому, чтобы уклониться, провалить то, что мы пытаемся сделать. В своём послании к христианам Рима на протяжении нескольких глав он занимается чистым теоретизированием, но в конце концов ему приходится описать свой личный опыт, лежащий в основе теоретических рассуждений. Ему приходится писать о личном: «желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю... грех, *оказывающийся грехом* потому, что посредством доброго причиняет мне смерть, так что грех становится крайне грешен» (К Римлянам 7:13-19, перевод Гауса, курсив мой). В переводе Новой Пересмотренной Стандартной Версии выделенные слова звучат несколько иначе: «для того, чтобы можно было показать грех как грех». Неправота крестовых походов, бомбежка Дрездена, когда я кричу на своих детей, потому что они окончательно вывели меня из себя – все это очевидно. Скрытая склонность к испорченности выносится на Свет, зло становится явным, и теперь, когда оно у всех на виду, с ним можно бороться. И снова зримость и свет – метафоры. Используя зримую и созерцательную образность, можем ли мы прийти к выводу, что частью работы Господа с человеческой тенденцией к испорченности бывает как раз стремление интенсифицировать ее, поставить во главу угла, вывести ее на Свет? Теперь, благодаря средствам массовой информации, мы гораздо лучше осведомлены о том, сколько горя несут всему миру последствия войн и зла. Иисуса распяли у всех на глазах. Должны ли мы увидеть, признать свое пристрастие к совершению неправильных поступков?

Кто-то может предпочесть другой набор образов: это всего лишь мое собственное мнение. Но нам, Друзьям – всем вместе и по отдельности – необходимо выработать логическое обоснование зла, и наше собственное вероисповедание обязано включить в себя размышления по этому поводу. Мы не можем просто относиться к злу с пренебрежением. Весь опыт и мышление квакеров, ежедневно сталкивающихся с искаженным творением и его последствиями, безусловно, мог бы быть действительно ценным для всего остального Общества.

Я высоко ценю и часто размышляю о двух высказываниях моего коллеги. В своей миротворческой работе ему часто приходилось встречаться с людьми, глубоко погрязшими в запутанных структурах мощного государства, и он говорил мне: «Бессмысленно

совершать внешнее путешествие ради того, чтобы встретиться с людьми, которые совершают все эти ужасные поступки, если заранее не совершить путешествие внутреннее, чтобы встретить то, что есть у них от Бога». Позже он рассказывал о том горе, которое он пережил, когда его сын погиб в автокатастрофе: «Я использовал слова Иакова, борющегося с ангелом – «не отпущу Тебя, пока не благословишь меня» (Бытие 32:26). Я стараюсь найти благословение в его невинном и бесцельном страдании и смерти». Нам нужно больше думать и писать об этих составных частях нашего человеческого и квакерского опыта. Если Бог есть Бог, и если наше понимание Бога достаточно глубоко, значит, есть и Свет, который воссияет из тьмы.

6. Выражая нашу веру

Не существует никакого твердого кристалла

Когда квакеры говорят о различных вероисповеданиях, мы обычно говорим, что предпочитаем думать об истине, как о растущем и развивающемся понимании, а не как о категоричном утверждении, опирающемся на авторитет нашей религиозной группы и используемым в качестве теста на принадлежность к ней. «Истина... есть семя, имеющее силу расти, а не твердый кристалл, и ее грани никогда не бывают такими красивыми». (Д.В.Раунтри, *КВиП* 27.21). Нашим излюбленным методом работы со словами, относящимися к религиозному опыту, мышлению и вере, является сбор знаний, почерпнутых из реального опыта, и раз мышлений. Так, к примеру, *Квакерская вера и практика* – наша *Книга Дисциплины* написана в форме антологии. Она имеет официальное значение в том смысле, что на Годовом Собрании мы все согласились принять ее за нормативное руководство для всех нас на данное время. Но мы знаем, что она менялась и дорабатывалась в прошлом, и мы ожидаем, что и в будущем она будет совершенствоваться. Мы не пользуемся ею в качестве теста для определения индивидуального членства, но желаем, чтобы наши члены знали, что в ней содержится, и чтобы ее содержание было для них приемлемо.

Интересно отметить, что наш метод обновления Книги в общих чертах схож с подходом ранней Церкви, когда Евангелия и Новый Завет только что появились. Друзья Иисуса обнаружили, что рассказы о нем помогали им жить по-новому вместе, поэтому они повторяли эти истории друг другу. Они также вспоминали и цитировали друг другу то, что им запомнилось из слов Иисуса, потому что эти высказывания по-прежнему вдохновляли их и оставались животворящими. В конце концов, после нескольких десятилетий изустных повторений в общине, слова эти были записаны. И точно так же, когда мы, как община, перерабатываем *Веру и практику*, мы спрашиваем друг друга: «Какие квакерские высказывания, старые и новые, запомнились вам? Какие квакерские высказывания по-прежнему полезны как вашего частного, так и коллективного опыта, для вашей жизни, роста и практики?»

Возможно, отдельно взятый квакер, старающийся бросить курить, просматривал письма Джорджа Фокса, как вдруг ему бросились в глаза слова: «Какой бы ни была ваша неистребимая привычка, диавол-искуситель придет вместе с ней» (*КВиП* 20.42). Или какой-нибудь казначей, столкнувшись с серьезной проблемой, обратится за водительством, и кто-то другой ответит ему: «В протоколах Ежегодной Конференции казначеев шестилетней давности я нашел очень полезное высказывание, я пришлю цитату». Частенько клерк, после нескольких месяцев усердной работы над запутанной проблемой, говорит: «Так вот почему в *Вере и практике* есть этот раздел – теперь я понимаю, что он означает». Или наш опытный администратор Дома Друзей, привыкший отвечать на тревожные телефонные звонки, держит маркер на офисном экземпляре *КВиП*

на параграфе 4.20, в котором Друзей убедительно просят не прибегать к юридическим действиям относительно друг друга. Также у него всегда под рукой совет Джорджа Фокса к Элизабет Клейпоул, когда она находилась в угнетенном состоянии: «Будьте спокойны и хладнокровны...», что по сути означало: «Не смотрите на свои грехи, а смотрите на Свет, который их выявляет» (*КВуII* 2.18). Многие высказывания в *Вере и практике* представляют собой отнюдь не декларации веры, а рабочие инструменты.

Также как и Евангелия и большая часть Нового Завета. Общине Иисуса в Палестине первого века приходилось довольно близко контактировать с оккупантами армии Рима, и некоторым солдатам эта новая община показалась довольно привлекательной – так сохранились рассказы о разговоре Иисуса с дружественно настроенным римским центурионом. Их запомнили и пересказывали (От Луки 7:1-10). Отношения с недружественными римлянами не были такими легкими, и поэтому люди напоминали друг другу слова Иисуса о том, что если принудят тебя пройти мимо с солдатским мешком за плечами, то пройди тогда две (От Матфея 5:41). Женщины этой новой общины были полны решимости сохранить признание из равенства, и поэтому постарались сделать так, что бы несколько историй о них пересказывали снова и снова, равно как и слова Иисуса о детях. Все члены общины считали, что жизнь зачастую была весьма беспокойна, и поэтому каждое из четырех составляющих преданий, входящих в канонические Евангелия, включает рассказ о маленькой лодке, которую швыряет вверх и вниз на волнах шторма в Галилейском озере, и об успокаивающих словах и самом присутствии Иисуса (От Матфея 8:23-27; От Марка 4:36-41; От Луки 8:22-25; От Иоанна 6:16-21). Я поняла, что могу доверять точности большей части слов Иисуса, упоминаемых в Евангелиях, когда поймала себя на том, что пересказываю истории, слышанные мною от моего учителя-квакера Гарольда Лоукса, которые он рассказывал мне лет 40 назад, когда я училась у него в Оксфорде. Он произвел тогда на меня такое впечатление, что и по сей день повторяю те самые слова, которые произносил он, и зачастую ту же самую интонацию.

Подобным образом, письма, написанные маленьким общинам «Пути», сохранились, поскольку они были полезными записями советов и опыта, стоящие того, чтобы занимать место на полке и усилий поп переписыванию. Книга Откровений, доставляющая людям столько головной боли, но тем не менее так высоко ценимая и часто цитируемая первыми квакерами, на самом деле представляет собой политико-религиозный памфлет, написанный в очень живописной форме, сохранившийся благодаря тому, что внушал надежду и заслуживал места на полке в первом веке. Трилогия Уолтера Винка «Силы» (Винк, 1984, 1992, 1993) помогает нам справиться с Откровением и понять жизненный опыт, лежащий за ним. Сам писатель рассказывает нам, что книга началась как служение в молитве: «Я был в духе в день воскресный» (Откровение 1:10), следовательно, возможно мы можем воспринимать ее, следуя Совету 17: «Если чьи-либо слова кажутся вам странными или раздражают вас, попытайтесь осознать, что является их источником и что питает жизнь других».

Таким образом, как *Вера и Практика*, так и Евангелия являются основой для веры, в том смысле, что они произрастают из живого опыта и появляются в жизни общины веры, прибегая к влиянию самой общины и той истины, что заключена в словах.

Что кроется за этим?

Мы квакеры всегда производим дополнительные и очень важные манипуляции со словами о Боге и об отправлении религиозных обрядов – мы смотрим сквозь них, спрашивая: «Какой реальный опыт лежит за тем или иным высказыванием?» Индейский вождь Папунеханг, послушав речи Джона Вулмана, сказал: «Мне нравится чувствовать, откуда

приходят слова» (Вулман под ред. Моултона, 1971, стр.133). Друзья недурно напрактиковались в таком поиске источника слов и языка, все мы делаем это на наших молитвенных собраниях, когда слушаем службу. Наше понимание Божественного начала, Бога и есть основа для наших действий, для нашего образа мышления, того пути, который мы выбираем для своей жизни и молитвы. И даже если мы не пытаемся формулировать свое понимание сознательно, оно все равно присутствует – как мотив, как основа, как источник наших жизней. У каждого из нас есть свое собственное понимание Бога, возникшее – осознанно или нет – из нашего собственного опыта, опирающееся на события, произошедшие еще до нашего рождения, а также из нашей собственной эмоциональной и интеллектуальной истории. Какими-то элементами мы делимся с другими, а кое-что остается уникальным для каждого.

Наше понимание Бога похоже на большой дом, в котором мы родились, и который мы изучаем и осваиваем по мере того, как растем. Мы создаем мысли и картины из тех материалов, что находим в нем, много чего мы привносим туда извне, кое-что любопытное мы находим в библиотеке, а кое-что готовим для себя на кухне, и мы создаем собственную музыку и картины. Иногда нечто невообразимое прорывается к нам из подвала, а иногда мы роемся на чердаке и обнаруживаем там старую концепцию, которую и приспособливаем как что-то полезное. Встреча для молитвы – это одно из мест, где мы можем показывать картины друг другу, снова и снова повторять видео-клипы и сопоставлять мнения. Еще одной возможностью совместно рассмотреть наши интерпретации и поучиться друг у друга – это разговоры друг с другом. Живя в согласии с нашими убеждениями, мы тем самым проверяем их на практике. Что будет, если я последую этому водительству? Есть ли частица Бога в каждом из нас? Работает ли принцип ненасилия?

Полезно помнить об образности и метафоричности, зачастую скрыто присутствующих в словах, которыми пользуемся мы сами и прочие Друзья. Нам квакерам нравится языковая картинка, создаваемая метафорой. Два классических наших тропа – это слегка абстрактная метафора Света, и более органичная метафора Семени и роста. Вслушайтесь в службу во время молитвенного собрания, и вы услышите, как часто в ней появляются разнообразные метафорические образы. Наша забота об истине призывает нас ценить метафоры и наслаждаться ими, однако мы должны также заглядывать за них, стремиться понять, что же было сказано, и, возможно, переводить их в собственный графический язык – язык или же сразу свой личный, глубоко индивидуальный опыт.

Вся Истина есть тень, кроме последней, кроме высшей; и все-таки Истина верна сама по себе.

Это – субстанция, находящаяся на своем месте, хотя она же – лишь тень на другом месте (поскольку она – не что иное, как отражение более интенсивной субстанции); и тень – это истинная тень, как субстанция – это истинная субстанция. (*КВuII 27.22*) Используя язык Света, Исаак Пеннингтон писал так в 1653 году, во время периода увлечения Платоном, до того, как он стал Другом, но мы признаем эти слова созвучными нашему собственному опыту. Можем ли мы в поисках Истины попытаться проникнуть глубже, выйти за границы нашего осторожного языка, и что мы там обнаружим – истину объединяющую или разделяющую?

Я считаю, что метафоры, свойственные лично мне, связаны прежде всего со строительством, надежностью и основами, со словами, подразумевающими скорее плановый и организованный подход. Поскольку в течение нескольких лет я занимаюсь организацией финансирования, я знаю, что, когда мы говорим о квакерских деньгах, мы

прибегаем к метафорическому обозначению их как энергии Общества. Во время службы некоторые из нас могут пользоваться словами о воздухе, облаках и небесах – несколько иной подход. Ни один из них не лучше и не хуже, просто выбор зависит от конкретного опыта конкретного человека, от того, «откуда идут слова».

Классическим примером, иллюстрирующим, как можно осознать, откуда берутся слова и как мы смешиваем образность с опытом, служит речь Люка Кока перед собранием квакеров в 1721 году. Для того, чтобы образно описать эволюцию своего правоверного ученичества, он прибегнул к образу Креста Покаяния на перекрестке в Шрусбери:

Необходимость, Друзья мои, превосходит закон: необходимость гонит многих мимо Креста Покаяния... Помню, как-то раз я шел через Шрусбери, и мой Наставник сказал мне: «Я покажу тебе Крест Покаяния». «Нет» – сказал я. «Нет нужды тебе делать это. Я несу свой тяжелый крест». Так вот, в месте, которое он показал мне, сходились четыре дороги.

Я помню, как впервые встретился со своим Наставником. Он привел меня в место большое и крестообразное, где я должен был говорить правду из сердца своего – а до того я частенько клялся, да и лгал тоже ради прибыли. «Ну а теперь», - сказал я своему Наставнику, - «я должен покинуть Тебя здесь: если Ты поведешь меня по этой дороге, я не смогу последовать за тобой: и я разорюсь в своем мясницком деле, если я не должен лгать ради прибыли». И здесь оставил я своего Наставника, и обуяла меня печаль, и пошел я назад к Кресту Покаяния: и сказал я – если смогу я вновь обрести своего доброго Наставника, то пойду за Ним, куда бы он меня ни повел. И вот здесь нашел я своего Наставника снова, и пошел за Ним по этой дороге и начал говорить правду из сердца своего. И был я раньше бедным и нищим, а теперь дело мое стало процветать, и я дошел до конца этой дороги, хотя было мне нелегко.

Но сейчас мой Наставник повел меня по другой дороге, тяжелее, чем была та, первая, и здесь должен был я приносить свидетельство особым откровенным манером. И было это очень трудно, и все-таки сказал я тогда своему Наставнику: «умерь шаг свой, не догнать мне Тебя в слабости своей, и я последую за тобой так быстро, как смогу. Молю Тебя, не превышай предел моей силы». И так, мало-помалу добрался я сюда. И теперь повел он меня по третьей дороге. И еще труднее была задача: приносить свидетельство супротив церковной десятины – а жена моя была не убеждена. И сказал я своему Наставнику: «Ну что ж, сомневаюсь, что я смогу когда-либо по этой дороге пройти: но не бросай меня: молю Тебя, иди ровно со мной, ибо нуждаюсь я в отдыхе». И так долго медлил я здесь, пока жена моя не вскричала: «Мы разоримся дотла, и что ты, безумец, стакнулся с этими ничтожными квакерами?» И здесь восстал я и возопил, и умолял Наставника моего остаться со мной и идти так, чтобы поспевал я: и вскоре жена моя была убеждена. «Что ж, – сказала она, – иди за Наставником своим, и будь что будет. Господь дал нам все: и мы будем верить в него». Ну что ж, подумал я, вернусь-ка я снова к своему Наставнику, и пойдет он дальше, и последую я за Ним воистину; и так добрался я до конца этой дороги бодрый духом...

Мой Наставник повел меня по другой дороге, труднее всех, что были раньше, и нужно было приносить свидетельство о той Руке, что сделала это все для меня. И это было тяжело: думал я, что никогда не увижу конец этой дороги. И шел я по ней 11 лет без одного месяца. И упал я на колени и пополз под преградами, и никогда я этого не забуду, и надеюсь, никогда мне не придется делать это снова. И я был бы счастлив думать, что уж теперь невозможно для меня упасть, но пусть тот, кто думает, что стоит, будет осторожен. А то – не ровен час – упадет. (*КБуII 20.22*)

Здесь говорит сам Люк Кок, и все же опыт, стоящий за образом ясен и отрывок не нуждается в комментариях. Он попросту выступает как огромная скала в нашей Дисциплинарной Книге. Мы не можем отрицать значение его свидетельства, точно так же, как не можем просить его изменить язык только из-за того, что это не наш язык.

Мы проникаем внутрь чужого внутреннего опыта и когда мы поем. Это могут быть песни «Ливенеров» или гимны иной традиции, любой веры. Когда мы погружаемся в музыку и слова, мы вступаем в творческую молитвенную медитацию композитора и автора слов, сосредоточенную на том таинстве, которое они несут нам, и мы разделяем с другими людьми их опыт познания откуда берутся слова, и приобретаем свой собственный опыт. Вполне возможно, что при этом нам захочется сотворить все заново, приблизить текст к собственному видению, подобрать слова к новой мелодии, или же переписать текст так, чтобы он выражал наши собственные чувства.

В межцерковных и межконфессиональных отношениях, когда мы стараемся взглянуть на веру другой группы с их точки зрения, бывает полезно снова спросить, пусть даже только про себя: «Какой опыт скрываются за этими словами?» Когда мы разделяем молитвенное служение с другой верой или церковью, всегда легче понять внутренне значение их слов и учения, поскольку на самом деле мы именно делаем что-то вместе, а не просто предаемся теоретизированию. И это происходит не только с нами, но и с другой стороной. Я вспоминаю, как я организовывала молитвенное собрание для делегатов «Церкви Британии и Ирландии – вместе». Мы начали с пения гимна во славу Святого Духа «О, приди к нам, Дух Святой», который многие из присутствовавших там священнослужителей пели во время их посвящения в духовный сан. Двое или трое из них, не квакеры, но привыкшие к квакерскому молитвенному служению, молились в глубоком молчании, и потом один представитель от католиков, который много лет стремился понять нас, сказал: «Теперь я вижу, о чем вы говорите, я вижу, как это работает». Точно также и я, стоя в задних рядах во время молитвы в великолепном индуистском храме в Нисдене, я уловила на лицах людей мимолетное выражение, объясняющее смысл того, что они предлагают реальную пищу искусно сделанным статуям индуистских богов.

Все это не означает, что мы должны обязательно соглашаться с тем, что видим, или одобрять все учения. Но мы лучше понимаем своих собратьев по роду человеческому и их отношения с Богом. Мне вспоминается лицо священника, с которым я была знакома много лет тому назад. Он был яростным приверженцем англокатолической церкви, секретарем Общества короля-мученика Карла, и когда он читал проповедь о месте женщины, мне хотелось подняться на возвышение, как это сделал Джордж Фокс, и накричать на него. Но однажды вечером в четверг на Страстной неделе он шел в процессии и нес святое причастие, со свечами и ладаном, к боковому алтарю. Лицо его светилось благочестием, любовью, благоговением и священным трепетом. Мы никогда не осуждали с ним его взгляды или мои взгляды – для этого я была еще слишком робка в то время – но тогда я поняла кое-что из его опыта, что лежало за его образом мыслей.

За пределами опыта: Квакеры и теология

В своих размышлениях о религиозных и духовных концепциях мы высоко ценим опыт и цитируем слова Джорджа Фокса: «Вот что я узнал на собственном опыте». (КВуП 19.02) И это высказывание является основополагающим для нашего мышления. Когда мы говорим о нашем индивидуальном или коллективном понимании Бога, полезно начать с собственного опыта, приобретенного как по отдельности, так и совместно. Таким образом, нам удастся приблизить наши дискуссии к реальности, связать голову с сердцем и телом.

Существуют, однако, определенные границы при попытках основывать абсолютно все исключительно на опыте. Многие из нас начинали осваивать азы математики, взяв три кирпича или яблока или каштана, потом прибавив еще два, сосчитать их и воскликнуть «А теперь их пять!». И вполне возможно, мы пошли дальше, добавили еще ряд из пяти кирпичей и, заново сосчитав их, поняли, что дважды пять равняется десяти. Это эмпирическая математика. Большую часть школьной математики можно было проверить на конкретном опыте, и во всем этом наличествует практическая польза. Чтобы построить Шартрский Собор или большой зал для собраний в Доме Друзей, требуется определённый уровень прикладной математики и инженерных знаний, которые поддаются пониманию приблизительно так же, как наш разум справляется с задачей по сложению кирпичей. Но мы не останавливаемся на этом первичном, сугубо конкретном уровне. Ведь можно двигаться дальше, к более продвинутой математике и к проектированию на ином, высокоразвитом уровне. При этом мы стремимся к творческому развитию абстрактного мышления и к достижению практически полезных целей, таких как строительство сейсмоустойчивых зданий, или же оснащение их системами оповещения о цунами, или же придавая им способность понимать погоду и климат.

Я достигла в математике уровня дифференциальных исчислений, и мой мозг попросту отказался двигаться дальше. Но если сейчас кто-то, разбирающийся в вопросе, скажет мне, что согласно исследованиям климатических изменений, предпринятым научным сообществом, может произойти то-то или то-то, и что мне следует предпринять то-то или то-то, я оценю, насколько можно доверять этим исследованиям и затем доверюсь их профессионализму. И я не скажу: «Прежде чем я вам поверю, я хочу проследить весь путь вашей аргументации и сама разобраться буквально во всем».

То же относится и к теологическим и философским исследованиям. Теология или «богословие» и философия или «любовь к мудрости» обе могут быть и практическими и полезными, равно как и вдохновляющими и прекрасными сами по себе. И занятия квакерской теологией означают не просто рассуждения, но и молитву, и действие, и работу, и бизнес, так что фактически все мы занимаемся этим. Растущая группа квакерских теологов наслаждается игрой в присутствии Бога. Они работают со своими техническими понятиями, такими как святость, любовь, творение, вера, смирение, экклезиология, и они надеются, что им удастся на самом глубоком уровне служения произнести слова, которые окажутся полезными для всех нам, и помогут нам приблизиться к Божеству. Теология это не просто личное хобби, ею занимаются в интересах всей общины. Как отдельные личности, мы можем выработать свое собственное мнение, опираясь на свой личный опыт, а когда нам понадобится выразить свое общее мнение о Боге, мы можем попросить наших теологов подобрать слова, основываясь на нашем общем опыте – и это тоже может стать сотрудничеством, в котором мы работаем вместе с Духом.

Итак, вопрос «Какой опыт стоит за этими словами?» ценен, но имеет свои ограничения. И по мере того, как мы научаемся задавать эти острые вопросы людям, принадлежащим к другим церквам и исповедующим иные веры, мы также слышим их, в той же степени проницательные, вопросы, обращенные к нам:

«Как вы формулируете организацию управления?»

«Каким образом в вашу работу входит учение?»

«Почему у вас все такое расплывчатое?»

«Почему вы излагаете свои мысли в памфлетах, а не в книгах?»

«Как вообще вы существуете и сохраняете централизованную структуру, опираясь всего лишь на один час молчаливой медитации каждую неделю?»

Мы говорим, что у нас у самих есть что предложить другим церквям. Но, когда мы предлагаем свои сокровища, нам зачастую приходится объяснять, что он собой представляют, и, по мере того, как мы рассказываем о них другим, мы и сами узнаем о них больше. Для нас не представляет трудности подключиться к опыту другой веры на каком-то уровне, когда мы посещаем храмы или сидим в церкви иной конфессии. Некоторым из нас нравится посещать собрания квакеров по всему миру, где молитвенное служение идет в квакерском духе, но, тем не менее, оно волнующе отличается. Например, где-то Друзья поют под гитару, но все же поддерживают свидетельство о мире. Однако, гораздо сложнее сидеть в нашем собственном доме собраний в Британии и слушать другого британского квакера, совершающего службу в словах, оскорбляющих и ранящих нас.

Существуют две группы британских квакеров, которые способны весьма глубоко ранить других Друзей своей службой, а затем ответ на это больно ранит обе группы. Я слышала устную службу от тех из нас, кто вышел за рамки христианского языка и концепций, и совершил бодрый рывок за пределы теизма и языка Божия. Эти квакеры иногда говорят так, как будто прочие Друзья люди незрелые, и которые когда-нибудь все же перерастут свою детскую зависимость от старомодной образности. С другой стороны, приходилось мне также слышать службу и тех из нас, у кого есть близкая и драгоценная связь с Иисусом, Богом и Духом. Эти квакеры иной раз говорят так, как будто всем остальным нужно попросту обратиться к христианскому Богу, и опыт Божественной любви захлестнет их. Недоумевающие Друзья слушают такого рода служение с обидой – или яростью, поскольку считают себя достаточно взрослыми для подобных подходов. Возможно, всем нам знакомы молитвенные общины, которых такая разница привела к серьезному расхождению во мнениях. Когда случается несогласие, мы можем научиться трем вещам, которые способны помочь нашим общинам скорее объединиться, нежели разделиться.

Во-первых, можно спросить себя: «Какой опыт стоит за этими словами?» Ответ на этот вопрос потребует определенной отстраненности, достаточно абстрактного изучения проблемы. Очень может быть, это невозможно будет сделать сразу, но первая болезненная реакция несколько остынет.

Во-вторых, мы можем вспомнить мнение Д.С. Милля, которое он явно позаимствовал у Кольриджа, и которое, как мне кажется, способно оказаться полезным в дискуссиях как экуменических, так и квакерских: «Люди обычно правы в том, что они утверждают, и неправы в том, что они отрицают». Поэтому, когда я положительно отзываюсь о величии, скажем, музыки Моцарта в моем собственном восприятии, я права. Но если я скажу, что «Такие группы, как Oasis и Coldplay – полная чушь, и я лично ничего хорошего в их музыке не нахожу, и более того, не желаю, чтобы о них вообще упоминали в моем присутствии», я неправа, отрицая то, что для многих других является положительным опытом. Во время межконфессиональных дискуссий, когда квакеры утверждают, что «все живое священно, Всевышний может говорить с нами через любой объект творения», мы правы, а когда мы говорим, что «тайнства всех иных религий – чистое шаманство», мы тем самым отрицаем опыт многих других. Чужой опыт может не нести положительную окраску для нас, но, и особенно в ситуации, когда наша собственная теология основана на опыте, мы не можем попросту смахнуть опыт многих других людей с нашей ментальной карты. Можем ли мы на своих собраниях спросить сами себя: «Кто эти люди, которым так трудно возразить, что они утверждают – и почему? Что я отрицаю, и что я утверждаю – и

почему?» Можем ли мы искать положительные стороны в любых высказываниях? Способны ли мы в каждый данный момент сосредоточиться именно на них и не обращать внимания на остальное?

В-третьих, мы можем напомнить себе, что в нашей свободной квакерской общине у нас существует дисциплина и внутренние ограничения. И если попытаться определить одну-единственную цитату из *Веры и Практики*, которую я бы высекла над дверью каждого дома собраний, то это были бы слова Фредерика Паркера-Родеса: «Что мне заповедано?... презирать чью-то мудрость, хулить чьего-то Бога» (*КВuП* 26.41).

На более поздней стадии, не во время молитвенного собрания и не сразу же после него, собрание сочтет возможным обдумать и рассмотреть различные толкования и подходы к пониманию Божественной сущности, имеющиеся у членов собрания?

Дорожные документы

Уже в течение некоторого времени для того, чтобы помочь себе в процессе разработки собственного понимания Божественного начала, мы обращаемся к инструменту сугубо ментальному, имеющемуся в арсенале Британского Годового Собрания. Похоже, что важность его снова актуальна. В 1976 году наш Друг Джоселин Бернелл предложила, чтобы мы все время от времени готовили то, что она назвала «дорожным документом» – краткое изложение нашего собственного, глубоко индивидуального понимания Бога на данный момент. «Мы должны быть готовы, – говорила она, – поделиться «рабочими» версиями и помочь друг другу продвинуться дальше». Часть дорожного документа самой Джоселин теперь включена в *Веру и Практику* в раздел 26.25. Ее слова выдержали отбор и вошли в антологию нашей общины, получив признание нашего поколения.

Некоторым из нас покажется предпочтительнее выразить свои теперешние убеждения в музыке, или, возможно, в танце. Для других более подходящими инструментами будут краски, или резец скульптора, или гончарная глина. И все это будет внутренней правдой, нашедшей видимый выход через нашу креативность. Называя такие процессы «дорожными документами», мы тем самым сохраняем ощущение сиюминутности и напоминаем себе, что путешествие вглубь нашего опыта, нашего понимания и нашей веры продолжается.

Ах, птица рая!
Ты проследи ее полет:
Ах, птица рая!
Лети же, лети.

Некоторые символы веры ранней Церкви выражали догматы веры таким же образом, представляя собой условные индивидуальные высказывания, которые затем принимались общинами как нормативные, пытающиеся выразить словами опыт, выходящий за рамки простых слов, который, тем не менее, люди старались сделать доступным, выразить его в мыслеформах своего времени. Христиане ранних столетий старались удерживать человеческое понимание Бога на достаточно высоком уровне, оставляя указатели на некоторых бесплодных тропах, по которым пытались пройти, но которые, как показал опыт, вели к неадекватному пониманию неизмеримости Господней и величию Божественных начинаний и действий в мире. То, как символы веры использовались в более поздний период для того, чтобы укрепить веру и лишить кое-кого членства в общине, не умаляет их изначальной функции как «новейшая формулировка наших

догматов в современной одежде и сегодняшним языком», каковыми они, безусловно, являлись в те времена, когда впервые были записаны.

Я надеюсь, что мы – и каждый отдельно взятый из нас – сможем сказать, что мы верим, не беспокоясь при этом, что наше высказывание может превратиться в «один из официальных догматов веры». Дорожный документ не является догматом, он представляет собой нечто иное. Друзья, которые не умеют пользоваться теистическим языком, сформулировали свои «дорожные документы» в нескольких книгах, в частности это книга Дэвида Боултона «Безбожник ради Господа» (2006). Те квакеры, которым кажется, что мои соображения и формулировки чересчур традиционны и слишком сосредоточены на Боге, возможно сочтут эти книги более полезными. Давайте прислушаемся к собственным разговорам о нашей вере, особенно тогда, когда мы беседуем с кем-то, кто задает вопросы. Очень легко рассказывать о вере квакеров, ограничиваясь исключительно ссылками на то, чего у нас нет, и о чем мы не думаем, ведь многие из нас пришли к квакерству от более ограничительных вариантов изложения своих соображений, которые мы оставили в прошлом. Если при составлении своего дорожного документа мы прибегаем исключительно к негативным выражениям, получается, что наши суждения зависят от того, что мы отрицаем, а это, в свою очередь, надежной основой быть никак не может. В теологических дискуссиях такого рода полезным может оказаться другой вопрос – «Какую концепцию Бога предполагает данное вероисповедание?». И, если концепция покажется неадекватной, Друзья, и многие другие всерьез усомнятся в ценности такого утверждения. И если в беседе с современным мыслителем в более традиционной церкви, мы скажем: «Я не могу верить в такого Бога, который посылает людей в ад», то, скорее всего, в ответ мы услышим: «В Бога, в которого не верите вы, я и сам не верю». Лучше всего мы послужим истине, если сумеем изложить собственное понимание в положительных терминах. Так, как сделали многие Друзья в Информационном памфлете «Горжественно заявляю» (QHS, 1999).

Когда мы беседуем с теми, кто впервые пришел на наши встречи, нас часто спрашивают – «Так во что же вы верите?» или «А что думают квакеры о таинствах жизни и смерти?». Мы просто обязаны сказать им в ответ что-то ясное и понятное, и поэтому для начала мы сами должны постараться выразить словами собственные мысли. Отвергая символы веры, мы не отказываемся от рационального способа мышления или от использования слов как таковых. Но следует избегать использования слов для того, чтобы намекать или даже прямо излагать нечто в духе «поскольку верю в это, вам следует тоже верить в это», или «мы все так думаем, поэтому, если вы хотите присоединиться к нам, вы тоже должны так думать». Мы приняли коллективное решение приглашать людей присоединиться к нам, становиться членами не проверяя их верования посредством какой-то шаблонной формулировки, и мы предпочитаем жить, не подчиняясь одной-единственной авторитетной доктрине. Вместо этого мы приглашаем друг друга обнаружить и обратиться к собственной внутренней самостоятельности, нашему собственному Внутреннему Наставнику, если прибегнуть к словам ранних квакеров. Нет ничего плохого в хорошо продуманной системе убеждений. Но квакерский метод заключается в том, чтобы каждый из нас думал самостоятельно, или же в собрании слов других Друзей искал что-то, подходящее к нашим обстоятельствам на данный период времени.

Эти персональные временные высказывания и есть основные положения, те кирпичики, из которых складывается наша концепция Бога. Мы можем брать их взаймы друг у друга, или же мы можем отказаться от слов других людей и придумать свои собственные. По мере того, как зреет наша вера, меняется и наш собственный язык, и устои, необходимые нам, тоже меняются. С возрастом я обнаруживаю, что все больше и больше верю во все меньшее количество фундаментальных основ. И я понимаю, что важность прописных

истин только возрастает и крепнет – и что для меня главным становится любовь к Богу. В это я истинно верю. Но все мы сами должны прийти к самостоятельным решениям.

7. Жизнь с различиями

Какова ваша практика?

Мы начали с двух вопросов Франциска Ассизского: «Кто Ты, Господи Боже мой, и кто я?" Мы не могли всерьез взяться за первый вопрос, не обратившись также и ко второму. Итак, сейчас на вопрос «Господи Боже мой, кто я?" ответ у нас есть, хотя бы частично. Мы можем задать этот вопрос от лица всех нас: «Кто мы, мы – люди? Откуда мы пришли? Как можем мы быть верными учениками, соответствующими и адекватными замыслу нашего сотворения, постигая его и следуя ему? И как следует понимать предназначение рода людского трудиться в тесной связи со Всевышним?"

Но общего ответа здесь будет явно недостаточно. Каждый из нас хочет получить ответ на свой собственный конкретный вопрос: «Кто я – я сам, относительно Бога? Как мне выстраивать отношения с остальным мирозданием, если мое собственное внутреннее я столь разобщено и противоречиво? Каков замысел моего собственного существования? Как может мой внутренний мир жить в полном единении с моей глубоко индивидуальной личностью?»

Давайте еще раз начнем с нашего опыта. Вместо того, чтобы теоретизировать по поводу того, как бы мы могли совершенствовать и оживотворить наши взаимоотношения с Господом, лучше посмотреть на то, чем мы на самом деле занимаемся, и таким образом лучше понять, кто мы такие относительно Господа, природу нашего ученичества на практике, а также собственное развитие как личностей религиозных – всех вместе и каждого по отдельности. Поскольку этот метод начинается скорее с практики, а не с теоретических понятий, было бы полезно начать с небольшого исследования. В июне 2005 я провела опрос, интересуясь, какой же вид опыта оправдал себя в их конкретной ситуации. Я задавала Друзьям, да и другим людям четыре вопроса, чтобы узнать, какие дисциплины помогали им сохранять сосредоточенность на своей духовной жизни и удерживаться на правильном пути. Под «дисциплиной» я имела в виду «любой вид деятельности или практики - возможно физической, возможно умственной, который вы стараетесь превратить в привычный и заниматься им регулярно, даже если иногда вам этого и не очень хочется. Вот так и марафонец должен заниматься бегом, даже дождливым январским утром».

Вопросы были следующие:

- Какая практика или дисциплина помогает вам всеми фибрами души стремиться к поддержанию себя в состоянии любви и открытости к Духу?
- Как совершенствовалась эта практика или дисциплина в течение вашей жизни?
- Разделяли ли вы свои занятия определенной практикой с другими?
- Заметили ли вы некую разницу, благодаря совместному участию?

Тем, у кого были маленькие дети, я задавала еще один дополнительный вопрос: «Каким образом вам удастся создать и поддерживать некую внутреннюю духовную структуру вашей жизни?» Те, кто заботятся о маленьких детях, действительно нуждаются в практических предложениях относительно того, каким образом их ситуация могла бы обогатить, а не обеднить их духовный мир. Более того, то, как мы реагируем на отдельно

взятого ребенка и на присутствие детей на наших собраниях, в нашем Обществе и в каждодневной жизни, может многое рассказать о наших предположениях и подсознании. Дети возвращают нас к реальности и показывают нам, что на самом деле имеет значение.

Задавая свои вопросы, я спрашивала о фактах, не о теории, о действительных практических и эффективных действиях, а не о предписаниях или предположениях или о принципах, скрывающихся за ними. И ответы оказались в высшей степени интересными. Одни писали о годах устоявшихся привычках, другие – о практике, которую они только пытались сделать постоянной. Один Друг, член моего собственного собрания, совершенно не из тех людей, которым нравится записывать свои мысли, просто сказал мне: «Люди прежде всего». И эта фраза была квинтэссенцией его духовной природы и его жизни. Да и во всех наших исследованиях представляется важным сопоставлять то, что мы говорим или пишем с тем, как мы реально проживаем наши жизни.

Мой исследовательский метод был ограничен и окрашен тем фактом, что ответы пришли от тех, кому нравится отвечать на анкеты и которые обладают даром выразить свою духовную жизнь словами. Нам нужно также помнить и о другом ограничении, общем не только для Друзей, но и для всей современной западной христианской Церкви, чье влияние на нас не ограничивается только изучением результатов данного исследования. Люди, чье мышление достаточно организовано зачастую также четко выражают свои мысли словами, и они же достаточно последовательны для того, чтобы написать книгу и опубликовать ее. Это означает, что большая часть книг, посвященных тому, как жить духовной жизнью, написаны людьми, обладающим логическим и точным мышлением, и они пишут о том, как они сами живут духовной жизнью – которая у них основана на словесном фундаменте и высоко организована. В результате те из нас, кто не способны так четко формулировать собственные мысли, и кто далеко не так хорошо организован, читают такие книги и глубоко в душе чувствуют, что эти книги не соответствуют их состоянию. И, следовательно, нам кажется, что нас столкнули на обочину. Когда я поняла это, я ощутила одновременно и великое откровение и огромное облегчение. Несомненно, мы квакеры поклоняемся книгам, а также и цветам и столам, и нам бывает просто необходимо услышать поправку (по крайней мере мне это было точно необходимо), что чтение книг о духовности отнюдь не является единственной дорогой к углублению нашей религиозной жизни. На самом деле, если прочитать книгу, а потом вообразить себе, что я такой же человек, как и тот, о котором я читаю, это может оказаться явно опасным, если попросту следовать своим фантазиям.

Многие из тех, кто все же записывали свои мысли, замечали, что, если заниматься чем-то регулярно, то это помогало. Но все мы находим себе разные занятия. Половина респондентов заявили, что их очень устраивает определенное время, когда они пребывают в покое, обычно по утрам. Таким образом, Джон Вулман из восемнадцатого века всего лишь один из многих квакеров, которые на протяжении всей нашей истории хранили этот незыблемый обычай. Некоторые из нас называют это медитацией, другие – молитвой. Однако квакерская традиция читать молитву перед трапезой была упомянута лишь несколькими Друзьями. Эта молчаливая пауза, исполненная благодарности, перед тем, как приступить к еде, является выражением нашей священной теологии, и хранит наше убеждение в том, что каждая трапеза служит для того, чтобы связать нас с господом. Если мы перестаем так поступать, то значит ли это, что наши трапезы сейчас более поспешны, и мы реже разделяем их, или же мы растеряли наши былые убеждения? Многие даже не упомянули молитвенные собрания, посчитав их, вероятно, как дисциплину. Один молодой Друг написал:

Совместная молитва придает силы, каким-то образом облегчает все. Другими словами, если в молитве поделиться с другими своими неудачами или отчаянием, если открыто сказать об этом, то уже сам этот факт придает силы. Совместная молитва это достаточно мягкий вид дисциплины. Могу ли я сказать так: безумие становится менее безумным, оно теряет свою силу? Она притягивает тебя, она держит тебя, она гораздо убедительнее уговаривает тебя «не бежать никуда», чем если бы ты был один.

В нашей ежедневной практике кое-кто находит полезным занятия физическими упражнениями, будь то плавание, аэробика, йога, ходьба или бег. Интересно, что эти виды занятий упомянули все респонденты-не квакеры, но несколько Друзей также сочли физические упражнения ценными.

Для многих важным оказались такие виды деятельности, как участие в демонстрациях или пикетированиях, борьба за мир и за экологию. Один Друг описал это следующим образом: «Мое тело должно быть там, куда призывает моя вера».

Некоторые оценили музыку, но не саму по себе, а как практику, способствующую сосредоточению: играть на фортепьяно в одиночестве, слушать Баха, петь или играть камерную музыку с другими музыкантами. Одна из Друзей, утверждавшая, что музыка в высшей степени важна для нее, поняла это только после того, как обходилась без нее в течение трех месяцев. Кто-то другой, услышав все эти ответы, иронично прокомментировал: «Сразу видно, что опросник был для квакеров, все они из тех, кто Баха любит!» А какую же современную музыку квакеры считают полезной? Некоторые заявили, что им показалось полезным участие в практике или литургии других конфессий и других религий. Некоторые упомянули, что они посетили католическую вечерню или буддийскую медитацию. Хотелось бы отметить, какие традиции пришились квакерам по вкусу: кто-то упомянул молитву в традициях кельтов, а кому-то понравилась литургия и образ мыслей бенедиктинцев. За последние пятнадцать лет в русле развития квакерской мысли и практики, традицией стал подход к подобным занятиям в рамках проекта *Яблочное семечко*, который весьма высоко ценят многие Друзья (см. Глоссарий).

Многие квакеры не могут обойтись без занятий писательством, включая ведение дневников. Кто-то сказал, что вести дневник можно не только в словах, но и кистью на холсте. Мне лично кажется, что все вышесказанное убедительно показывает, насколько разнообразными могут быть увлечения квакеров. Я посетила несколько семинаров в Вудбруке, посвященных ведению дневников, частично из-за того, что я резко возражала против такого намерения, и поэтому мне подумалось, что я могу пропустить что-то, возможно требующее своего внимания. Я ознакомилась с предметом, я поняла, что это не мое – теперь я могу окончательно отложить в сторону ведение дневника. Но это великая квакерская традиция, которая была нам полезна в течение более трех с половиной веков. Многие страницы *Квакерской Веры и Практики* пришли из таких дневников, следовательно, сегодняшние дневник и Друзей жизненно важны не только для них самих, но и для будущих квакеров.

Едва ли мы можем назвать смех отдельной дисциплиной, но Друзья ценят смех. Одна из наших Друзей сказала – и лицо ее при этом осветилось – «Каждый день я благодарю Господа за благодеяния его. Не обязательно в строго установленное время, но я обязательно делаю это».

Несколько респондентов включили в свою практику молитвы за других людей, одна респондентка заявила, что она молится, гуляя со своей собакой. Она написала:

За последние несколько лет я выработала особую визуализацию, при которой небо представляется мне восхитительным шатром из света, куда я привожу всех страждущих. И в моем воображении всех их согревает и озаряет золотистый свет. Одну мою подругу я не беру в шатер, потому что я знаю – ей больше нравится ничем не ограниченная свобода, и я отправляю туда, где на вершинах холмов дует ветер! Подобные воображаемые картины часто ведут к принятию решений о конкретных поступках.

В обзоре отвечающим также задавался вопрос о том, как совершенствовались их практика, и один из авторов ответов написал:

Если бы машина времени отправила бы меня в прошлое, оказалось бы, что мое молчание изменилось. Конечно же, значительно выросла моя уверенность в том, что оно оказывается в определенном смысле слова моим водительством, исцелением и т.п.

Вопрос о детях принес несколько откровений. Кто-то из Друзей написал:

Когда мне хотелось подумать о чем-то, я обнаружил, что очень полезно за несколько недель записаться на семинар по этой проблеме в детском цикле. Это давало мне время для того, чтобы сосредоточиться на данном вопросе и подготовиться к тому, чтобы рассказать о нем простым языком, или же придумать, чем можно заняться с детьми в связи с выбранной темой. Когда я поступал таким образом, у меня не возникало никаких противоречий между тем, что было нужно мне, и тем, что требовалось детям. Подобный подход создавал некую структуру, дисциплину, внутри которой совершенствовались и развивались моя духовная жизнь. К тому же, он зачастую вызывал возникновение интересных дискуссий как со взрослыми, так и с детьми.

Квакеры, работающие с нашей молодежью и детьми, а также с теми, кто обращается к нам за информацией, обнаруживаются, что они сами растут и развиваются в процессе, да и узнают много нового.

Несколько Друзей воспользовались возможностью поразмышлять над понятием практики в общем и целом:

Существуют разнообразные виды деятельности, используемые для саморазвития, и я верю, что все они срабатывают – но только если вы ими действительно занимаетесь.

Постепенно я пришла к пониманию того, что для меня гораздо важнее отдавать себе полный отчет в том, что я *делаю*, вместо того, чтобы размышлять над тем, как было бы прекрасно, *если бы* я это делала.

Используя сравнение с марафонцем, скажем, что изучить дисциплину можно, только работая с ней. Так марафонец должен бежать. Ключом к пониманию становится понятие преданности. Преданность семье, моим музыкальным друзьям, себе самой, встречам благодаря нашему членству – все это укрепляет дисциплину.

Сначала мы должны решить, чему мы хотим посвятить себя, что лично для нас отвечает замыслу нашего индивидуального мироздания.

Где-то в начале этого году у меня наступил момент, когда я почувствовала себя удивительно хорошо – счастливой, уравновешенной и спокойной. И тогда я обратила внимание на то, чем же я занималась (диета, физические упражнения, чтение и т.д.) и поняла, что именно этим мне и нужно заниматься, чтобы чувствовать себя также хорошо большую часть времени.

И наконец, «Не так уж и важно, чем я занимаюсь. Важно, куда эти занятия меня приведут и приведут ли они меня к покою».

В ответах обнаружилось впечатляющее разнообразие реальных практик. Один Друг упомянул «активность в соответствии с дневными ритмами», которые, естественно, разнятся для каждого из нас, так же, как и ритмы в разные жизненные периоды. Кто-то – сова, а кто-то встает рано утром. Кому-то удастся использовать время, затрачиваемое на то, чтобы добраться до работы, для размышлений, а для кого-то самым драгоценным будет время, спокойно проведенное вместе с детьми, перед тем как ложиться спать. Для некоторых существенно важным представляется интеллектуальный посыл для дискуссии, а кто-то сказал, что «Моим первым духовным опытом оказалась блокада ядерной базы в Гринхэме», кому-то нравится лежать в гамаке, чувствуя свое единение с солнцем, легким ветерком и птицами. Если нам покажется проблематичным принять все эти варианты как разные способы быть квакером, может быть, это из-за того, что мы не уверены в нашем собственном пути, собственной избранной линии поведения? И если наш сосед предпочел практику, отличную от нашей, не умалит ли это наш собственный жизненный уклад? Как нам, в нашей общине, поддержать каждую отдельно взятую целостность и сугубо индивидуальные открытия?

Все мы такие разные, и поэтому каждый старается выработать для себя свой собственный метод в стремлении оставаться сосредоточенным на том, чтобы идти по правильному пути. Кому-то для этого понадобится надежная опора на ежедневную рутину, а кто-то проникнется убеждением, что вся наша жизнь проникнута Духом, и обнаружит, что такое понимание дарит жизнь с Богом, весьма далекую от рутины и разнящуюся разительно день ото дня и месяц от месяца.

Будучи в поиске того, что «подходит для меня», и живя согласно найденному, каждый из нас вторит Джону Вулману, который сказал «мы живем соответственно замыслу нашего творения». Тот акцент, который квакеры делают на честности, на принципе жить согласно своей истинной натуре, это выражение того же высказывания иными словами. Многие наставники в сфере духовного совершенствования понимали это. Аббат бенедиктинец Джон Чапман (1865-1933) выразился просто: «Молитесь так, как можете, а не так, как не можете». Когда мы живем соответственно замыслу нашего творения, мы становимся действительно сами собой, мы преисполнены энергии, мы излучаем свет, мы достигаем самореализации. Возможно, чувство это не будет долгим, но мы будем знать, что мы были там, мы знаем, что это такое. За всем этим стоит повторное открытие творения – в нашей духовной практике, в нашем внутреннем мире и в более глубоком понимании экологических систем, общих для всех нас. Джордж Фокс сказал: «У каждого свое назначение, и каждый может быть полезен для чего-либо» (Фокс, 1698, Письмо 264), имея в виду, что у каждого квакера есть нечто свое, особенное, что идет на благо всей общины.

Правоверное ученичество означает, что, прежде всего, нужно определить, в чем состоит целостность собственной личности, замысел ее сотворения, затем постараться жить в согласии с этим знанием, и отталкиваться от этого знания, когда наша жизнь меняется, и в ней появляются новые направления.

Мое скромное исследование подтвердило и еще одно открытие. Во время кризиса на годовом собрании, когда дети из четырех семей в Оркни были взяты на воспитание, и все это сопровождалось шумной кампанией в прессе, я слышала, как многие Друзья говорили: «Что же мы можем тут поделать? Разве только молиться» тоном, подразумевающим, что молитва отнюдь не последняя отчаянная надежда, а надежный, проверенный ресурс. И тогда я ощутила молчаливое течение этой подземной реки чрез всю сущность Британского Годового Собрания. Надеюсь, что и другие Друзья сделают то же открытие, когда им понадобится. Глубина и пронизательность ответов квакеров на вопросы демонстрируют, что мы знаем, о чем говорим при обсуждении нашей духовной жизни потому, что мы практикуем жизнь с Духом день за днем.

Знакомство с нашими «типажами»

Пытаясь понять, чем же я отличаюсь от других людей, я обнаружила полезный инструмент – Идентификатор типов Майерс-Бриггс, возникший на базе типологии Юнга, MBTI для краткости (информацию о Фонде Майерс-Бриггс см. на www.myersbriggs.org) – еще один пример того, как можно охватить наш опыт достаточно формализованным способом, и развить это понимание еще дальше, выделив в человеческом поведении 16 вариантов предпочтений, расположившихся в диапазоне от человека, черпающего энергию из общения с другими людьми, практичного, склонного к реальным действиям, следующего своим чувствам, до интроверта, предпочитающего находить силы и эмоции в себе, которому нравятся холодные абстрактные размышления и который принимает взвешенные и трезвые решения. Между этими двумя крайностями находятся еще 14 типов. Но этим инструментом следует пользоваться с осторожностью. Многим Друзьям он нравится, хотя я знаю, что другие считают его совершенно бесполезным. Самым важным здесь является то, что существует некое количество разнообразных психологических типов, и то, что подходит одному, не подходит другому. И ни один из этих типов нельзя считать лучше или более приемлемым, чем другой. Кто-то относится к тем, кому легче учиться новому через письмо и чтение, а другим легче действовать и учиться через действие. Кто-то восстанавливает силы в тактильных, сенсорных ремеслах, таких как кулинария, ткачество или садоводство. Другим для тех же целей подходят более абстрактные виды, например, музыка, или же созерцание великих произведений искусства.

Я прошла тест MBTI и определила свой тип. Основной ценностью этого стало положительное подтверждение того, что я есть то, что я есть. Я узнала себя в полученном описании, отразившем всю мою сложность. Когда я открыла для себя свой тип, я почувствовала, что обрела «замысел собственного творения» и теперь могу жить лучше, следуя этому замыслу. Такое открытие может оказаться весьма полезным, особенно, если вы делаете его вместе с другими, кто точно также обнаруживают самобытные замыслы их творения. Сотрудники MBTI с великой тщательностью подчёркивают ценность всех типов людей. Никто не может быть «лучше», «достоиннее» или даже «более квакерского типа» нежели кто-то иной. Другие Друзья предпочитают метод Эннеаграммы, главным в нем является утверждение уникальности вашей личности и подтверждение ценности различий.

К числу человеческих слабостей можно отнести и стремление использовать любую систему классификации как средство принизить других и утвердить собственное превосходство: «Блондинки из Эссекса – дурочки», «Люди с университетскими дипломами умнее прочих», «Моральные устои у вегетарианцев выше, чем у всеядных», «Квакеры лучше всех». В эту ловушку мы попадаем совершенно бессознательно, когда

произносим наше худшее уничижительное «это не по-квакерски!». По моему мнению, внутренней причиной для такого стремления классифицировать и принижать родовую принадлежность других людей является недостаток уверенности, вскормленный нашими особыми молчаливыми и неотчетливыми системами. Когда я – квакерский ребенок - росла в этом загадочном молчаливом квакерском племени, я понимала что к чему благодаря подсознательным сигналам, приходившим ко мне от других членов собрания через их поступки и интонации. Так я усвоила несколько ценных тезисов, таких как «Мы заботимся друг о друге», а также и другие утверждения, которые мне понадобилось пересмотреть, например: «Квакеры поступают лучше, чем большая часть прочих людей» или «такие-то и такие люди не похожи на нас». Я также научилась не ожидать от квакеров торжественных заявлений. Всеобщее рукопожатие в конце Собрания служит явной демонстрацией того, как мы ценим друг друга, но для многих из нас господствующее молчание не является подтверждающим опытом. И если нам удастся установить, к какому типу людей мы относимся, в чем заключается наш дар и наше дело (в том смысле, как это понимал Фокс), если мы обретаем возможность вернуться к сообществу верующих, которое нам подходит, то это укрепляет как нашу уверенность в себе, так и наше чувство собственного «я». И тогда нам не нужно надувать щеки, уверяя, что мы лучше всех. Уверенный квакерский голос исходит из убежденных квакерских сердец.

Значительное количество исследований посвящено отношению между типом личности и той духовной жизнью, что присуща этому типу. И это совершенно не означает, что все другие варианты хуже или лучше. Просто один тип отношений подходит мне, а другой подойдет вам. Такие исследования показали также, что различные типы людей естественным образом предпочитают разные образы Иисуса. Для одних это мистический пророк из Евангелия от Иоанна, для других – погруженный в размышления целитель из свидетельства Луки, и так далее. Мы знаем, что на протяжении столетий разные люди выбирают разных друзей и последователей Иисуса: некоторым подходит традиция кармелитов, другим – методистов, а третьим – квакерская традиция. Возможно, в будущем нам будет легче признавать друг друга и рассматривать разные традиции каждой из конфессий, как разные самобытные пути к одной широкой дороге веры, «ибо это есть истинное основание любви и единства, не такое, чтобы человек шел и делал как я, но потому, что я чувствую тот же самый Дух и жизнь в нем, и потому, что он идет в своем ранге, собственном порядке, подходящим для себя образом, на должном месте..., и так мне намного приятнее, чем если бы он шел по проторенному мной пути» (Пенингтон, *КВuП* 27.13) И снова Пенингтон заостряет внимание на верности собственной природе и взаимному благожелательному отношению к разнообразию. Для того, чтобы иметь дело с теми, кому сложно согласиться с присутствием разнообразия, нам нужно твердо стоять на земле, быть уверенными в себе и, что самое важное, уметь концентрироваться. Уильям Пенн сказал, что можно «получить великое удовольствие, обретя дом в душе своей» (Пенн, 1726). Томас Келли говорил о «внутреннем, тайном обращении к Богу» (*КВuП* 2.22). Брат Лоуренс практиковал присутствие Господа; другие говорят о жизни, исходящей из своего собственного центра в нерелигиозных терминах. Когда кто-то говорит нам, как нам следует думать и как чувствовать, или же что они правы, а мы нет, вот тогда нам нужно быть твердыми в своих собственных убеждениях.

Иногда, как мне кажется, бывает полезно, особенно на Собраниях, попытаться поставить себя на место другого, и физически и умственно: «Вот если бы я сидела там, где сидит она, я бы видела вон тот платан в окне, и я бы видела еще и других людей на нашем Собрании – она села как-то отдельно, интересно, может как раз сейчас ей не очень хочется общаться с другими? А может, просто так получилось?»

Неплохо время от времени прибегать к методу внутренней дисциплины, диаметрально противоположному вашему типу, просто ради чувства перемены, а заодно и для того, чтобы освежить те стороны своей натуры, которые не получили достаточного развития. Таким образом, интеллектуально развитый, абстрактно мыслящий и хорошо владеющий словом квакер оживает и восстанавливает силы, когда играет с глиной, занимается садом, или ткачеством, создавая квакерские гобелены, когда поет с «Ливенерами», молится по кельтским обрядам и т.п. Изголодавшиеся аспекты нашей личной модели творения получают пищу. Прибегая к терминологии МВТІ, традиция францисканцев представляет собой тип, наиболее отличающийся от обычной квакерской практики, следовательно, мы можем посчитать ее чрезвычайно полезным методом, с его практическими, буквально взятыми из реальной жизни простыми словами и поступками, плюс к тому – особое внимание, которое Франциск уделял ценности творения. Духовность этой традиции очень мирская, исполненная плодородным черноземом, почвой в самом что ни на есть исходном значении этого слова. И возможно, именно эта близость к земле, это смирение могут помочь нам справиться с нашими слабостями – игрой воображения и гордостью. Конечно же, все вышесказанное наряду с понятием «типов» личности в целом, представляет собой обобщение: каждая личность и каждая традиция имеют свои тонкости, свои модификации и свои противоречия. Тем не менее, основная ценность подобной классификации заключается в том, что она помогает выделить то, что действительно есть лучшего в нас самих или в нашей группе, то, что, вероятно, нужно будет пестовать и лелеять.

У нас существует четко выраженная квакерская традиция внутреннего роста и развития. Повторное открытие Рексом Эмблером Медитации в Свете является, вероятно, наиболее исчерпывающим британским исследованием, описанном в его работах *Правда сердца* и *Жить светом*. За последнее время многие американские друзья посвятили свои труды квакерской традиции. Среди них Патриция Лоринг, Билл и Фрэн Тейбер (Loring, 1997; Bill Taber, 1992; Fran Taber, 1997).

По мере того, как наши взгляды распространяются все шире, мы будем все больше нуждаться в записи некоторых наших открытий, в объяснении некоторых наших технических терминов, таких как, к примеру, «концентрироваться», «пребывать в Свете», «проницательность» и так далее. Понадобится нам также заново открыть опыт, лежащий за некоторыми выражениями Друзей восемнадцатого века касательно молитвы и служения, такими как «возносить дыхание к Господу» и «говорить с состояниями».

Убежденность без догматизма

Вслед за убежденностью приходят проблемы. Мы можем научиться ясности и определенности, не становясь при этом догматиками, и это свойство приобретает существенное значение, когда мы говорим с нашими новичками, а также молодежью и детьми квакерского движения. Мы представляем квакерский метод жить и думать как зримый и целесообразный вариант выбора, предлагая тип ученичества, который, как мы надеемся, может помочь. Молодежь, дети и искатели задают нам один, но очень важный вопрос: действительно ли эти люди верят, и живут ли они, следуя тому, во что они верят, или же все они лицемеры, пусть даже и непреднамеренно? Следовательно, наша убежденность должна быть искренней, должна, попросту говоря, уходить корнями глубоко в наши жизни, так же как и в наш способ мышления.

Когда нам не хватает уверенности в собственном способе существования, нас начинают особенно беспокоить те, кто решительно отличается от нас, и кто выражает себя с силой и убежденностью. Недавнее исследование конфликтов на квакерских собраниях, выполненное Сьюзен Робсон (Робсон, 2005) выявило некоторые причины такого

положения дел и предложило определенные стратегии, которые можно использовать для их разрешения. Она полагает, что, в частности, мы можем прибегнуть к модели повествования. Большинство рассказов и повестей описывают нарастание напряжения, сюжет динамически развивается в течение определённого периода времени, пока напряжение не достигает кульминации, вслед за которой конфликт получает разрешение. Напряжение имплицитно заключено во времени. Когда мы учим или учимся, мы часто рассказываем разные истории, однако гораздо реже слышим их во время нашей службы, которая обычно принимает форму лирического стихотворения или простого высказывания. Такая форма служения зачастую способна передать ощущение извечных истин, но может скрыть напряжение и конфликт, возникающие в процессе достижения этих истин. Напряжением причиняет нам дискомфорт, и мы либо не показываем это чувство, либо проходим через это по доброй воле. Когда другие квакеры отвергают нас в такое напряженное состояние, мы возражаем. И все это выглядит так, как будто вступая в Общество, мы вообразили, что слышим невысказанное обещание: «Квакерское свидетельство о мире означает, что никто и никогда не огорчит вас, и ни в коей мере не причинит вам ни малейшего неудобства». И если оказывается, что такой неформулированный контракт нарушается, мы гневаемся, мы говорим: «А на упаковке было совсем не так написано!», и мы оплакиваем потерю золотого века, той безупречной квакерской группы, работающей как часы, может быть даже такой, где все думают точно также как мы.

Таким образом, получается, что, если мы живем в прозаическом произведении, а не в лирическом стихотворении, если мы вместе создаем историю нашего собрания по мере того, как повествование развивается, а не придумываем идеальное квакерское собрание, застывшее в вечной мерзлоте, тогда напряжение, отличия, дискуссия, прощение и примирение обретают существенно значение, становятся животворящими. Мы выказываем свое квакерство не отрицанием напряжения и несходства, но тем, как мы работаем с этими состояниями, как мы справляемся с ними, как думаем о них. И пусть наше совместное молчание станет тем ситом, через которое мы просеиваем житейский компост наших разногласий! Иногда достаточно просто спокойно посидеть и посмотреть, какие проблемы достаточно важны, чтобы беспокоиться о них, а что можно просто выбросить в компост для удобрения нашего общего и разноцветного сада. Иногда прощенные сердца тают, и тогда начинают бить источники.

То, что мы здесь рассмотрели, скорее вопрос стиля и метода, нежели содержания, то есть скорее квакерский подход к практической теологии, а не выводы, к которым мы приходим. В наших размышлениях наличествует важное содержание, но для нас не менее важен и тот путь, которым мы приходим к этому содержанию, он точно также является частью наших взглядов. Когда мы организуем встречу для людей, интересующихся квакерами, мы обычно приглашаем группу экспертов из трех человек, представляющих разные точки зрения, а не одно-единственное авторитетное мнение. И то, как эти трое работают вместе, демонстрирует наш образ мышления наравне со словами, которыми они этот процесс описывают. В Свортморской лекции 2006 года *Размышления после долгих лет семейной жизни* (Сотвелл и Сотвелл, 2006) два человека, по собственному желанию прожившие вместе несколько десятков лет, рассуждали на тему практической теологии совместной жизни. Собрания могут многое почерпнуть из их выводов. Наша приверженность к уважению к исканиям и открытиям друг друга соответствует нашей концепции Бога многогранного, познать которого возможно только всем вместе, так что мое понимание Бога будет неполным без вашего вклада. Можем ли мы строить наши молитвенные общины на доверительной основе, и в то же время дорожить нашими различиями, принимать наши разнообразные и отличные друг от друга истории и опыты, учиться друг у друга? Определённая доля наших раздоров возникает из наших

собственных недостатков, нашей ограниченности и нашей ситуации во времени; в бесконечности собрания для богослужения можем ли мы жить бок о бок, не настаивая на немедленной релаксации напряжения, которое в некотором роде служит источником нашей энергии, побуждает нас к действию.

С того самого момента, когда я впервые прочитала стихотворение Джилл Сли Блакэдер «Радуга», опубликованное в работе *Квакерство: способ жизни* (1982), оно стало неотъемлемой частью моего запаса знаний:

Красный цвет спросил у голубого
«Мой друг, как так могло случиться
Что ты не столь в молитве радостен, как я?»
И голубой в ответ промолвил
«А ты, мой красный друг, скажи мне,
Почему ты никогда так не бываешь задушевен?»
Спросил жёлтый у зеленого
«Ну почему я никогда тебя не вижу на коленях
Или в поклонах, когда ты молишься?»
Зеленый так ему ответил
«Да разве так нужно молиться?
Молитвой это я не назову»
Тут синий и оранжевый заговорили
О разных способах молиться
О старом и о новом.
И бледен стал цвет фиолета,
Как будто испугался.
Никто не знал ведь, как он молится.
Тогда Господь промолвил
«Цвета мои, все вы мне принадлежите.
Иначе, как без света моего могли бы вы сиять?
Молитесь так, как цвет ваш пожелает,
Но только яркости своей не притушайте.
И мне нужны все ваши краски,
Чтоб радуга моя из них сложилась»

8. Духовный компост

Знакомство с «дурными материями»

В наши дни компост приобретает популярность! Наш местный совет уделяет много внимания пропаганде утилизации. И это может послужить удачной метафорой нашего обращения с дурными материями – мы переделываем их во что-то хорошее, превращаем отрицательное в положительное, смиряемся с сопутствующей кутерьмой, оставляем время на перерыв и отдых, живем в гармонии с естественным процессом. Однако, хорошо бы развернуть эту поэтическую метафору. И как всегда, когда мы имеем с подпорченным продуктом, нам требуется крепкий желудок. Ведь какая-то часть этого самого продукта может оказаться весьма неаппетитной. Пребывая в верности своей и в ученичестве, мы все же «имеем дело с дурными материями» – с негативными аспектами в нас самих и в мире, с насилием и жестокостью, ужасными трагедиями и бессмысленными разрушениями в мире природы – в трех смыслах и с трех точек зрения: мы сами испытываем их, поскольку с нами иногда случается плохое, и мы совершаем дурные поступки; мы работаем с такими вещами в нас самих и в других людях, чтобы остановить подобные

события и исправить положение дел; и мы честно стараемся встроить и такие элементы в нашу философскую и теологическую картину мира.

Все такие подходы к дурному проливают свет друг на друга. Некоторым из нас знакомо ощущение трагедии, внутреннего раздора и смятения – в самой глубине нашего существа. Ужасные и несправедливые поступки учинялись по отношению к нам, или происходили с нами, да и мы сами поступали несправедливо. Мы нутром, сердцем свои знаем, что такое зло и невзгоды. Некоторые из нас, к примеру, миротворцы, учителя, тюремные священники, офицеры полиции, медсестры и врачи, социальные работники и государственные служащие непосредственно имеют дело с порочностью человечества и природы, обладают практическим пониманием, которое одновременно и иллюстрирует и приземляет теоретические доводы тех, кто рассуждает и размышляет. Каждый из нас делает то же самое, правда, в разной степени: все мы действуем, рассуждаем и снова действуем, мы несем нашу тихую молитву в этот мир, и привносим весь мир в наше молчание.

Давайте попытаемся глубже заглянуть в один из наших исходных вопросов: «Господи Боже мой, кто я?» И мы обнаружим, что вопрос звучит шире: Кто мы, мы все, так ужасно поступающие друг с другом?» Строго говоря, мы здесь рассматриваем наше понимание человечества, общества, греха и зла. Помочь нам разобраться в этом может опыт Джона Вулмана (*КВuП* 21.64), пережитый им, когда он болел плевритом. Он увидел «какую-то массу, и этой массой были люди в таком великом страдании, какое они только могли вынести, оставаясь живыми, и я был смешан с ними, и впредь не могу рассматривать себя как отдельное или обособленное существо». Болезнь и страдания помогают нам увидеть себя как часть обычного человечества, «в смеси». Ту же самую истину мы познали из нашей работы с экологическим движением, мы поняли, что все мы вовлечены в процесс причинения вреда творению, а равно и в исправление этого вреда. Правдивый ответ на вопрос «Господи Боже мой, кто я?» зачастую может прозвучать следующим образом: «Ты – частица проблемы всей планеты», или «Ты не столь искусен, как сам полагаешь», или «Ты причинил боль своему другу». Мы можем вынести правду о себе на Свет нашей тихой молитвы признать и принять свои слабости и свою человеческие качества.

Чаще всего мне приходилось работать с таким проявлением порочных наклонностей, как сексуальное насилие над детьми – тема колоссальная и сложная, с которой боролась я, впрочем, как и все мы в Обществе. Чтобы ответить на вопрос «Какой опыт лежит за этими словами?» хочу сказать, что сама я такому насилию не подвергалась. Эта тема вошла в общественное сознание Общества в бытность мою генеральным секретарем Квakerской Национальной Службы. Мой опыт исходит из работы с многочисленными откликами квакеров на эту проблему.

Тем, кому пришлось пережить насилие в детстве, бывает трудно говорить об этом. Сложно даже просто вынести такой опыт на Свет, не говоря уже о том, чтобы просить других держать его в Свете. Кажется, что проще сохранять все в тайне. Самым кошмарным последствием насилия становится искажение и разрушение личности, наносится ужасающая рана самоуважению, той самой броне, которая в будущем должна защищать наше сердце от обид и оскорблений, защитной подложке для охраны и покрова. Многие обращаются к наркотикам или алкоголю, или же претерпевают длительные душевные заболевания. Для других выходом становится самоубийство. Излечение возможно, но уродливый шрам остается. В такой ситуации нужна группа людей, объединенных отношениями любви, уважения и примирительной благосклонности, тогда внутри такой группы можно назвать ужас и скорбь, пусть даже и про себя, за милосердной вуалью молчания. Безусловно, искусные профессионалы способны оказать помощь, но

помимо этого, пережившие подобное нуждаются в общении с обыкновенными, дружелюбными людьми, среди которых любовь может заново прорасти в атмосфере исцеления и воссоздания, в пребывании среди сообщества, где все есть возможность дарить помощь и любовь друг другу.

Вслед за отвратительным насилием в темных глубинах разума может зародиться странный плод, вынашиваться совершенно новая мысль – осознание сокроенной муки, что способно привести либо к взыванию к справедливости и восстанию против власти или авторитета тех, кто учинил такую несправедливость, либо к решимости найти очаг исцеления.

Подобное переживают не только девочки. Насилию подвергаются и мальчики. Квакеры-мужчины тоже иногда выносят свои невидимые травмы на свет. И в нашем Обществе, переступающем границы пола, мужчины точно также могут зачинать и возвращать в душе своей плод любви из насилия без любви, и таким образом обращать зло в добро. Тем, кто насильничал и кто, возможно, сам подвергся насилию в прошлом, тоже необходимо сообщество, в котором они смогут исцелиться и измениться, научиться любви. Наше сообщество ставит перед собой задачу по выхаживанию, исцелению и предотвращению, и принципиально важным моментом здесь является уважение. Наш принцип поиска частицы Бога в каждом учит нас обращаться с детьми, осознавая их собственную сущностную ценность. Не следует обращаться с ними как спешками в играх с позиции силы. Их должно уважать. Такой подход способен придать детям духовную силу, и тогда власти насильника не за что будет зацепиться.

Каким образом эта тема соотносится с нашими рассуждениями о «дурных материях»?

Приобретение опыта извне

Когда Джон Вулман понял, что смешан со страдающим человечеством, он также осознал ограниченность образа квакерского Общества в глазах самого этого Общества как самодостаточной группы, как уединенного сада, как объединения людей, не похожих на всех остальных. Некоторые элементы такого образа все еще сохраняются в нашей картине квакерской группы, где, по нашему мнению, мы решили все вопросы и живем по справедливости. Когда мы работали с проблемой насилия, я иногда слышала, как Друзья говорили: «Ну зачем нам привлекать социальных работников и полицию? Разве мы не можем сами справиться с возникшим обстоятельством в нашей собственной группе, и таким образом сохранить информацию о происшедшем среди своих?» Сохранить среди своих – вот в этом и проблема! Стены сада должны рухнуть, в рай живет змей. Честность требует от нас отваги, искренности и правдивости, когда мы размышляем и рассуждаем о нашем собственном сообществе и об обществе в более широком смысле слова.

В языке поэтическом, мифологическом и символическом, изгнание из рая означает историю развития от самого первого совершенного способа жизни, когда все существовало «согласно замыслу нашего сотворения». В оригинальном повествовании Бытия нет слова «Падение», оно появилось в более поздней интерпретации. Мы не можем отделить наши сотворение и развитие. Они произошли одновременно, потому что сам факт, что Господь создал нас (используя символический язык) отдельными от Бога, со свободой выбора, подразумевает наличие, по крайней мере, вероятности, а слишком часто и реального варианта того, что мы предпочтем отдалиться от божественного начала и спрятаться.

Мы могли бы попытаться найти убежище в благочестивом увещании «Вернитесь к Господу, строго придерживайтесь воли Господней». Никто и не возражает, но это отнюдь не означает, что таким образом можно убежать от реальности. Хотелось бы привести житейский пример: я вспоминаю тот день, когда наш сын получил права, мы передали ему ключи от машины со словами: «Ну что ж, в путь! Желаем тебе замечательно провести время!» Когда мы растем, мы, скорее всего, не осознаем важности того момента, когда ключи от машины оказываются у нас в руках. Мы думаем о том, что собираемся делать! Но у родителей с воображением перед глазами встают картины не только великолепных возможностей, но и опасностей. И все же мы позволяем нашим детям уезжать. Для большинства из нас этот день независимости и свободы неизбежен с момента рождения нашего ребенка. Метафора с машиной всего лишь яркий пример. Другими примерами могут быть и первые шаги, и первый день в школе, первые каникулы вдаль от дома. Расставания, решения, к которым мы сами готовим своих детей. Способна ли наша концепция Бога включить его радость при виде нашей самостоятельности? Является ли такой вариант развития, с его потенциалом к ошибкам и трагедии, неотъемлемой частью творения?

Фоном для подобной образности служит звонкая фраза Дитриха Бонхёффера «Человек повзрослел». В письмах, написанных 8 и 16 июля 1944 года, он писал: ... Я веду все к тому, что Бога не следует протаскивать контрабандой в укромный уголок души, а нужно просто признать совершеннолетие мира и человека; что нельзя «охаивать» человека за его мирскую сущность, а сопоставлять его с Богом нужно лишь в том, в чем он действительно силен... Бог как моральная, политическая, естественнонаучная рабочая гипотеза упразднен, преодолён; точно так же как и в смысле философской и религиозной гипотезы. Интеллектуальная честность требует отказа от этой рабочей гипотезы. (Bonhoeffer, 1981, стр. 160. 163)

Нам кое-что известно о том опыте, который скрывается за этими словами. Они были написаны Бонхёффером отнюдь не в безопасности мирного буржуазного пригорода. В июле 1944 года он сидел в военном отделении тюрьмы Тегель, просыпаясь каждую ночь в 1.30 от британских воздушных налетов и прекрасно понимая, что рано или поздно его казнят. Он знал, к каким результатам ведет человеческая независимость. Квакеры-нонтеисты, пошли в своих размышлениях дальше, потеряв гипотезу Бога где-то в провалах знания в пользу гораздо более размытого понимания Божественной сущности. Они – если воспользоваться фразой Дэвида Боултона – «безбожники во имя всего святого».

Оказывается, мне нужны образы, пока я знаю, что они действительно образы. И я ценю словесную зарисовку, услышанную от Друга, ответившего на анкету, упомянутую в предыдущей главе:

Обычно я еду на работу по утрам и останавливаюсь в пробке там, где дорога разветвляется. И каждое утро меня обгоняет приметная тройца – мама с двумя маленькими детьми на велосипедах. Снаряжение у всех троих обеспечивает максимум заметности и безопасности, и вот они, держась плотной группкой, двигаются наперерез встречному транспорту хоть и осторожно, но все же достаточно шатко. Когда они добираются до следующей дороги, мать переезжает на другую сторону, а дети, не оглядываясь, очень сосредоточенно, хотя и виляя время от времени рулем, едут дальше, пока она следит за ними на расстоянии. Ничего другого она не может для них сделать, она может только дать им шанс научиться. Мне представляется, что в этом заключена какая-то частица понимания сущности Бога. По крайней мере, для меня это срабатывает.

Здесь все исходные метафоры основаны на образах выхода за пределы безопасности первозданного сада и дома, на образах, рисующих взросление и отдаления, передвижения, колебания, обучения, падения, ушибиться самому и причинить боль другому. «Снабдить всем необходимым для обеспечения максимальной безопасности» - такова единственная путеводная нить для нас в мире, где случается насилие, где цунами разрушают целые сообщества и экосистемы, где некоторые социальные проблемы столь эндемичны, что требуются десятилетия для работы над ними. Параллельно с работой над безопасностью мы должны думать и работать с рисками. Однажды Друг, работавшая в тюремной службе, написала, что, как ей кажется, квакеры проявляют тенденцию к тому, чтобы избежать столкновений с реальностью злаллицом к лицу. Ссылаясь на некоторые языческие или местные Пути, нацеленные на то, чтобы не причинять вреда, а только защитить, она утверждала, что в своей практике она прибегала к вмешательству практическому либо духовному, даже за счет возможного временного возрастания хаоса.

Можем ли мы, используя буддистский термин, быть «искусными» в нашей независимой свободе? Нам необходимо знать, что мы делаем. Будучи людьми, достигшими зрелости в своих размышлениях о Боге и других людях, можем ли мы, выйдя во внешний мир, найти и объять непорочность, которая не была бы слепа и беспечна?

Мы способны размышлять об участии Господа в мироздании со всей глубиной, верой и отвагой. Как та мать, которая оставалась на месте, пока ее дети катились на своих велосипедах прочь, так же и Господь позволяет нам делать опасные вещи, рискует вместе с нами, погружается в сердцевину человеческой тьмы и порочности, доверяя заботу о нас друг другу. И если Господь, творческий первоисточник нашей истории и нашего бытия, вступает самым креативным образом вместе с нами в напряженное развитие сюжета, и соучаствует в его со-творении вместе со всеми нами, то что тогда становится возможным? Возможно ли исцеление страданий, можем ли мы разрешить некоторые конфликты и сложности?

Что если наш собственный ответ на вопрос «Господи Боже мой, кто я?» прозвучит так: «Это я, тот, кто сделал что-то явно неподобающее – я грешен, я виноват?»

Тяжко жить с сознанием своих несправедливых поступков, нелегко признать, что мы нуждаемся в прощении. В нашем Обществе Друзей у нас нет известных мне способов разбираться с подобными ситуациями религиозным образом, мы склонны прибегать к дешевым методам популярной психологии. Хотелось бы представить к обсуждению три истории.

Как-то раз, когда я объясняла, что квакеры полагают всю жизнь во всех ее проявлениях потенциально священной, одна молодая женщина отреагировала живейшим образом: «Значит, каждая еда может быть причащением. Тогда каждый раз, когда принимаешь ванну – это крещение?» Такое развитие квакерского мышления нам в голову не приходило, но оно логично. Мы смоемся, чтобы подготовить себя к началу нового дня, чтобы жить с другими людьми, чтобы освободиться от старой вьезшейся грязи, чтобы защитить собственное физическое здоровье... Юкитака Ямомото был японским морским офицером-замполитом в Новой Гвинее во время войны 1939-45 годов. Вернувшись, он решил выполнить синтоистский ритуал очищения водой, мисоги, в Великом Храме Цубаки как для того, чтобы освободиться от ужасных воспоминаний, так и для того, чтобы подготовить себя к великой миссии миротворчества. Мисоги включает в себя целый ряд ритуалов и молитв, после которых нужно несколько минут простоять под природным водопадом на великолепной территории Храма, зимой температура там

падала значительно ниже точки замерзания. Ямомото выполнял ритуал мисоги каждый день в течение десяти лет (Ямомото, 1999).

И, наконец, как-то раз один Друг заговорил со мной о чувстве вины по поводу некоего происшествия в его прошлом. Я вспомнила мой собственный опыт исповеди, когда священник, как представитель Бога, объявил, что мне отпускаются грехи мои и вина снимается, и отослал меня с традиционными словами: «Иди с миром, и помолись за меня, грешника». Я сделала вывод, что моему другу нужно услышать такое же четкое заявление, что он прощен, и тогда, со всей возможной авторитетностью, я сказала, что Господь простил нам обоим те моменты, когда мы не оправдали его ожиданий. Не знаю, какой эффект возымели мои слова, в таких ситуациях бывает трудно понять это. Но нам нужно попытаться глубже разобраться, как люди разбираются с чувством вины. Прощение и примирение есть цель нашего присоединения к сообществу. Возможно, квакерским сигналом к этому служит наше рукопожатие после Собрания. Или приглашение поучаствовать в мытье посуды после кофепития, еще один опыт с использованием воды. Но знакомы ли этим дружелюбным Другам то чувство вины, которые мы, сознательно или неосознанно, можем нести в душе своей? Как нам помочь друг другу выйти за пределы стен, защищающих, но в то же время и изолирующих? Вероятно, внесение удобрения в наши жизни как раз и начинается с того, что мы принимаем собственную безалаберность и неразбериху, даем им время на то, чтобы обогатить нас, сделать нас сильнее и увереннее, помочь обрести под собой твердую почву. Ни вода, ни слова не способны уничтожить прошлое. Но, возможно, они в силах помочь нам работать с прошлым, дробить его на части и выделять питательные вещества. Из компоста и в самом деле получается новая почва, новая плодородная основа – так может ли новая жизнь зародиться из мусора наших ошибок?

9. Квакеры, Крест и Воскрешение

Квакеры и Крест

Как мы понимаем тот набор образов и метафор, что сконцентрированы вокруг распятия и воскрешения Иисуса? Этот раздел антологии наших преданий сохраняет свою важность для наших Другей из других годовых собраний, и в прошлом был полезен и для Британских Другей. Что может предложить нам история, когда мы размышляем о проблемах страдания и греха, а также о надежде на обновление?

В настоящее время любая дискуссия на тему «креста» представляется британским Другам, впрочем, как и многим либеральным христианам, достаточно сложной. Мы ощущаем глубокий дискомфорт, представляя себе неадекватные или отталкивающие картины Бога и людей, очевидно скрывающиеся за словами, когда говорится нечто вроде: «Иисус умер, чтобы кровью своей примирить нас с Богом, и освободить нас от грехов наших, принеся себя в жертву вместо нас». Мы не хотим даже попытаться найти в этом более глубокий смысл, мы сомневаемся, стоит ли оно наших усилий. Образность освобождения кровью носит отталкивающий характер. Ответы кажутся слишком простыми. Для многих из нас все мысли о смерти Иисуса являют собой ненужный груз, который мы с легкостью сбросили, когда отказались от простейших уроков нашего прошлого и пришли к квакерам.

Но стоит обратить внимание на некоторые мысли относительно смерти Иисуса и ее влияния на нас, поскольку мы часто отвергаем их, при этом не раздумывая над причинами такого отношения. Зачастую метафоры, в которых выражается та или иная мысль нам ни о чем не говорят. Но за метафорами лежит концепция, а за ней опыт. Давайте зададим свой

квакерский вопрос и посмотрим, куда нас это приведет. «Какой опыт лежит за этими словами?»

Опыт людей, живших на протяжении двух тысяч лет, был таким, что, когда они размышляли о смерти Иисуса, они испытывали чувство некоего освобождения и облегчения – избавление от напряжения, оздоровление, раскрепощение. Я могу здесь говорить исключительно о собственном опыте, и только после этого предпринять попытку обратиться к переживаниям других. Продвигаться по этому пути приходится с большой осторожностью, ибо по сути я никогда не чувствовала себя полностью отстраненной, и посему у меня никогда не было действительного ощущения воссоединения и восстановления, что, для некоторых, является сутью опыта. Я пережила подобное только один раз в жизни, на представлении мюзикла *Godspell* где-то в 70е годы. Жизнь Иисуса была показана через актерскую игру и песни. После двухчасового, изобилующего событиями представления, полностью захватившего всех зрителей, актер, играющий Иисуса, распростершись на ограде из колючей проволоки в глубине сцены, пропел: «О Боже, я истекаю кровью, О Боже, умираю, О Боже, я умер». И зал замер в молчании. Я почувствовала горе и ужас, и напряжение в душе моей ослабло. Я подумала: «Так вот что означают все слова», и с того момента именно это стало для меня опорным ориентиром.

Первые квакеры говорили о «Кресте» свидетельствования их убеждений. Мэри Пеннингтон рассказывает «я противилась принятию Креста в языке, модах, привычках, титулах, почестях и уважении в мире; мои отношения сделали этот крест очень тяжелым» (*КВуП* 19.13 предисловие). Друзья были уверены, что «Христос сам пришел учить своих людей». В основе их веры лежал их непосредственный опыт Бога, и они привносили его во все стороны своих жизней настолько добросовестно, что отказывались приносить клятву в суде или платить десятину официальной церкви для содержания духовенства. Также они отказывались снимать шляпу перед кем бы то ни было – и это в сугубо иерархическом обществе в то время, не признавали почетные звания и титулы, не отделяли одежду рюшами и не носили украшений согласно сословному положению. За это многим Друзьям, подобно Джеймсу Нейлеру, пришлось заплатить дорогую цену тюремными приговорами, физическими страданиями, презрением, штрафами и насмешками. Прочитанное выше (глава 6 – оригинал) описание Люком Коком его опыта с Крестом Покаяния демонстрирует тот же опыт, что и у Мэри Пеннингтон, хотя они и находились на прямо противоположных концах социальной лестницы. Когда дети квакеров шли по улице, одетые в весьма заметные одежды, их забрасывали камнями. (*КВуП* 19.42). В 1664 году Присцилла Коттон сказала:

Друзья, Крест – это сила Господня. Когда вы бежите от Креста, вы теряете силу... И поскольку вы ждете в Свете, то начнете узнавать Крест в том, какое едите мясо, что пьете и во что одеты; и будете придерживаться Креста одни или в компании; и против чего в вас восстает чистый разум Господень, против того же восстает и Крест (*Piety Promoted*, 1706, стр. 10)

Друзья выбирают такие способы для того, чтобы сделать видимым то напряжение, которое существует между ценностями современного мира, в котором мы живем во времени, и ценностями мира вечного, в котором мы тоже обитаем. По мере того, как развивалось Общество, напряжение удавалось приуменьшить, отступая в «огражденный сад» квакерского сообщества, внутри которого простой язык и простая одежда были нормой. Сегодня на Британском Годовом Собрании мы все еще отмечаем влияние такого имиджа нашего квакерского общества, как четко отгороженной группы, внутри которой мы можем давать себе волю и вести себя как маленькие дети. Зачастую мы затрудняем вход к нам для других. К счастью, в настоящее время мы гораздо теснее «связаны» с

миром. Но все-таки, каким образом мы и по сей день ощущаем напряжение между ценностями мира современного и мира вечного?

Бог во всем сущем

Бывало, Друзья говорили, что Иисус умер потому, что жил в конфликте с ценностями своего мира. Способны ли мы усмотреть в этом что-нибудь еще? Размышляя об этом мы, современные люди, бесспорно можем кое-чему научиться и укрепиться в свидетельстве наших ценностей. Но понятие креста не сводимо к конфликту ценностей или к тому, чтобы смириться с насмешками, или к разработке дисциплины для нашей каждодневной жизни. Всеобъемлющее христианское понимание здесь гораздо шире.

Иисус был распят на местной мусорной свалке. «Крест» выражает, что Дух Господень входит в самые грязные и отвратительные варианты наших пороков, в самые нравственно омерзительные способы того, как мы можем жить и поступать друг с другом. Крест говорит, что Дух целиком и полностью здесь, принимает участие и претерпевает вместе с нами. Если наша духовность надежно опирается на сознание того, что вся жизнь абсолютно насыщена Духом, то значит Бог тоже здесь, страдающий и умирающий.

И если мы чувствуем себя несчастными, размышляя об опыте страдания, нашей реакцией становится попытка отрицать его ценность как действительного наличного опыта для тех, кто испытывает боль и муки. Иной раз мне приходилось слышать от Друзей, «если ты станешь квакером, то не будешь страдать. А если люди во всем мире станут квакерами, то и страдания больше не будет». Подобное заявление носит настолько преувеличенный характер, что мы, конечно же, такими словами свои надежды не выражаем, но, тем не менее, подобное отношение лежит в основе некоторых наших заявлений. Поскольку с некоторыми явлениями и событиями мы не можем справиться и не в состоянии смягчить их, но при этом чувство тревоги и дискомфорта остается, мы пытаемся отрицать (и мне доводилось слышать это) горестный опыт расизма, гомофобии, бедности, горя.

На страдания мы реагируем способами глубоко негативными: пнуть кошку, заставить мучиться других, причинить боль себе и окружающим – кому-то конкретно или в глобальных масштабах, но было бы гораздо продуктивнее, если бы мы подумали о более созидательных откликах, на которые мы способны. Здесь мне надлежит рассуждать смиренно и осторожно, ибо в своей жизни мне не доводилось испытывать частые страдания и потери. Я прошла через два периода депрессии, этот опыт носил явно негативный характер, но я не могу сказать, что это было время боли. Сталкиваясь с горестным опытом физического и духовного страдания, люди принимают его близко к сердцу и стараются осмыслить всеми возможными творческими средствами – через музыку и иные виды искусства: юмор, поэзию, философию, молитву, богослужение. Естественно, мы хотели бы убрать дурной опыт, но наряду с этим, нам нужно не просто вычеркнуть его, но признать его значимость и подтвердить его реальность. Он остается нашей частицей, частью напряжения нашей истории, частью существования чернокожего в Британии, или жизни гомосексуального сообщества. И именно из этого сырья рождаются блюзы, сообщество скорби, бесконечная работа в благотворительности, и радикальная трансформирующая энергия тех, кто выходит из тени общественного осуждения. В духовности некоторых конфессий страдание и сломленность превозносятся в божественной литургии и становятся животворящими. Где же Друзья провозглашают такую реальность?

Я обнаружила, что на самом деле я прошу помочь мне нести мой собственный маленький крест, или, точнее сказать, несколько разнообразных крошечных крестов в моей жизни:

мой собственный характер со своими сложностями, житейские мелочи, все дурное, что я сама делала. Не то, чтобы я желала уничтожить даже все воспоминания такого рода – ведь это часть моей жизни. Просто я бы хотела признания, я бы хотела почувствовать, что вероятно, я могу отдать свой маленький крест, и его возьмут и вознесут в космическое соучастие в боли всего мира.

Возможно, поскольку мы все такие разные, нам захочется подойти к рассмотрению креста и воскресения с разных точек зрения, и каждая из них будет основываться на том, что мир для всех нас такой многообразный и непохожий. И всем нам захочется спросить себя, по крайней мере, в нашем внутреннем молчании, говорит ли эта могущественная история что-то нам лично. Давайте начнем с самого Иисуса – люди использовали историю распятия и воскресения Иисуса для того, чтобы каким-то образом объединить свое понимание Бога и понимание боли всего мира. Поскольку мы имеем дело с болью, пороками и страданием, как на практическом, так и на философском уровнях, мы обязаны принимать их во внимание, думая о Боге, и тогда, подобно Джону Вулману, мы захотим выйти в мир, в котором мы живем, чтобы облегчить и излечить боль, страдания, жестокость, несправедливость и злодеяния. Весьма полезным может оказаться и попытка проверить есть ли истина за теми образами и концепциями, от которых мы в свое время отказались. И уж по крайней мере, наблюдая за процессом их развития, мы можем представить себе, как наши собственные идеи могут развиваться в будущем. В результате, мы можем обрести больше внутренних ресурсов, которые помогут нам в работе по наведению порядка.

Частично наша собственная квакерская проблема заключается в том, что современные Друзья вполне обоснованно отказались от упрощенного понимания значимости креста, будучи неудовлетворенными жестокостью, как самого образа, так и смыслами, ему придаваемыми. Но сверх того, имеется также и скрытая проблема нашего сегодняшнего квакерского мира и его недавней истории. Многие квакеры в других частях света, как и почти все британские квакеры девятнадцатого века, говоря о кресте, смерти Иисуса и воскресении, использовали язык, который мы сегодня называем евангелическим. Книги квакерских авторов, таких как американец Ричард Фостер и британская писательница девятнадцатого века Ханна Виттел-Смит хорошо продаются в книжных магазинах Великобритании – в тех самых, которые сомневаются, стоит ли выложить на прилавки *Квакерскую Веру и Практику*. Мы так и не примирились с собственным евангелическим квакерским прошлым, и многим из нас сложно совладать с тем фактом, что квакеры сейчас широко распространены по всему миру. Я подозреваю, однако, что некоторым британским квакерам нравится примыкать к другим церквам и всемирной семье Друзей только потому, что это дает нам право участвовать в таких формах богослужения и исследовать такие способы мышления, которые, вероятно не поддаются выражению. В рамках наших собственных собраний. По мере того, как мы продолжаем экуменический диалог, и квакеры расширяют совместную работу во всемирном масштабе, нам приходится учиться понимать слова друг друга о смерти Иисуса и воскресении.

Евангелические христиане называются так, потому что для них Евангелие (Gospel) означает «Хорошие новости» – *God-speill* на языке англо-саксов, *evangelion*, что означает «хорошее известие» (The Good Message) на греческом. Поэтому они постарались изложить содержание Евангелия как можно более доходчиво, безыскусно и просто, и начинают преподавать его как можно раньше в качестве вероучения, надежного основания для жизни и веры. Некоторые британские квакеры считают евангелический язык полезным, и Квакерская группа христианского возрождения на сегодняшний день представляет собой растущую, полную жизни часть квакерского сообщества Британии. Многие Друзья

выражают удовлетворение, говоря о тесной связи с Духом Иисуса в сердцах и о его каждодневном присутствии в их жизнях.

Одна из причин моего евангелического отношения к квакерству – и это как раз и является одной из тех самых Хороших новостей – заключается в том, что уделяем особое внимание тому факту, что человеческое мышление развивается и меняется, и духовный опыт гораздо важнее, нежели слова, в которые он облекается. Слова, которые так не нравятся нам у многих евангелических христиан, выражают их опыт: став взрослыми, они тщательно их обдумали и предпочли продолжать или же начали пользоваться ими. Что касается многих квакеров, то мы знаем – то, что было выучено в детстве, следует переоценить, переосмыслить, а затем либо отложить в сторону, либо принять как метафору.

Красноречие искусства

Попробуем рассмотреть некоторые из этих понятий через призму изобразительного искусства. Сталкиваясь с ужасами человеческих болезней и боли, примерами жестокого отношения людей друг к другу, многие, обращаясь к смерти Иисуса на кресте, создавали произведения искусства, выражая свое отношение к этому событию.

Не так давно я видела распятие, сделанное рядовым британской армии, несущим службу в Белфасте. Он сделал крест из куска колючей проволоки, взятой из Линии Мира [*линии ограждений, разделяющие католические и протестантские районы в Северной Ирландии, первые из которых были построены после массовых беспорядков 1969 года. На данный момент являются туристической достопримечательностью*, – прим. пер.] Иисус висит на кресте из колючей проволоки, его изуродованное лицо и стройное тело сделаны из самой обычной желтоватой туалетной бумаги, которую выдают всем солдатам. Кисти рук, выполненных из туалетной бумаги, сделаны из проволочных колючек, а волосы и набедренная повязка – из коричневой армейской мешковины. Это распятие отображает страдания Иисуса и его смерть, а сделано оно из материалов, являющихся частью повседневной жизни его создателя.

Значение внушающего ужас Изенгеймского алтаря (1515 год) работы Маттиаса Грюневальда, становится гораздо понятнее, если знать, откуда он. Алтарь был расписан для больницы, где лежали страдающие рожистым воспалением, тяжелым кожным заболеванием. Иисус показан умирающим в страданиях, кожа его покрыта язвами. Средоточием молитвы для пациентов этой больницы становился человек, о котором они думали, как о Сыне Божием, и который страдал точно так же как и они. Отто Дикс, немецкий художник, Профессор искусств в Дрезденской Академии, совершенно преднамеренно воспроизвел этот Алтарь, когда писал свой Военный Триптих в 1932 году, где он изобразил солдат, идущих в битву, последствия артиллерийского обстрела и взрывов снарядов, где среди руин валялись ноги и увенчанная колючей проволокой голова Грюневальдского Христа, и наконец, мрачное спасение одного раненого человека из груды трупов. Правда этой картины была столь болезненной, что даже спустя 14 лет после войны, которую многие хотели забыть, Дикса уволили и запретили ему выставлять свою работу (MacGregor, 2000)

Эти, и многие другие изображения Христа на кресте в живописи или музыке включают в себя опыты как художника, так и зрителя или слушателя. Созерцание разнообразных образов распятия углубляет мое понимание чувств людей, измученных неизбежной болезнью и войной.

Одним из способов проникнуть в эти тайны является молчаливое созерцание, и многие из нас именно его и предпочитают. Однако, поскольку мы люди и обладаем даром речи, то вот уже две тысячи лет мы пытаемся облечь рациональное описание последствий смерти Иисуса в слова и мыслеформы нашего конкретного времени. Попробуем рассмотреть некоторые из этих представлений, исследуем опыт, лежащий в их основе, и образность, через которую они выражаются, а затем проверим, воздействуют ли они на нас сегодня. Ни одно из них не претендовало на то, чтобы оказаться итоговым и окончательным высказыванием по поводу значения смерти Иисуса. И мы с готовностью можем выкинуть их из головы, если они не отвечают современным условиям, или если нам кажется, что концепция Бога в них настолько несовершенно, что в итоге оказывается бесполезной.

Средневековая поэма *Видение Распятия* рисует удивительно трогательную картину смерти Иисуса. Само Распятие выступает в роли рассказчика:

И вот узрел я Короля людей
Он смело поспешил и на меня взошел
Я не посмел его отринуть, иль склониться, иль сломаться.

...

Тогда Воин юный, Бог Всемогущий,
Одеянья скинув, неколебим и тверд,
Гордо на глазах у всех
Взошел на Крест, дабы искупить грехи людей.
Когда Герой меня обнял.
Я задрожал от страха,
Но не осмелился склониться до земли.
Стоять я должен крепко. Воздвигнутый как Крест,
Держал я Короля Верховного, Властителя Небес.
(Kennedy, 1963)

В раннем средневековье король любого народа должен был сам вести своих солдат в атаку и переносить тяжкие физические страдания. В терминах и мыслеформах этого периода, Иисус виделся как «Христос Победитель». Автор *Видения* подчеркивает, что Иисус лицо инициативное, поэтому все глаголы в активном залоге: «Одеянья скинув... взошел на Крест». Десять столетий спустя многие из нас выбирают в Евангелии те истории, в которых показаны покорность Иисуса, его терпеливое страдание, выдержку, с которой он переносит то, что делают с ним, например, отбирают у него одежду. *Видение* показывает мир, весьма отличный от тихого дома собраний в пригороде – хотя, пожалуй, несколько напоминает опыт центра города. Образность поэмы насыщена воинами и победами. Да и сейчас в некоторых церквях поют чудесные Пасхальные гимны об армиях со знаменами, схватках и славных победах. Но этот язык никак нельзя назвать естественным языком Друзей.

И все же как-то раз эта поэма, столь любимая мною на протяжении долгих лет, придала мне силу: в Доме Друзей мы урезали бюджеты и значительно сокращали штаты. Мне, как менеджеру, приходилось проводить в жизнь эти решения и, следовательно, объявлять некоторым сотрудникам, что они будут уволены. Как Распятие из поэмы, я была инструментом экзекуции. Я дрожала от ужаса, но мне было совершенно необходимо держаться стойко.

Несколько столетий спустя популярность обрела иная модель. Европейское общество прошло определенный путь развития от королей-воинов во главе воинственных племен к рыцарской феодальной системе, в рамках которой подчиненные члены общества, находившиеся в вассальной зависимости, были обязаны почитать сюзерена. Сквайр должен был работать на своего феодала и почитать его, а феодал, в свою очередь, точно также относился к королю. Если кто-то совершал проступок против сюзерена, то либо получал соответствующее наказание, либо мог дать «удовлетворение» в денежной форме, восстанавливая таким образом честь сюзерена.

В своей книге *Cur Deus Homo?* (Почему Бог стал Человеком?) Ансельм (1033-1109) развивал свое понимание последствий смерти Иисуса именно в этих терминах. Следуя его образности. Человек обесчестил Бога, своего сюзерена, своими порочными поступками. Человек не в состоянии предоставить необходимое удовлетворение, но Бог предоставил такое средство, послав своего Сына, который принял человеческий образ и, как человек, получил соответствующее наказание, умерев невинным. Таким образом, он восстановил честь Бога. Эта «теория удовлетворения» распространилась быстро и широко, поскольку использовала системы и мыслеформы того времени, в котором жил Ансельм. Нам с вами сегодня почти невозможно в этом во всем разобраться. Но было бы интересно посмотреть, может ли эта модель оказаться годной к употреблению в других социальных системах, где понятия «чести» и «сохранения лица» все еще значимы.

Если мы продвинемся еще на несколько столетий вперед, то увидим, что утвердилась не столь непосредственно личностная, а более централизованная правовая система. И на Бога смотрели уже через призму нового мышления – как на Бога безукоризненно справедливого, чей закон непреложен. Суд Божий считался неоспоримым, ниспосланным свыше. Такое правосудие требовало наказания на уровне суда небесного, точно так же, как правосудие приводит человека к наказанию в повседневной жизни. Все соглашались с тем, что такая логика справедлива и является необходимой защитой от хронической социальной и политической нестабильности. Вот почему теологи Реформации разработали теорию наказаний с тем, чтобы обеспечить эффективность смерти Иисуса. Поскольку верховенство права чрезвычайно важно, а наряду с этим присутствует ощущение, что человечество сбивается с пути истинного, кого-то следовало покарать. Иисус понес наказание вместо нас, и тем самым дал Господу возможность простить грехи и сохранить идеальность своего правосудия.

В наше время все эти теологические понятия могут кардинально отпугнуть многих Друзей и целиком и полностью утвердить в нашей традиционной неприязни к концепциям Бога и человека, отвергнутых нами давным-давно. С полным правом мы можем отвергнуть или отложить в сторону те внешние формы христианского учения, которые выражались в терминах исторических, социальных и философских идей прошлых веков, но тогда мы должны спросить себя: какие же аспекты современных мыслеформ и социальных установок мы, бездумно и не размышляя, используем в наших собственных моделях Бога и самих себя? Или как мы можем объяснить нехватку таких моделей?

Четвертая модель, описывающая, как смерть Иисуса может повлиять на наши сердца и умы, называется моральной теорией. Пьер Абеляр (1079-1142) ясно изложил суть дела, когда учил, что вид страдающей любви Господней, Иисуса, распятого себялюбием, гордостью и неправотой человеческой настоятельно взывает к нам: созерцая столь горестную картину, мы испытываем внутреннее примирение и перемены. В рамках нашей собственной квакерской традиции Джон Вильгельм Раунтри выразил это ощущение во время одной из немногих долгих дискуссий о Кресте, включенной в *Веру и практику*: «Видеть распятие... как вспышку в свет вечного факта, боль, которую мы причиняем его

сердцу своими проступками... Бог показывает вам его страдания» (*КВуП 26.49*). Заметьте, оба – и Раунтри и Абельяр – используют слова, описывающие зрительное восприятие: «Видеть распятие...»; «вид страдающей любви Господней», это слова о созерцании и зрительных образах. Нейл МакГрегор, в своей работе *Увидеть спасение*, увязал появление этой модели в средние века с современным развитием живописи и других видов изобразительного искусства. В историческом развитии христианской традиции, упоминается также наглядное представление рождения и смерти Иисуса Франциском Ассизским. В 1223 году в Греччо он впервые показал народу сцену Рождества Христова с настоящей колыбелью в настоящем хлеву, с настоящими животными. И он вместе со своими монахами демонстрировали реальность смирения и бедности как чисто визуально, так и тем, что они копировали образ жизни Иисуса. В нашем квакерском способе богослужения некоторым из нас внутренняя визуальная образность представляется полезной. Мы научились ценить кино и театр как метод представления истины и заново открыли для себя изобразительное искусство. Мы также призываем друг друга к тому, чтобы «дать нашим жизням возможность говорить».

Концепция Бога, лежащая в основе этой модели, более привлекательна, чем некоторые из ранее описанных нами: Бог, ставший человеком, сохранил лишь силу любви и силу страдания, просто взывая безмолвно, пока мы смотрим на него. Однако, при этом возрастает риск начисто выпустить из вида стойкость, силу и могущество Бога, а также тему сражения с грехом и победы.

Люди испытывают некое чувство освобождения от всего, что в прошлом могло их связывать и ограничивать. Они связывают это чувство освобождения со смертью Иисуса и интерпретируют этот опыт в мыслеформах своего собственного времени. Понимание этого способно освободить нас для того, чтобы нащупать тот источник, откуда идут их слова о смерти Иисуса, попытаться мысленно проникнуть в мировоззрение, отраженное в этих словах, поразмыслить над истиной, скрытой за и вокруг этих слов.

Каковы же наши современные образы, что из нашего собственного опыта мы могли бы использовать для того, чтобы выразить глубокий смысл того воздействия которое смерть Иисуса и его воскресение оказали на нас? Можем ли мы каким-то образом проникнуть в этот опыт и, в качестве наших «проездных документов», выработать собственные модели, заранее принимая их ограничения? Есть ли у нас, что сказать остальным последователям христианской традиции? Мы должны увериться в том, что концепция Бога, лежащая в основе нашей модели, достаточно важна, и что мы принимаем во внимание размах и глубину всемирного страдания и боли.

Значение Иисуса

Какую важность придавал Иисус собственной смерти? Возможно ли каким-то образом восстановить, что он говорил о ней и задать наш вопрос «Какой опыт лежит за этими словами? Он, безусловно, ожидал, что умрет каким-то образом, хотя скорее мог ожидать еврейской казни побивания камнями, а не римского распятия. Следует заметить, что часто, говоря о своей смерти до того, как это случилось, Иисус, по всей видимости, не упоминал о том, какое значение она может иметь, он всего лишь утверждал, что она неизбежна: «Сын человеческий должен страдать». Но, согласно записям Евангелия, он использовал три образа для того, чтобы подчеркнуть значение его собственной смерти и продолжающейся жизни: прорастающее семя, рождение ребенка и совместная трапеза. Все три привлекают внимание к теме сотворения и воссоздания. Они указывают скорее вперед, нежели назад, означают скорее обновление, нежели уничтожение.

Когда пришли Еллины и сказали «нам хочется видеть Иисуса» он говорил с ними языком и метафорами греческих природных и таинственных религий. «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (От Иоанна 12:20-25). Живое семя, чтобы принять участие в цикле сотворения, должно измениться, потерять свою природу и бурно прорасти мощью своей внутренней жизни. Если же оно будет цепляться за свою плоть, за внешнюю оболочку, его потенциал будет потерян.

«Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ее; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир» (От Иоанна 16:21). За этим образом тоже кроется цикл творения и тяжелой работы по порождению жизни изнутри. Иисус не отрицает, что при рождении ребенка роженица испытывает страдания, пусть даже он сам этого и не пережил. Но он говорит об этом, как об исключительно созидательном акте. Незадолго до смерти Иисус говорил со своими друзьями и дал им толкование их обычных совместных трапез, которые должны будут помочь им думать о нем после того, как он уйдет (От Луки 22:19-20). Члены Общины Иисуса продолжали есть и пить вместе и придумали множество разнообразных способов для этого, способов и практик, которые и по сей день совершенствуются и меняются по мере того, как люди обнаруживают в них новые смыслы. Многие посетители церкви на протяжении многих веков обнаружили, что участие в Таинстве Причастия помогает им размышлять и смерти Иисуса и воскрешении и глубже понимать их. Если наше мышление основывается на опыте, мы не можем отвергать этот аккумулированный опыт. Он стоит того, чтобы хотя бы попытаться глубже понять его, даже если мы выбираем для себя иной путь. Нет одного-единственного правильного подхода к пониманию этой трапезы, точно так же, как нет только одного верного варианта постановки Гамлета – мы можем бесконечно искать все новые и новые интерпретации, при этом все лучше понимая пьесу. Я ценю причастие, потому что в нем преломление приносится в молитву, мы превозносим его, мы утверждаем, что оно способно быть животворящим, и мы участвуем в этом. Но каждый разделяющий эту трапезу понимает ее по-своему. И Дух может быть во всех них. Квакерским элементом этой традиции является наше утверждение, что каждая трапеза может послужить способом свидетельствовать об изменяющейся и созидательной жизни.

В этих трех образах Иисус видел смысл своего страдания и смерти. Он не хотел этого, он любил жизнь, и в молитве, оставшейся без ответа, он просил оставить ему жизнь. Но, подобно ранним Друзьям, он жил по глубинным принципам правды Божией, и столкновение было неизбежным. Конечно, он знал, чего ожидать. Когда ему было лет десять, римляне подавили восстание в Галилее и Иудее и в качестве устрашения распяли три тысячи евреев вдоль дорог страны. Вероятно, Иисус видел их, и этот мрачный опыт, возможно, стал частью его размышлений о путях Господних.

Когда в 1994 году мы перерабатывали *Квакерскую Веру и Практику*, многие квакеры выражали озабоченность тем, что в книге не уделялось должного внимания воскрешению Иисуса из мертвых. Однако когда позже мы вернулись к обсуждению этого вопроса, Джо Фарроу здраво заметил: «Воскрешение замолчать невозможно! Эта тема неизбежно всплывает снова и снова – такова уж ее природа!» По мере того, как жизнь Иисуса с его учениками продолжалась в новой форме, через все истории красной нитью проходило упоминание о том, что его присутствие не было очевидным: он был жив, но он стал иным. Они не могли осознавать его точно так, как раньше. Дар новой жизни это создание заново, а не простая реанимация. Это есть настоящее и будущее роста и обновления, а не вечная консервация. Это возрождение и прыжок в развитии, после предательства, потери и уничтожения.

Возвращаясь к нашему метафорическому компосту, скажем так: куча компоста темна темнотой субботы после Страстной Пятницы перед Пасхальным Воскресеньем. Компосту требуется время, чтобы созреть, но в нем таится живой потенциал. «Там, в самой глубине живет самая сокровенная свежесть» (Gerard Manley Hopkins, “God’s Grandeur”). Взрывная мощь новой жизни способна дать и вспышку негатива. Друзья Иисуса обнаружили, что он все еще был живой и мощной силой в их жизнях, и присутствие Духа Иисуса среди нас и по сей день является значимым элементом квакерской традиции. Хотя мы прибегаем к образности и метафоричности, чтобы понять его значение, смерть и возвращение к жизни Иисуса отнюдь не является просто метафорой. Говоря словами Д.Р.Р. Толкиена и К.С. Льюиса это «правдивый миф» (Lewis, 2000, 976F), входящий частичкой своей в целостность природы самого мироздания, Господа, который есть суть мироздания, и Духа, почвой и источником которого являются милосердие и всепрощение Господне.

10. Квакерская патология

Из-за порока сладость нам горька –
Прогнивший цвет не лучше сорняка.

Вильям Шекспир, Сонет 94,
(перевод Р. Бадыгова)

Глядя на другие христианские церкви, несложно заметить их недостатки, и уж совсем заманчиво с лёгкостью пренебречь всей традицией в целом. Куда труднее заметить, что же идет не так в нашей квакерской жизни. И еще сложнее, уже ощутив запах гнили, не бросить расследование на полпути и проследить болезнь до самых истоков.

И все-таки мы должны задать вопрос: есть ли недостатки в квакерских добродетелях? Как уберечь их, как сделать так, чтобы они не испортились? И где взять нужное лекарство, способное вылечить нас, когда что-то уже загноилось и пошло патологически не так? Мы надеемся, что наше молчаливое служение и наша преданность к поиску истины развивают в нас определенную ясность видения. Когда мы обращаем свет этой ясности на Британское Годовое собрание, на жизни наших собственных собраний и на наши собственные внутренние жизни, мы замечаем некие беспокоящие факты. Они выявляют добротные надежные квакерские добродетели, обретшие явные изъяны, они демонстрируют нам установки и мнения, появление которых было обусловлено вполне разумными причинами, но с течением времени они стали непреложными, не подлежащими проверке и бесполезными.

В процессе рассмотрения некоторых таких условий, нам могут помочь мысли и взгляды не-квакеров, способных видеть нас объективно. Те люди, кто пришли к нам, чтобы больше узнать о квакерах, и обнаружили, что мы им не подходим, часто способны сделать кое-какие и интересные замечания, точно также и новые квакеры из наших местных собраний и сотрудники нашего Дома Друзей, которые квакерами не являются. Взгляд их не затуманен непредвзятыми мнениями, они видят происходящее отчетливее, хотя обычно они слишком вежливы, чтобы выразить свои ощущения словами, любезно ограждая нас от правды.

Проблемы проявляются в трех основных сферах – в жизни наших местных собраний, нашей общенациональной жизни как единого Общества, и в наших личных внутренних жизнях. Далее я представлю вам скорее ряд раздумий, а не попытку анализа – просто

сборник рассказов о случаях из моего личного опыта, что может послужить вам пищей для раздумий на досуге и в удобном для вас формате.

Отношения между нами в жизни собрания

«Я знаю, что квакеры никогда никого не благодарят», довольно печальным голосом сказал один их многолетних участников, «но я питаю такие теплые чувства ко всем членам этого собрания уже в течение лет двадцати, а мне кажется, что этого никто никогда не замечает, а если даже и замечает, то принимает как должное».

Миф о том, что квакеры никогда не говорят спасибо, проистекает из нашей неприязни к цветистым и напыщенным выражениям благодарности, ставшим рутинными в некоторых сообществах. Таким образом, само отсутствие благодарности превратилось в квакерскую рутину, и, подобно нашей приверженности к простому языку, эта рутина может послужить оправданием бесцеремонной грубости. Этот обычай уходит своими корнями в нашу убежденность в том, что служение, выполненное для собрания, для Общества или для отдельного человека, делается не для того, чтобы заработать благодарность, а из неподдельного чувства служения, а еще и потому, что, как всем нам известно, процветание нашей общины достигает высшей точки, когда все мы совместными усилиями участвуем в решении задач, поддерживающих ее в рабочем состоянии. Но было бы грустно осознавать, что из-за отсутствия привычки благодарить автоматически или преувеличенно, мы утратили чувство благодарности и способности сказать кому-то, что мы ценим сделанное.

По поводу квакерской культуры в Британии существует некая английская сдержанность. По-видимому, мы до сих пор сохранили последние остатки стоического исключения эмоций, что наложило свой отпечаток на определенный тип воспитания. Является ли эта особенность чисто английской, или же в культуре Друзей она носит печать кельтского происхождения? Каковы бы ни были истоки подобного отношения, стоит внимательно посмотреть, действительно ли оно исходит из сугубо квакерского образа мышления, или все же является частью нашего раннего воспитания и места в истории.

Молчание для многих не является опытом положительным. Для большинства молчать означает застыть на месте, лишиться одобрения, отказать в положительной оценке. Всем, кто каким-то образом связан с исполнительскими видами искусства, хорошо знакомо то глубокое, благодарное молчание в конце пьесы или песни, показывающее, что публика взволнована - но в этой ситуации мы хорошо поработали над тем, чтобы установить определенные отношения между нами, между аудиторией и артистами, мы чутко вслушиваемся в потоки чувств, и за молчанием следуют аплодисменты. В отличие от этого, завершение финансовой отчетности месячного собрания – тяжелая работа, делать которую лучше в одиночестве, ее едва ли замечают, и еще меньше шансов на то, что Друзья, чьи заявки были так исправно выполнены, выкажут свое одобрение и поаплодируют.

Если нам удастся действительно разглядеть других людей, увидеть в них частицу Бога, то это способно привести нас к благосклонной и миролюбивой положительной оценке их благости во всей полноте, а также всех их больших и малых дел, совершенных ими. И тогда мы сможем верно определить подходящий момент, для претворения этих чувств в слова или действия.

«После первых нескольких недель, в течение которых меня очень тепло приветствовали, я обнаружил, что прихожу ли я на Собрание или ухожу – меня вообще никто здесь не замечает? Они все так заняты, разговаривая друг с другом», сказал кто-то после нескольких месяцев регулярного посещения наших Собраний. Ритуалы других церквей и вероисповеданий, от которых мы отказались, по крайней мере, воплощают некий личный взаимообмен, придающий значимость отдельно взятому робеющему прихожанину – проводится сбор денег, священник встречает всех при входе, каждому дается причастие и благословение.

Если мы на своем собрании действительно ценим каждого, то мы и замечаем каждого. И в самом деле, смотрим ли мы друг другу в лицо, видим ли мы друг друга? Служба приветствия, исполняемая Другом, стоящим у двери, имеет жизненно важное значение для духа богослужения. Так много проблем в жизни собрания можно предотвратить или преодолеть посредством доброжелательного и вдумчивого контроля. Благодаря усилиям группы Наблюдателей, которые по-настоящему замечают людей, работают осмотрительно, набожно и уважительно, община собрания получает прочную основу для веселья и работы, для общения и учебы.

Когда мы, квакеры становимся чересчур серьёзными или слишком занятыми, мы рискуем приобрести бесплодность духа, отравляющую всякое удовольствие. Мы можем совсем не пить, ну или, по крайней мере, редко напиваться, мы не переедаем. Как-то раз я организовывала квакерскую конференцию и ее раскритиковали за то, что питание было слишком хорошим. А в другой раз один из участников пробормотал «Мое месячное собрание платит за меня не для того, чтобы я ездил на такие мероприятия развлекаться».

Частично духовный голод нашего времени это как раз голод по простой дружбе, по радости жизни, по товарищам, думающим так же, как и мы, как в делах обыденных, так и в вопросах вечных. Шеффилдские Друзья в течение многих лет ежемесячно встречались в КОВЛ, Квакерском Объединении для Веселья и Легкомыслия. На встречах организуются вечеринки, выезды на выходные, прогулки, концерты и трапезы. В подобных действиях мы создаем и воссоздаем наши общины и нас самих. Назревшая потребность была частично удовлетворена, когда мы создали Квакерские Гобелены. Получилось действительно нечто красивое, работали мы над этим произведением все вместе, результат, безусловно, стоил затраченного времени и усилий, и к тому же, процесс не был безумно скучным. Друзья по всей стране, те, кто сами могли творить красоту, любовно и заботливо, используя собственные разнообразные умения, разделили наш успех.

Обычное дружелюбие – составная часть нашей пропаганды. «Подружись с кем-нибудь, и приобретешь Друга» – говаривал опытный сотрудник Национальной Службы. Но общей темой всех трех приведенных примеров является оценка каждого отдельного человека за то, что он собой представляет. И необходимость показывать, что мы его ценим. И наши местные собрания как раз и есть те места, где такое отношение проверяется еженедельно. Одним из невысказанных вопросов, таящихся в сердце каждого, кто пытается отыскать для себя подходящую религиозную группу, является следующий: «Живут ли эти люди согласно тем принципам, которые они проповедают?»

Следовательно, для людей, входящих на собрание, очень важно сразу попасть в реальную и подобающим образом дружелюбную группу, независимо от того, встречаемся ли мы для драматических чтений, для празднования детских дней рождений, совместной

работы в саду собрания, каких-то социальных акций, свидетельства мира, или просто забегаем друг к другу на чашечку чая, не говоря уже об участии в работе всех наших бесчисленных комитетов. Но мы знаем, что наши общие основные принципы гораздо глубже, нежели вышепоименованные. Член Комитета по назначениям обратился к Другу постарше, недавно вышедшему на пенсию, с предложением поработать в местном квакерском комитете. «Мы подумали, что тебе это может показаться интересным, именно сейчас, когда у тебя появилось свободное время». Друг ответил: «Квакерство – моя религия, а не хобби».

«Я квакер, в случае крайней необходимости, пожалуйста, молчите». Да, но... действительно ли молчание является единственно возможным вариантом? Для многих из нас это безопасное бездействие, таким образом, мы упускаем массу шансов оказать реальную помощь.

Поскольку молчание так важно для нас, слова, которым мы позволяем пробиться наружу, приобретают еще большее значение. Не слишком ли мы полагаемся на вербальное выражение истины в ущерб истине, выраженной в музыке, танце, движении или действии?

Жизнь Общества

Работа в Доме Друзей иной раз повергала в ярость, но обычно служила очаровательным примером того, как оживленная динамичная группа, борется за то, чтобы соотнести свой опыт и ценности своей исполненной Духа, верующей группы с необходимостью оставаться профессиональной, должным образом функционирующей организацией, действующей в британском обществе, в нашем столетии. Как-то раз Собрание Помощи Страждущим столкнулось с проблемами, пытаюсь определить свои цели и задачи на следующий год. И один Друг предложил: «А может, нам попросту вернуться и попросту пообсуждать проблему в Свете подольше?» Все сочувственно посмеялись, но в то же время, все мы знали, что Свет действительно ведет нас к большей ясности.

Мы провели годы, десятилетия, стараясь довести нашу организацию и наши методы до совершенства, и, что вполне естественно, мы высоко ценим нашу общину и институты, созданные нами. Но в этом и состоит слабость любого отдельно взятого религиозного института, какими бы любящими и святыми не были те люди, которые стараются поддерживать его деятельность. Корпоративная организация становится самоцелью.

Франсис Хаугилл предупреждал нас: «Если вы построите на чем-то или доверитесь чему-то временному, находящемуся по эту сторону вечности и Существа существ, ваше основание будет сметено прочь» (*КВиП* 26.71). Если наши годовые собрания построены на чем угодно кроме Бога, и если мы ищем защиту и безопасность в чем угодно помимо нашей совместной внутренней встречи с Богом, мы будем сметены прочь.

Способны ли мы взглянуть на все наши комитеты, структуры, организации, финансовые отчеты, попечительские советы, дома собраний и годовые собрания как на нечто временное, вторичное, важное – но не настолько? Вместилища – да, трубопроводы – да, но сами по себе – не брызжущий и обильно струящийся Дух? Любовь Бога изливается на нас день за днем как колоссальный водопад, а мы стоим под ним с маленькими ведерками, и надписываем их и предлагаем друг другу. Чтобы функционировать как

группа, нам необходимо строить и содержаться трубопроводы – организацию. Но мы должны также уважать и лелеять внутренние источники жизни, стараясь высвободить их друг в друге, а не пытаться остановить поток.

Однажды издатель журнала *The Friend* спросила меня, что я делаю с черновиками. Когда я ответила, что использую повторно, она сказала: «Слава Богу! А то многие скрупулезно берегут каждый листочек, а потом, когда переезжают, пишут мне и предлагают забрать все». Дорожить каждым клочком квакерского печатного текста не удивительно для членов группы, каждое воскресенье усаживающихся вокруг стола в центре нашего молельного пространства, и на этом столе лежат книги. Но все, что мы делаем, необходимо подвергнуть пересмотру в Свете. Требуется ли наше преданное ученичество у Духа живого, чтобы мы придерживались возлюбленной традиции, или же пора найти для нее лучшее применение, отправив на кучу компоста? Или, говоря другими словами, являемся ли мы адептами печатного слова или кирпичей дома собраний, или структуры центрального комитета?

Вот тут возникает проблема для каждой группы квакерских попечителей, как на местном, так и на общенациональном уровне. Их работа как попечителей состоит в том, чтобы защищать свою организацию, свести к минимуму риск для корпорации, гарантировать соблюдение законов. Из этого следует, что попечители вступают в конфликт с теми, кто открыт Духу, кто хочет, чтобы группа рисковала, кто опирается на нашу историю, полную примеров страстного вовлечения в политику и борьбы с социальными пороками. И снова нам следует научиться воспринимать друг друга как разные органы тела с различными функциями. Ключом к пониманию становится признание напряжения и умения жить, принимая разницу между многообразными водительствами.

Весьма ободряет тот факт, что, когда Собрание Помощи Страждущим со своим комитетом и сотрудниками начали предусмотренную законодательством работу по оценке рисков квакерской организации, мы включили тщательную оценку рисков нашей организации в случае, если мы не будем следовать водительствам Духа. Такая постановка вопроса признавала возникновение напряжения в ходе работы по управлению организацией, чья ясно выраженная задача заключается в том, чтобы обрести волю Божию и выполнить ее, но чья имплицитная задача зачастую может быть выражена следующими словами: «Пусть все здесь работает точно так же, как всегда».

Почему нам кажется, что рост для нас – рискованное предприятие? На самом деле, многие из тех, кто приходят к нам и интересуются нами, стремятся обрести сосредоточенность на Боге. Новый член, пришедший через «Квакерский квест», писал: «Многое у Друзей вызывает у меня интерес ... Но главное – это попытка поставить Бога прежде всего остального; признание того, «что Бог в каждом из нас» и приближение к Богу; все внимание уделяется тому, чтобы услышать Бога и различить Божью волю, и честность, подлинность, дисциплина, доверие и в то же время гибкость, сопричастная молчаливому служению Господу» (Quaker Quest News, Autumn2005).

Мориса Криси, Заведующего отделом исследований в Вудброке с 1953 по 1977 год, пригласили прочитать Свортморскую лекцию в 1969 году. В свою книгу и в лекцию он вложил все плоды сорокалетних исследований, размышлений, молитвы и служения. Он рассказывал группе Друзей, что местное собрание пригласило его провести вечер, посвященный обсуждению его книги. Клерк открыл заседание следующими словами: «Ну

что ж, Морис, ни у кого из нас не было времени прочитать твою книгу, так может быть, ты нам за пять минут вкратце расскажешь, о чем там идет речь, и мы ее обсудим».

Можем ли мы всерьез и реально оценить время, необходимое для изучения и обдумывания? Ведь мы Общество без местных священнослужителей-учителей на зарплате, мы полагаемся только на себя самих и друг на друга, когда читаем, думаем и говорим о «предметах вечных». Давайте, по крайней мере, обрисуем идеал, который можем представить друг другу. Джон Уисли организовал библиотеки для своих путешествующих проповедников в Бристоле и в Лондоне. В кабинете методистского священника сегодня 30 ярдов книжных полок. В наши дни даже англиканские священники ухитряются читать в краткие промежутки времени, которые выдаются у них между метаниями из одного комитета в другой. Много лет тому назад один епископ заметил: «Я всегда могу сказать, когда мои священники перестают читать. Если это католик, он становится приверженцем обрядности, если евангелист – то фанатиком». Кем же становится квакер, если его ум остается не у дел? Спасибо тебе, Господи, за Вудброк.

Может быть, для нас, как для группы, способом решения проблемы может быть не столько уединенные занятия или чтение отдельных пастырских наставлений, сколько наши коллективные дискуссии и совместное развитие на наших местных собраниях? Помимо всего прочего, разным типам квакеров требуются разные знания – но учиться вместе гораздо веселее. Так мы можем встретиться с неведомым. И всем нам нужно продолжать учиться.

Генеральный Синод Англиканской Церкви встретился в 1992 году, чтобы снова обсудить, могут ли женщины быть священниками. Ранее Синод пришел к согласию, что такое важное решение требует большинства в две трети, что и было принято большинством в два голоса. Когда итоги голосования были подсчитаны, и зов Духа к такому большому числу женщин был, наконец принят во внимание, как событие, стоящее того, чтобы его испытали на практике, толпы, ждущие снаружи, разразились аплодисментами, раздались песнопения. В Вудброке состоялась стихийная вечеринка. Повсюду квакеры приветствовали решение как важный шаг вперед, как для женщин вообще, так и к новой церкви. Мы были убеждены, что решение было справедливо. Но квакеры не стали бы принимать такое ответственное решение при таком большом количестве возражающих против него.

Значит ли это, что для квакеров единство важнее истины? Не путаем ли мы единство с единообразием, и тем самым упускаем истину? И поскольку мы так беспокоимся о единстве нашей организации, то вероятно, мы стараемся подавить и в себе и в других голоса, призывающие к новому, не слышать тех, кто видит возможности для изменения и развития? Неужели квакерская заповедь звучит как «не раскачивай лодку»?

Роуэн Вильямс, у которого были свои проблемы по работе, когда он старался соединить правду и единство, сказал: «На меня возложили ответственность за заботу о Церкви в целом... Люди способны учиться друг у друга. А это свойство приобретает важное значение, если мы пытаемся давать оценку и возвращать единство, но не как альтернативу истине, а как один из способов впитывать эту истину» (интервью газете «Гардиан», 21 марта 2006).

Когда мы обсуждаем вклад Друзей в Церковь в широком смысле слова, мы иногда говорим, что в интересах прочих церквей мы храним два сокровища – нашу практику

молчания и наш деловой метод. Часто эти мысли доходят до других людей в примерно следующем виде: «Мы владеем молчанием; мы знаем все о том, как использовать его в богослужении и наш способ Самый Лучший», и еще: «Мы ценим наш деловой метод настолько высоко, что хотим и вам его навязать».

Когда женщина с алавастровым сосудом мира хотела отдать Иисусу нечто драгоценное, она разбила сосуд и возлила миро ему на голову (От Марка 14:3-9). Следовательно, сосуда, как такового, более не существовало – он был разбит. Однако сокровище, содержащееся в нем, было использовано по назначению, как излияние любви. Если любовь просит, нам может понадобиться разрушить внешние формы наших сокровищ и позволить им вытечь наружу, к другим людям.

Когда в конце 60-х на церкви обрушился харизматизм, мы могли так много дать этому движению из нашего опыта и понимания жизни с Духом. Некоторые отдельные Друзья внесли свой вклад, но, как организация, мы остались в стороне и упустили эту возможность.

Наши собственные внутренние жизни

Как-то раз после заседания комитета я сидела в уголке деревенского паба с другим членом, квакером с большим стажем. Я очень уважала и ценила ее, но несколько недоумевала, почему именно она, такая артистичная натура, умеющая и любящая работать со словом, оказалась в этом конкретном комитете, занимающимся, что называется, «крышами и сточными трубами», где мне трудно было оценить ее вклад. Мне показалось, что время и место были вполне подходящими, чтобы спросить ее об этом. «Ну, меня так воспитали, что я привыкла думать, что, если меня о чем-то просят, то нужно доверять проницательности просящих. Меня попросили поработать в этом комитете. Я и в самом деле не особо понимала, чем я смогу быть полезной, но подумала, что лучше будет согласиться». Любящая и смиренная, она не доверяла собственному разуму, шептавшему ей, что это не тот комитет, где ее служение может оказаться действительно полезным. Я ощутила за всеми ее словами подспудное чувство, что «Общество знает лучше меня». Может быть, ее неуверенность в себе, ее знание того, что, как художник, она была сомнительным квакером, привели к тому, что приглашение поработать показалось ей печатью, удостоверяющей одобрение?

Я была опечалена тем, что она доверяла мудрости других больше, чем самой себе, а в основе всего лежал тот факт, что она не видела собственных достоинств и достоинств тех талантов, которые могла бы предложить в какой-то другой области. Может, мы слишком смиренны, слишком доверчивы и слишком ленивы для того, чтобы во весь голос задать свои вопросы?

«Мы обеспокоены тем, что одна из членов нашего собрания служит в высшей степени беспомощно».

«Старейшины обсуждали это?»

«Она и есть старейшина».

Конец дискуссии.

«Пожалуйста, ответственные за работу с детьми в Обществе, проследите за тем, чтобы перед детьми наших собраний не упоминалось ничего, связанного с войной» – запрос к Квакерской Национальной Службе.

«Мы не можем отбросить эту часть работы – это его служение, он так огорчится».

Квакерское богослужение в составе группы открывает наши души, как ничто другое. Ранние Друзья называли это «умягчение» - мы смягчаемся по отношению к другим, но и сами становимся нежнее, ранимее, мы открываемся для воздействий извне и для Духа, мы открыты для собственных внутренних ран из прошлого. Таким образом, исполненное любви квакерское собрание – или место работы – может быть такой общиной, где интеллектуальные и духовные раны каждого находят исцеление, потому что людей там ценят, обращаются с ними с уважением и прямой чистосердечностью. Но излечение не является единственной целью молитвы, собрания или рабочего места. Это побочный эффект, попутный продукт обычной жизни здорового сообщества. Точно также, чудеса Иисуса были провозвестниками Царствия Небесного, но они отнюдь не являлись основной целью этого Царствия. Собрание не является, прежде всего, терапевтической общиной. Это хлеб насущный, а не лекарство.

Мы все ценим исцеление, умягчение. Но полное исцеление возможно только тогда, когда мы уже подлечились настолько, что можем оставить наши болезни, наши раны позади. Сделать это достаточно трудно, особенно в ситуации, когда наличие раны гарантирует нам некое преференциально умягченное отношение, дополнительную предупредительность, создание определённого идеализированного образа самого себя в группе. Некоторые собрания подвергаются манипуляциям со стороны какого-то одного Друга, которого невозможно осадить, потому что им самим было бы очень больно, если бы с ними поступили таким образом. И получается, что собрание, как семья, вырабатывает определённые стратегии и пути, чтобы обойти данный вопрос, уйти от решения конкретной проблемы. Если Друг сознательно, или полусознательно использует свою ранимость для того, чтобы влиять на определенные аспекты жизни собрания, то он начинает шантажировать общину, добиваясь подчинения. В книге американских Друзей, которая первоначально называлась *Раненое собрание*, как раз и описывались различные ситуации, в которых подобные события имели место, причем некоторые из них иначе как возмутительными и назвать нельзя. Книга (сейчас она называется *Как справиться с трудным поведением на собраниях для богослужения*) предлагает некоторые способы решения проблемы.

В Британском Годовом Собрании за последние несколько лет мы гораздо яснее стали отдавать себе отчет о наличии такой тенденции и научились строже относиться друг к другу. Лекарством от гипер-мягкости является крепкая структура сообщества, хороший контроль и общее для всех чувство юмора. При наличии этих условий, исцеляющийся Друг обретает способность расценивать происходящее в свете его действительной важности, приносить свои собственные позитивные и добрые дарования, и может развиваться по направлению к изобильной жизни, а не пребывать в состоянии негативности.

Как нам излечить такие патологические состояния? Хильда Кларк, врач, писала: «Одну вещь я понимаю теперь – то, что сам по себе человеческий интеллект не излечивает, и что величайшее служение, которое он способен исполнить – открыть окно для того, что мы называем божественным духом. Доверять только интеллекту – все равно, что доверять искусственной системе вентиляции – правильно в теории, но душновато на практике. Как бы мне хотелось, чтобы распахнуть все для духа Бога было так же легко, как открыть окно для свежего воздуха» (*КВиП 26.07*).

Наше Общество представляет собой самую обычную, типичную общину, и мы хорошо функционируем, если придерживаемся основных принципов хорошей групповой гигиены, будучи группой открытой и уважаемой. Но все же это нельзя назвать просто обычным групповым процессом. К Хильде Кларк понимание пришло через боль, что, в свою очередь возвращает нас к опыту креста. Существует огромная разница между таким типом открытости Духу и мыслительным процессом исключительно посредством интеллекта.

Слова Джейни О'Ши, сказанные ею на Австралийском Годовом Собрании в 1993 году, остаются по-прежнему справедливыми:

Возрождение Общества ждет выбора от каждого Друга: Желая ли я рискнуть и допустить будоражащее, преображающее присутствие Духа в собственной жизни? Подчиняться ему? Ожидать «Креста» и темных дней по мере того, как я буду открывать для себя, кто я есть перед Богом, и лелеять истинную свою натуру? Когда мы выбираем жить духовной жизнью, следуя квакерскому пути, то приверженцами именно такого опыта мы и становимся, в какие слова мы бы ни пытались его облечь... Если наша коллективная духовная мощь наберет силу, то тогда она заразит других Друзей и новичков. Возрастет опора служения на Дух, и отдельные люди будут вдохновляться Духом на служение нашим собраниям в качестве пестователей новообращенных, пророков и хранителей.
О'Ши, 2003

Этого ли мы хотим? Будем же осторожны в своих молитвах, они могут исполниться.

11. Что помогает мне?

И конец слов в том, чтобы привести человека в знание вещей за пределами всего, что могут выразить слова.
Пенингтон, (*КВuII 27.27*)

Каждодневная практика

Итак. Что делаю я? Что помогает мне?

На каждом жизненном этапе мы сталкиваемся с особыми для данной стадии задачами – и с особыми возможностями для развития нашего понимания Бога. Что можно сказать об этом ужасно хлопотном периоде, когда маленькие дети занимают буквально каждую минуту нашего времени? У нас было четверо детей с разницей в два года, так что первые несколько лет были чрезвычайно заняты. И как я обнаружила, на этой стадии самым важным было видеть Бога именно в этой занятости, в заботах и деятельности, а не в борьбе за то, чтобы найти место для Бога вне этих забот. Следуй ритму своей жизни, такой, как она есть. Работай с тем, что есть у тебя, а не с тем, что хотелось бы иметь. Учись и размышляй над уроками, которые преподает тебе твой собственный опыт касательно всеобъемлющего присутствия Бога в мире. Так много людей пишут о Божественном попечении просто потому, что они его получают. Родители маленьких детей понимают, что такое бескорыстная Божественная забота, изливающаяся бесконечно и беспрекословно.

По мере того как подрастают дети, мы также понимаем страстное желание Господа, чтобы мы росли, развивались и становились самостоятельными личностями, по тому что именно этого мы хотим для наших детей. Чем дольше я занималась руководством рабочей группы, тем лучше я понимала разницу между ней и семейной группой: цель офисной команды в том, чтобы быть в нужном месте и фокусировать общие усилия на общей цели, тогда как цель семейной группы заключается в том, чтобы каждый ее член обрел свою собственную, отдельную цель в жизни и оставил группу – и Бог тоже хочет этого для нас. Говорят, что юный Роналд Нокс, сын евангелического епископа Манчестера, записал в своем дневнике: «У меня должна быть своя религия, и она должна быть отлична от религии моего отца». Должно быть, то же самое испытывал Джордж Фокс по отношению к своему отцу, «праведному Святоше», церковному старосте? Наши дети, часть поколения бумеранга, сначала уходят, потом возвращаются, и, наконец, уходят снова, физически и духовно.

Итак, я научилась ставить перед собой цель стремиться к независимости каждого ребенка и использовать каждодневные домашние дела – стирка, мытье полов - как время молитвы. Оказалось, что, когда я развешиваю белье рано утром, это очень хорошее время для того, чтобы «поднять глаза к холмам» – особенно пока мы жили недалеко от Дартмура. Во время готовки для семьи и для гостей особенно хорошо думалось о той священной трапезе, которую мы разделим, и о ситуации каждого человека, сидящего за столом. Муж и жена лелеют друг друга, и их любовь несет теплый спелый плод в исполненную любви, счастья и радушия атмосферу в доме. Первое послание от Иоанна просто констатирует опыт многих пар гомо- и гетеросексуальных: «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем». (1-е Иоанна, глава 4:16). Преодолевать все это мне помогали дружба, взаимопомощь других матерей, пребывавших в той же самой ситуации, иногда меня отрывали от пеленок бабушки и дедушки, время от времени забиравшие детей. Как же я могла поделиться своей практикой? Да никак. Мы с Питером трудились скорее бок о бок, а не вместе. Мы пытались выкраивать спокойное время, чтобы провести его вместе, но из этого ничего не получалось. Существует прелестное описание ранних лет семейной жизни квакерской пары Гвен и Кордера Кэтчпул: «дважды в день, держась за руки, они искали Божьего водительства в молитвенном молчании» (Hughes, 1964). Некоторые Друзья способны на это – мы же были иной парой. Но тот факт, что мы, каждый по отдельности, среди прочих будничных дел, находим время для чтения и молитвы, помогает нам обоим, и время от времени мы говорим об этом так же, как и о других аспектах нашей совместной жизни. Мы стараемся хранить полную конфиденциальность касательно тех, кто приходит частным образом поговорить с любым из нас, так что я знаю очень мало о тех, кто обращается к Питеру за духовным наставничеством, и ему всегда есть о чем подумать, помимо вникания в детали дел Дома Друзей.

Каждый новый день мы начинаем с чашки чая в постели, чтения Библии и молитвы за всех, кого мы знаем. А еще я читаю *Квакерскую веру и практику*. Я просто держу в книге пять закладок, равномерно распределенных. И каждый день я читаю следующий отрывок на каждой закладке. Когда я работала в Доме Друзей, мне нужно было хорошо знать книгу, да и сейчас бывает очень полезно систематически браться за нее вплотную. Она просто полна сокровищами, в ней встречаешь так много людей! Когда я была еще подростком, и мне только что подарили мою первую копию старой голубой книги *Христианская вера и практика*, я просто открывала ее наугад и читала, что хотела. Когда мы на отдыхе, или когда можем позволить себе встать попозже, или когда приходится просыпаться очень рано, заведенный порядок можно сократить – он ведь гибкий, все равно, что режим занятий фитнесом. Я систематически молюсь за людей, потому что я работаю именно так – это мой стиль. Хорошо, если поток света и энергии в направлении человека, проекта или ситуации направляется настойчиво и систематически. Я нахожу

полезным составление списка людей, за которых собираюсь молиться, и даже список международных ситуаций. Это дает мне уверенность, что и ни кого и ничего не забуду. В качестве молитвенного списка я использую также Книгу Собраний. Я начала делать это как часть своей работы. Я не испытываю каких-то особых эмоций, делая это. Мои эмоции при этом не превышают тех колоссальных эмоций, которые я испытываю, занимаясь рутинной домашней работой – может, я вообще веду очень серую жизнь. Но мне кажется, что этот метод помогает развить устойчивое осознание людей. Он также очень хорош для того, чтобы бессловесно удерживать в Свете ситуации и людей, с которыми мы встречаемся каждый день. Машина скорой помощи или полицейская машина, те люди, к которым эти машины направляются и шоферы за рулем этих машин; международные встречи в новостях; рыдающий ребенок и рассерженная мать в супермаркете; безутешные люди в сводках новостей и все те невидимые другие, кого они представляют.

Что мы делаем, когда молимся за людей? Мы толкаем энергию в их направлении, а когда мы молимся вместе, мы объединяем эту энергию. Я помню тот день, когда наш Лэнд Ровер застрял в грязном поле. Папа поставил нас всех позади машины, скомандовал «Голкай», мы навалились все вместе, и машина, покачнувшись, выехала из грязи. Такое же ощущение и от согласованной молитвы о ситуации, которая зашла в тупик – мы объединяем свои энергии. Могут ли Друзья принять лидерство и наставничество такого рода, поскольку мы держим ситуацию в Свете? Согласны ли мы с тем направлением, в котором мы толкаем?

Возможно, другая метафора, описывающая нашу совместную молитву, лучше выразит наш опыт. Мы имеем дело с ситуацией, похожей на запутанный клубок ниток. Мы можем тянуть его или толкать – фактически, ни то, ни другое не поможет нам распутать узелки. Мы можем спокойно и аккуратно распускать их один за другим, так чтобы ослабить натяжение в переплетениях, расправить запутанные чувства, впустить воздух и подвижность, так, чтобы видеть, каким образом все можно уладить и привести в порядок. Здесь мы также проверяем, где энергия уходит в бесполезных направлениях, и освобождать ее для более продуктивных целей.

Еще один образ это образ людей, низринутых в бездну Господню.

Что же я держу в Свете, когда я думаю о ком-то? Иногда я рисую себе «частицу Господа» в них как искорку света внутри них, их внутренней сущности, сущностной значимости, на которых я и сосредотачиваюсь, и держу в Божьем свете для благословения. Особенно полезно делать это когда мы «поддерживаем клерка» на квакерском бизнес собрании, пока он составляет трудный протокол или же в тишине перед началом собрания. Клерк чрезвычайно занят, до самых глубин своего существа, все его важнейшие и особенные таланты и способности находятся на службе собрания. У него не остается свободной энергии, которую он мог бы уделить Духу, и в этот момент ему необходимо почерпнуть энергию от нас, чтобы удержаться на глубине.

Собрание для богослужения – один из самых важных для нас опытов. Там мы все ощущаем взаимную и тесную связь друг с другом и с Богом. И получается так, что когда я думаю о людях в их взаимосвязях, я держу в Свете нити связей между ними подобно прядям шерсти. Я замечаю, что особенно этот подходит к истории с рыдающим ребенком в супермаркете. Среда, используемая Духом в этот момент, это отношение между ребенком и родителем, значит, именно эта связь должна быть творческой и позитивной. Дух Святой в христианском опыте как раз и являет собой чувство общности, товарищества, звеньев в связующей сети дружбы и любви. «Сеть – это тоже любовь, текущая сквозь творение, от Б-га\гини, от нас, отовсюду. Сеть – это утверждение и

удобство, поддержка и правильное именование... И более всего для меня, сеть – это дружба» (*КВuП* 26.35). Все символы Духа – воздух, огонь, вода, голубки – подвижны, текучи, их невозможно держать взаперти или сковать их свободу. Точно также и молитва способна течь и двигаться в мгновение ока, со скоростью радиоволн или компьютерных сообщений.

Я также научилась гораздо продуктивнее пользоваться энергией собственного разума. В течение долгих лет меня страшно раздражал один персонаж, постоянно находившийся в центре общественного внимания. Доходило до того, что, только увидев его имя в газете или услышав на TV1, я уже сердилась на него. Но потом я поняла, что таким образом тратила много негативной энергии, и решила превратить ее в энергию положительную. Теперь, услышав его имя, я мысленно благословляю его. Не уверена, помогает ли мое благословение ему, но мне помогает точно. У нас есть возможность выбирать, как использовать свою ментальную энергию – позитивно или негативно.

И дисциплинированное отношение здесь заключается не только в том, чтобы четко придерживаться графика, но время от времени размышлять над тем, что же мы делаем, и следить за тем, чтобы наши поступки согласовывались с нашей концепцией Бога. Очень помогает, если живешь с человеком, придерживающимся тех же взглядов. Если мы одиноки в нашем понимании Господа, можем ли мы говорить об этом на наших собраниях или с другом? Некоторые Друзья заново открыли для себя ценность духовной дружбы.

Стремление понять, Что такое молитва, Как она действует и для Чего она, является частью изучения ее методов, и по мере того, как мы видим, духовная жизнь людей развивалась с течением столетий, мы также можем видеть, как в нашу дисциплину входила каждая новая технология. В средние века новые технические приемы в строительстве, технологии создания фресок и остекления вели к коллективному служению и дисциплине, ведь люди сами исполняли, а потом смотрели на средневековую настенную живопись и витражи в церквях. Позже, с появлением печати, библия стала легкодоступна, вследствие чего развилась дисциплина индивидуального чтения, заменив собой совместные чтения в монашеских орденах, и «Ежедневная глава» или каждодневный отрывок с комментариями стал делом обыденным. Что же происходит сегодня? Можем ли мы исследовать, как использовать фильм или музыку вместе – в медитации и в молитве? Существуют самые разнообразные варианты.

Каким образом мы используем сегодняшние технологии? Некоторые используют время, пока загружается их компьютер, для того, чтобы сконцентрироваться. Когда мы молимся за отдельных людей, легче смотреть в компьютер или лэптоп, чем в бумажный список. Потребности меняются, соответственно с этим меняются и списки. Ваш сын женится на своей подруге – мы молимся о свадьбе. Потом они сообщают вам, что ждут ребенка – добавляем в список малыша. Они узнают, что будет мальчик, и малыш становится вполне определенным ребенком. Они выбирают имя, и вот вы уже молитесь за своего внука по имени. Как волнительны все эти перемены! Чем ближе решающий день, тем чаще вы молитесь о благополучном разрешении от бремени, и так далее.

Но речь сейчас идет о действиях единичных и одиночных – а что можно сказать о потенциале информационных технологий, способных объединить нас в служении и молитве? В сети есть собрание для богослужения: worship.quaker.org. В этом собрании состоят около 100 человек со всего мира. Это «Собрание» во всех смыслах этого слова. Англиканская Церковь недавно открыла свой первый кибер-приход, в котором насчитывается 500 прихожан, ведущих совместные молитвы и дискуссии, на сайт приходит 75-100 сообщений в день. Вероятно, самое продвинутое Интернет пространство

для молитвы – у ирландских иезуитов на www.sacredspace.ie. Здесь налицо невероятные возможности.

Пользуем ли мы книги, здания или же компьютеры, самым основным для нас по-прежнему остается изучение того, что можно назвать технологией тела – как использовать дыхание, ум, осанку для развития и углубления нашего внутреннего мира. На опыте квакеров по применению физического безмолвия могли учиться другие. Так, может быть, мы для начала уясним собственные знания для себя самих?

Приятие простоты

Что я могу сказать о себе? Я выросла в квакерской семье и в собрании, в университете я изучала многие фундаментальные истины христианской веры, и при этом мне не нужно было переучивать заново детские представления о многих из них. А затем я заполняла их жизненным опытом, заведомо опиравшимся на них в силу профессиональной работы в Обществе Друзей и в Англиканской церкви. По мере того, как я разрабатывала свои собственные дорожные документы, кое-что из того, что казалось существенно важным, было отодвинуто в сторону; совсем другие вещи обрели значение. Я все больше и больше верю во все меньшее и меньшее. Я путешествую к простоте.

В центре находится фундаментальная, прошедшая испытания вера в Бога и в главенство милости Божией. Под «Богом» я подразумеваю энергию, текущую через всю сотворенную вселенную, над нами, и в то же время позволяющую познать Божественную природу – трансцендентальную, и все же имманентную, любящую, и все же исполненную истины, вечную, вневременную - и все же работающую во времени, источник всего сущего, и все же облеченную в плоть и кровь. Энергию, обретшую свой особый голос и форму в Иисусе, и все же пребывающую светом в каждом человеке. Это мощный, трансформирующий Дух, текучий и ускользающий, и в то же время тихий скромный голос, призывающий, чтобы мы вместе берегли как зеницу ока реальную, быющую через край, изобильную жизнь в каждой отдельно взятой частице ее.

Благодаря этому мы можем надежно и уверенно сохранять свою лучшую сущность. Сущность каждого из нас содержится в Боге. Квакерские слова, наилучшим образом резюмирующие мои упования, произнес Джордж Ходжкин, Друг из центра огороженного сада семей и собраний, умерший во время миссии по оказанию гуманитарной помощи в Багдаде в 1918 году:

Жизнь продолжается и продолжается во всей своей полноте, долгое время спустя после того, как угаснут волнение и мощные стимулы... Мы должны прекратить попытки схватить Бога за руку, а просто протянуть свои руки – даже если они сжаты в кулаки – чтобы Господь мог держать их. В это-то вся и разница: держать самому или протянуть руку, чтобы ее взяли... Суть в том, чтобы просто жить самым наилучшим образом, доступным нам, и отбросить все остальное (CF&P 106, 105).

Если Бог есть Бог, мы можем быть абсолютно в этом уверены, то тогда мы должны рассчитывать исключительно на Бога, и больше ни на кого. Мы не можем полагаться на отдельных Друзей, на квакерское мышление, на наши возлюбленные квакерские структуры и институты, на наши здания и даже на наш знаменитый бизнес-метод. И вот здесь-то сами квакерские принципы уведут нас от квакерства. Внутри самих себя и в рамках нашей традиции содержится искренняя резкая критика этой самой традиции. И мы

обязаны к ней прислушиваться, мы должны оставаться открытыми новому Свету и новым мыслям о старом.

Стремление придерживаться чего-то временного ведет нас к идолопоклонничеству, к тому, чтобы ставить творение человека вместо Господа. Вильям Темпл сказал: «Церковь, живущая для себя, наверняка умрет сама по себе» (цитируется в Green, 2001 год). Нам нужно искать энергию любви, изобильную жизнь, текущие во всем, что мы сделали, в структурах, которые мы создали, в комитетах, для которых мы так усердно трудимся, в домах собраний, нежно нами любимых, в общинах, возвращенных нами. Они не существуют сами для себя, и если мы создаем их только для этого, они превратятся в памятники, могильные камни, прижимающие к земле ростки нашей собственной новой жизни.

С особой ясностью я поняла это, когда умирал мой отец. Тогда я осознала, что большая часть моих упований была основана именно на нем, а не на той высшей Жизни после жизни, на которой был сконцентрирован он. Я видела это и на примере моей матери, когда, сидя на Собрании, она отворачивалась от нас, своих детей, чтобы уделить внимание внутреннему источнику Духа в ее душе. Так много можно узнать, глядя на лица друг друга во время Собрания. Данте видит это, когда в конце поэмы его возлюбленная Беатриче ведет его к Видению Бога, и в самом конце отворачивается от него к Богу.

Она ко мне свой обратила взгляд;
И вновь - к сиянию Вечного Истока.
(Песнь 31.93. Перевод М. Лозинского)

В конце концов, все те, кто ведет нас к Богу, оставляют нас одних. Слова, на которые мы полагаемся, исчезают в молчании; наша крепкая основа оказывается текущим источником жизни.

После кончины Терезы Авильской в ее молитвеннике обнаружили клочок бумаги, исписанный ее рукой:

Nada teturbe
nadateespante
todo se pasa
Dios no se muda
La paciencia
todo lo alcanza
Quiñ a Dios tiene
nada le falta
sylo Dios basta

Ничто тебя не тревожит
Ничто тебя не пугает;
Все, все проходит,
Лишь Бог никогда не меняется.
Долготерпенье и стойкость
Всего достичь могут.
И тот, кто живет с Богом,
Ни в чем тот нуждаться не будет;
Бога одного хватает.

12. Жизнь в Жизни Духа

Это лишь намеки. Остальное –
Молитва, ритуал, и дисциплина,
Разгаданный намек – почти священный дар –
И есть иное ваше Воплощенье.

Т.С. Элиот. Драй Салвэджес
(пер. Виктора Постникова)

Несколько лет тому назад при раскопках в монастыре Маунт Грейс, были сдвинуты с места несколько тонн земли. Старая почва, веками не видевшая солнечного света, задышала, и семена средневековых растений, спрятанные в земле 400 лет тому назад, пошли в рост. Вдруг вытянулся стебелек желтой красящейся травы. Мы прочитали об этом и поехали в монастырь. Я ожидала увидеть растения довольно унылого и утомленного вида. Но нет, вместо этого нашему взору открылись лужайки, заросшие высокими, трепещущими, колосящимися растениями в цвету, сияющими золотом, полными жизни – совершенно готовыми к тому, чтобы сызнова включиться в цикл творения. Мощь семян ничуть не ослабела за годы, проведенные в подземной тьме.

Во время Первой Мировой войны маки пламенели на полях Фландрии точно по той же причине. После того, как были вырыты все окопы, а снаряды пропахали заброшенные земли, почва открылась свету и семена мака получили самые что ни на есть подходящие условия для роста. Порадовались ли солдаты этой красоте? Или некоторых разгневало такое соседство утверждения жизни рядом с мерзостью запустения и ужасом? Дар новой жизни, даже исходящий из разрушения и тьмы, есть часть нашего мира, часть основы нашего существования.

Праведная жизнь в нашем меняющемся мире, по мере нашего собственного взросления и преображения, может в определенной степени приводить в замешательство. Мы ощущаем, что почва плывет у нас под ногами, особенно если меняются модели, структура и мышление нашей религиозной организации. «Разве не предполагалось, что эта группа будет держать меня крепко?», – говорим мы в глубине души. Франсис Хаугилл высказался достаточно резко в 1656 году:

Если вы построите на чем-то или доверитесь чему-то временному, находящемуся по эту сторону вечности и Существа существ, ваше основание будет сметено прочь... Почему вы переходите границу? Почему пристраиваетесь к словам святых, когда вы не знаете жизни? Вернитесь, вернитесь к Нему, кто есть первая Любовь и первенец всего творения, кто есть Свет миру... Вернитесь домой внутри, ... и вы увидите, что ваш Учитель не удаляется в угол, но пребывает с вами, когда вы лежите в постели, и в ваших трудах, убеждениях, учебе, водителе, исправлении, суждении и миротворчестве для всех, кто любит Его и следует за Ним» (*КВuП* 26.71)

Основа нашего молчания, почва для наших действий и мышления и организации есть Бог, внутри нас как у себя дома. Франсис Хаугилл дает собственные ответы на наши вопросы о том, как нам создать свою духовную жизнь. Первостепенной заботой для него становится не его собственное развитие, но ощущение того, что Господь делает внутри него. Если мы способны разглядеть дар, наполовину понимаемый как Бог имплицитный, пребывающий и имманентный во всей нашей вселенной, и тогда «Что Бог делает во мне» и «найти самое лучшее, что есть во мне и жить согласно с этим» – два способа описать одно и то же. И

Божество не только имманентно; Бог также трансцендентен, он больше, нежели наше мышление и наши личности; он иной, хотя и не дистанцируется.

Иисус описал отношение, которое все мы можем иметь с Духом Бога, Духом истины: «Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа» (От Иоанна 3:8). Мы стараемся уловить еле слышимый намек, когда Дух сверкнет в нашем сердце, и мы творим заново, по мере того, как нам является видение безмятежного мира, по мере того, как мы осознаем наше собственное могущество давать и расти.

Ах, птица рая!
Ты проследи ее полет:
Ах, птица рая!
Лети же, лети.

И мы летим с другими, данными нам Духом, и пусть кое-кто из них покажутся нам неуклюжими, а, возможно, и мы покажемся им людьми непростыми. Джеймс Нейлер был убежден, что у Духа «...основа и источник – милосердие и прощение Бога» (*KBull* 19.12). Милость Божия есть текучее основание преданной, крепкой, обетованной и надежной любви Духа, льющейся через край и изливающейся на всех нас. Принимая во внимание все различия наших индивидуальных характеров и всего мира, мы воплощаем все это в реальность друг для друга во взаимном прощении, в любящих, искренних, примиряющих, трудных, но интересных общинах. Такой Дух и есть основа наших собраний и наших упований.

Наш образ Духа как источника включает четкий элемент напряжения – напряжения, которое мы испытываем от ощущения призванности, от того, что нас просят двигаться, встать, чтобы нас видели и слышали как голоса будущего, как знаки жизни, поскольку мы милосердные, прощающие люди. Когда нас прощают, когда мы прощаем других, все вокруг нас начинает двигаться и меняться, и может оказаться так, что с этим трудно жить. Ведь гораздо проще присвоить тому или иному человеку постоянный ярлык за то, что он когда-то сделал, или наоборот не сделал. Но если люди отзываются на собственные открытия о самих себе, на свет Господа в них самих, если они растут и меняются, может, и мы можем откликаться на это? Если мы все вместе меняемся и получаем прощение в нашем совместном путешествии, чувствуем ли мы себя выбитыми из колеи или можем радоваться?

Мы чувствуем «милосердие и прощение Бога» как несгибаемую пружину Духа внутри нас. Некоторые ощущают прочный напряженный виток доброй воли, брызжущий спокойной и сдержанной энергией, готовый распрямиться к действию, стремящийся показать миру плод настоящего умиротворения. Некоторые чувствуют живое внутреннее семя, готовое открыться для новой жизни, нового творения. Другие же испытывают чувство Любви, бьющей ключом во время наших тихих часов молчания, и изливающейся из переполненных внутренних неистощимых родников наших сердец, превращающих эту энергию в пронизательность, молитву, глубинное понимание, размышления и раздумья. Трудно сказать, что конкретно есть мы, а что – работа Бога внутри нас. Но мы знаем, что нас приглашают к сотрудничеству: не подавлять Дух, но стать частью потока Любви в наше время.

В другой метафоре, представляя Дух как воду, мы можем почувствовать свое невозмутимое безмолвие, и умиротворяющую неспешность наших процедур как свежую прохладную воду. Хотя, по мере того, как мы следуем нашим водительствам, наша

миротворческая работа и усилия по защите правосудия неизбежно окунают нас и в воду погорячее.

Оставив метафоры в стороне, я предлагаю свой ответ на вопрос «Бог, кто ты?»: мы проживаем наши жизни бок о бок с величественным Духом, исполненной жизни. К нему мы простираем наш разум, пытаюсь понять его, и лучше всего эти попытки нам удаются при совместных усилиях, когда мы делимся друг с другом теми различными пониманиями изобильной жизни, о которой говорил Иисус. Этот Дух одновременно активен и спокоен, он мирный и динамичный, рациональный, упорядоченный – и в то же время креативный, непритязательный и безыскусный – но он же исполински огромен. Когда я спрашиваю «Господи, кто я?», я прихожу к выводу, что все мы живем и двигаемся и существуем в этом Духе, и в тех физических и умственных вселенных, которые являют собой выражения грандиозной, темпераментной, кипучей жизни Духа.

По мере того, как мы стремимся к тому, чтобы пребывать верными и преданными учениками Духа, твердокаменно уповающими на нечто исключительно подвижно-изменчивое, полностью скрытое, мы осознаем, что жить нам приходится с весьма приблизительными ответами на многие наши вопросы. Опираясь в своей жизни на Божие всепрощение и милосердие, мы несем это знание другим в потоке нашей общинной жизни. Жить в таком текуче-изменчивом состоянии требует умения, и мы можем помочь друг другу расти и развиваться. Мы можем разработать собственные «дорожные документы» для себя и узнавать много нового из открытий наших товарищей. Работая с детьми и молодежью на наших собраниях и учась у них, одновременно помогает расти и нам самим. Крайне важными представляются беседы с теми, кто пришел расспросить о квакерском учении и практике. Такие разговоры оживляют наши собственные мысли, освежают их и содействуют связному их выражению. Каким будет тот новый язык, которым мы будем пользоваться на протяжении следующих десятилетий этого столетия? Какую новую музыку мы сочиним, какие новые слова прорастут в наших сердцах?

И наша практика в настоящее время, и наша традиция содержат свои собственные нейтрализаторы против окаменения и стагнации. Друг за Другом направляют нас из прошлого к Духу живому, снова и снова, и каждый раз заново работающему в нас. Неделя за неделей поразительный факт квакерской молитвы тихо учит нас, как входить в мир собственного сердца, как служить Господу, как слушать внутреннего наставника и как постоянно быть настороже, улавливая намеки и догадки, высматривая искры в сети нашего сообщества.

В нашем молчании, что же делает Бог?
Как мы можем помочь?

Вопросы для обдумывания и обсуждения

Некоторые вопросы из этого списка подходят для раздумчивого обсуждения, в чем-то вроде совместной молитвы; другие подходят для индивидуальных раздумий, и, наконец, третьи хороши для практических соображений, и вполне возможно заканчиваются решением собрания.

Джон Вулман предположил, что мы должны жить «в согласии с замыслом нашего творения».

- В чем заключается замысел индивидуального внутреннего творения каждого из нас, что за человек есмь я? Как я могу это выяснить?
- Могу ли я исследовать эту проблему самолично, в тишине собрания для богослужения? Или же мне легче обрести себя в группе?
- Что я создаю? Детей, атмосферу, сад, музыку, хорошее рабочее место, мир?
- Какой вклад я способен внести – в чем мой дар? Как все это варьируется от контекста к контексту, в зависимости от времени и ситуации?
- Что помогает моей личной внутренней жизни? Что мешает ей?
- Что следует отложить в сторону для того, чтобы быть целеустремленным, всеобъемлющим, чистосердечным во время этих изысканий,?
- Как мне жить в близости с собственной природой? Что восстанавливает меня?
- Кто помогает мне созидать и развивать силу и непорочность собственного внутреннего я? Какая группа, какие люди?
- Могу ли я помочь другим, и могут ли другие помочь мне, в исполненной любви честности, с тем, чтобы полнее узнать и принять себя?
- Что можем мы, как часть интернационального и национального сообществ, чтобы обновить и заново сотворить нашу Землю?
- Что могу сделать я, как отдельная личности? Что может сделать мое собрание?

* * *

Один новый член собрания написал:

Многое в Друзьях привлекает меня... Но главное – то, что на первое место они ставят Господа: признание того, что «Бог есть в каждом», и их подход к Богу; концентрация на вслушивании в Божию волю и распознавание оной, и, конечно же, честность, подлинность, дисциплина, доверие и уступчивость, все это содержится в молчаливом служении Господу.

- Каким образом мы ставим Господа на первое место?
- Как нам удастся сохранять наше видение Господа достаточно грандиозным?
- Каким образом мы углубляем и расширяем наше понимание воздействия Духа в других вероисповеданиях и у людей, утверждающих, что у них нет веры?
- В тишине нашего Собрания можем ли мы прояснить для себя, на чем мы основываемся и в чем мы уверены? Способны ли мы на время забыть о внешних

недостатках предмета или человека с тем, чтобы заглянуть в божественную силу, лежащую в основе?

- Можем ли мы возвращать людей и вещи обратно к Господу, их источнику и первопричине?
- Есть ли в нашей квакерской структуре или жизни нечто, что мы способны превратить в идола, заменить им Божественную силу?
- Строим ли мы новые квакерские структуры, опираясь на прочное основание веры в живой Дух?
- Желаем ли мы стать строительным материалом? – и материалом и инструментами творения?
- Кто претворяет в слова мысли и базовые концепции, которых нам следует придерживаться, а также наши структуры, укорененные в Духе, на местном и национальном уровнях? Кажется ли это мне важным? Если да – то почему, если нет – то почему?
- Когда мы расходимся во мнениях друг с другом, прилагаем ли мы усилия к тому, чтобы услышать, откуда исходят слова нашего собеседника, чтобы вместе с ним искать конструктивный путь вперед?
- Мы знаем наши ценности – а живем ли мы на наших собраниях в согласии с этими ценностями на самом деле?

* * *

Джордж Фокс спросил Маргарет Фелл и людей из Улверстона: «но что ты можешь сказать? Ты – дитя ли Света, ходишь ли в свете» (*КВиП* 19.07)

- Каков твой язык, твой способ передавать правду?
- Каков твой опыт с Духом?
- Как ты отвечаешь новому прихожанину, который спрашивает «Итак, во что же ты веришь?»
- Какие основные истины и ценности нам нужно передать молодежи и детям на наших собраниях?
- Что нового мы будем говорить в следующую половину столетия – какую музыку напишут Друзья, какой язык произрастет из наших сердец?

* * *

Джеймс Нейлер писал в 1660 году: «Есть дух, который я чувствую... его основа и источник - милосердие и прощение Бога.» (*КВиП* 19.12)

- Как милосердие и прощение Бога нарождаются в наших жизнях?
- На что опираем мы наши жизни в этой текучести?
- Можем ли мы принять упование Господа в нас?
- Можем ли мы воодушевить друг друга на понимание этого упования?

Глоссарий

Квакерская организация

Британское Годовое Собрание – это организация Друзей в Британии, состоящая из месячных собраний (организационная единица по территориальному признаку) и подготовительных (местных) собраний. «Годовыми Собраниями» и «Месячными Собраниями» также называются ежегодные и ежемесячные собрания Друзей для молитвы и деловых вопросов.

Собрание в Поддержку Страждущих – центральный совещательный орган Британского Годового Собрания, действует от лица годового собрания между его ежегодными сессиями.

Квакерская вера и практика (КВиП) представляет собой самое последнее, датированное 1994 годом издание в серии Книг Дисциплины Квакеров в Британии, история которых началась в 1738 году. Книга объединяет разделы по структуре Британского Годового Собрания, его заседаний, комитетов, сотрудников, методов работы, включая антологию описаний, представленных Друзьями, об их опыте, верованиях, всех аспектах их веры и практики. В предисловии содержатся *42 Совета и Вопросы*, где кратко описывается стремление Друзей жить в Духе. Цитируя квакерский протокол 17 века в Балби *Квакерская вера и практика* и *42 Совета и Вопросы* начинаются с уверения в том, что «все это мы не навязываем вам, как правила или как жесткую форму, которым нужно строго следовать, но вы, освещенные чистым и святым светом, можете быть ведомы, и так, пребывая в Свете, действуйте в Духе, потому что буква убивает, а Дух животворит». *Христианская вера и практика* (в тексте сокращенно *CF&P*, 1959 год) является предшественником *Квакерской веры и практики*.

Свидетельства – воплощают в себе ценности квакерства на практике, такие как миротворческая работа, простота жизни и поиск непорочности. Широко известно Свидетельствование о мире, выраженное в воззвании к Карлу II в 1660 году. Найти этот текст можно в *Квакерской вере и практике* (24.04)

Квакерские собрания

Собрание для богослужения – происходит, по крайней мере, еженедельно в большинстве местных собраний, оно открыто для всех, для членов и прихожан, которые хотят присутствовать. **Деловые собрания** точно так же в основе своей имеют молитвенное богослужение, но концентрируются они на особых вопросах для рассмотрения и принятия решений.

Старейшины – назначаются местными, месячными, годовыми и прочими квакерскими собраниями и несут особенную ответственность за духовное состояние собрания и его членов. **Наблюдатели** назначаются подобным же образом для пасторского присмотра. **Клерк** собрания несет ответственность за повестку дня делового собрания, в других случаях эта обязанность возлагается на председателя. Поскольку квакеры не голосуют, а скорее ждут, пока появится единое «ощущение собрания», клерк, тем не менее, выполняет в высшей степени особую роль различить и внести в протокол появление этого совместного решения.

Прихожане – те, кто часто посещают собрание, хотя еще не стали полноправными членами. Прихожане зачастую издавна и глубоко привязаны к квакерской жизни и играют в ней заметную роль.

Некоторые квакерские организации

Яблочное семя (Appleseed): организация создана Крисом Куком и Брендой Клиффт Хилз как служение, предлагающее различные мероприятия в выходные, выездные собрания, и т.п., главным образом в Вудбруке, объединяя учение, идущее как от головы, так и от сердца, с простыми ответными действиями, основывающимися на искусстве, и совместные молитвы вместо дискуссий.

«Ливенеры» (The Leaveners): квакерский молодежный театр, чье название произошло от библейской образности, столь излюбленной ранними Друзьями.

«Квакерский квест» – представляет собой практическое введение в квакерский способ мышления и практики для новичков. Для этого организуется цикл занятий по основным аспектам.

Квакерские гобелены – серия панно, на которых изображалась жизнь квакеров в прошлом и настоящем. Группы и отдельные лица вышивали эти гобелены, работая совместно на протяжении годового собрания. Сейчас гобелены представлены на постоянной выставке в Доме Собраний в Кендале, Кумбрия.

Вудбрук – квакерский учебный центр в Бирмингеме, Великобритания. Там проводится обучение, и публикуются работы во всех областях квакерской веры и практики.

Некоторые проекты, в которых участвуют квакеры

Проект «Альтернативы Насилию» (AVP)

Проект предлагает участие в семинарах-тренингах, на которых людей учат жить без насилия, основываясь на уважении и заботе о самих себе и других. Хотя по своей природе и по своему духу организация является квакерской, в ней есть представители всех вероисповеданий или неверующие.

Круги поддержки и подотчетности появились в Канаде в 1990-х годах, затем квакеры привели эту организацию и в Великобританию. Опираясь на принцип восстановительного, некарательного правосудия, добровольцы работают с людьми, имеющими приговоры за сексуальные преступления, предоставляя поддержку и надзор в процессе их безопасной реинтеграции в общество.

Совесть, Движение за Мирный Налог – борется за легальное право для тех, кто отказывается от военной службы по религиозным или иным убеждениям, направлять на мирные цели часть их налогов, которая сейчас идет на военные нужды.

Экуменическая программа сопровождения, действующая в Израиле и Палестине (ЭПСИП) привлекает волонтеров для сопровождения палестинцев и израильтян в их ненасильственных действиях и согласованных разъяснительно-пропагандистских усилиях, направленных на то, чтобы положить конец оккупации.

